

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLI-й. СЕНТЯБРЬ. 1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія: 1) Портретъ **Андрея Денисьевича Виніуса.**
2) Планъ Гродненской губ. (Володимірія).

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва п. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой". Знаменская, 27.
1910.

IX-я книга „Русской Старины" вышла 1-го сентября 1910 года.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 18 мая по 15-е іюня 1910 г.

Грабарь, Игорь. Исторія Русскаго Искусства. Вып. 2. Спб. 1910. Изд. І. Кнебель (Москва). Тип. Р. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (24×31). 111 стр. Съ 81 рис. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 15.000 экз.

Дробининъ, К. М. „Разсказъ Марѳы Гордѣевны Чегодаевой, урожденной Самротиной, деревни Лужковой, Очерской волости, Оханскаго уѣзда, Пермской губерніи" и „Искатель истины". Оттискъ изъ III вып. „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества". Спб. 1910. Тип. В. М. Вольфа (Невскій, 126). 8° (16×25). 9+7 нен. стр. Вѣсъ 2 л. 70 экз.

За четверть вѣка. Къ исторіи церковно-приходскихъ школъ. 1884—1909. М. 1910. Тип. Синодальная. 8° (18×27). 544 стр. Съ портр., рис. и 14 таб. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 29 л. 2.000 экз.

Игнатовичъ, И. И. Помѣщичьи крестьяне накануне освобожденія. М. 1910. Изд. и тип. 2-е, т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (14×21). 312 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 27 л. 3.000 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 18. М. 1910. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. И. Кушнеревъ и К° (Пименовская, св. д.). 8° (19×27). 80 стр. Съ портр. Вѣсъ 16 л. 10.000 экз.

Катаевъ, П. М. Смута Московскаго Государства и отраженіе ея въ Н.-Новгородѣ. Историческій очеркъ. Къ 300-лѣтію Смутнаго времени. Н.-Новгородъ. 1910. Изд. Ученой Архивной Комиссіи. Тип. Т-ва печ. дѣла Н. И. Волковъ и К°. 8° (13×19). 69 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Масловскій, С. Д. Систематическій указатель книгъ (1832—1910) въ библіотекѣ Императорской Николаевской военной академіи. Вып. 1. Военная исторія. Спб. 1910. Тип. Бережливость (Невск. пр., 139). 8° (19×26). XI+639+XXVI стр. Вѣсъ 4 ф. 10 л. 500 экз.

Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества. Подъ ред. Владиміра Бончъ-Бруевича. Вып. III. Штундисты-Постники. Свободные христіане. Духовные скопцы. Старообрядцы. Спб. 1910. Тип. Б. М. Вольфа (Невскій, 126). 8° (18×25). IV+311 стр. Складъ: Невскій пр., д. 126. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 2.500 экз.

Назаревскій, В. В. Русская исторія. VI. 1881—1894. М. 1910. Тип. И. Д. Сытина (Пятницк., с. д.). 8° (16×24). 92 стр. Съ 63 рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 12 л. 4.000 экз.

Назаревскій, В. В. Царствованіе Императора Александра III. 1881—1894. М. 1910. Тип. И. Д. Сытина (Пятницк., с. д.). 8° (16×24). 92 стр. Съ 63 рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 12 л. 4.000 экз.

Платоновъ, С. Ѳ., проф. Учебникъ Русской Исторіи для средней школы. Курсъ систематическій въ двухъ частяхъ. Спб. 1910. Изд. 2-е. Тип. Александрова (Надеждинск., 43). 8° (17×24). 486 стр. Складъ: Я. Башмаковъ и К° (Итальянск., 31). Ц. 1 р. 80 к. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 10.000 экз.

Погодинъ, Н. Н. Г. Помяловскій. Критико біографическій этюдъ. Безпл. прил. къ „Современ. журналу". Спб. 1910. Тип. Экономія (Екатерингофскій, 69). 8° (14×20). 12 стр. Вѣсъ 2 л.

Погодинъ, Н. А. П. Чеховъ. Литературная характеристика. Безпл. прил. къ „Современ. журналу". Спб. 1910. Изд. 2-е. Тип. Экономія (Екатерингофскій, 69). 8° (14×20). 24 стр. Вѣсъ 2 л.

Русскіе самородки въ жизнеописаніяхъ и изображеніяхъ. Вып. I. Историки Голиковъ, Забѣлинъ, Погодинъ. Спб. 1910. Изд. Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ. Тип. Синодальная (Кабинетская, 15). 8° (15×22). 44 стр. Съ 3 портр. и рис. Вѣсъ 5 л. 5.000 экз.

Русскіе самородки въ жизнеописаніяхъ и изображеніяхъ. Вып. II. Ученые Семеновъ, Сковорода, Тезиковъ. Спб. 1910. Изд. Училищн. Совѣта при Св. Синодѣ. Тип. Синодальная (Кабинетская, 15). 8° (15×22). 55 стр. Съ 3 портр. и рис. Вѣсъ 5 л. 5.000 экз.

Русскіе самородки въ жизнеописаніяхъ и изображеніяхъ. Вып. III. Путешественники и промышленники Дежневъ, Демидовъ, Хабаровъ. Спб. 1910. Изд. Училищн. Совѣта при Св. Синодѣ. Тип. Синодальная (Кабинетская, 15). 8° (15×22). 52 стр. Съ 3 портр., рис. и картой. Вѣсъ 5 л. 5.000 экз.

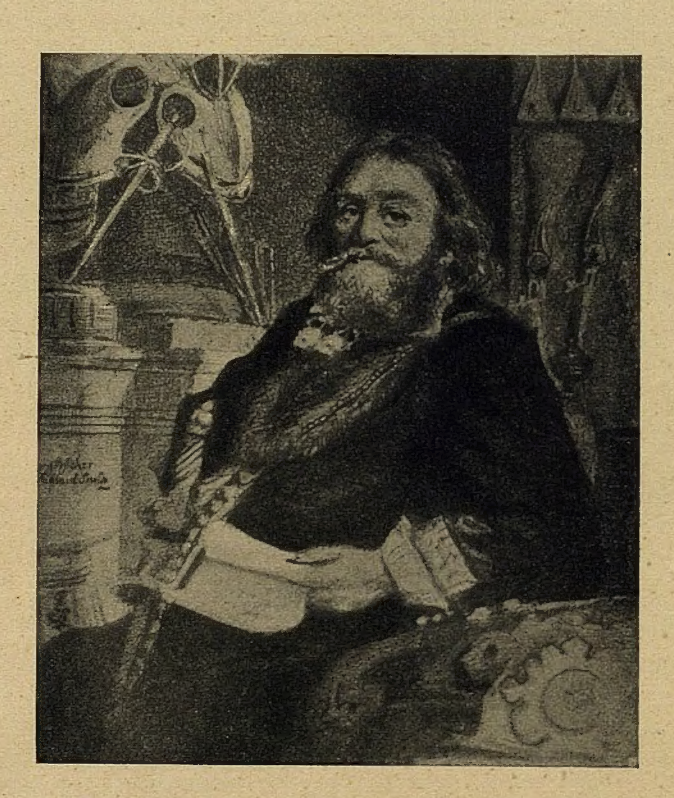
Русскіе самородки въ жизнеописаніяхъ и изображеніяхъ. Вып. IV. Изобрѣтатели Власовъ, Волосковъ, Кулибинъ, Телушкинъ. Спб. 1910. Изд. Училищн. при Св. Синодѣ Совѣта. Тип. Синодальная (Кабинетская, 15). 8° (15×22). 51 стр. Съ 3 портр. и рис. Вѣсъ 5 л. 5.000 экз.

Русско-Японская война 1904—1905. Томъ VII. Тылъ дѣйствующей Арміи. Часть I. Организація и дѣятельность управленій дѣйствующей арміи. Спб. 1910. Тип. Тренке и Фюсно (Максим. пер., 13). 8° (20×28). VI+396+175+20 стр. Вѣсъ 3 ф. 19 л. 4.050 экз.

Сташевскій, Е. Д. Смѣта военныхъ силъ Московскаго государства въ 1663 году. Кіевъ. 1910. Тип. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская). 8° (16×26). 29 стр. Вѣсъ 4 л. 150 экз.

Томилинъ, С. Грюнвальдская Битва 1410 года. Военно-историческій очеркъ къ 500-лѣтію. Вильна. 1910. Тип. Штаба Вил. Воен. Окр. 8° (14×22). 24+1 стр.+2 карты. Складъ: Ярославская, 33, кв. 12. Вѣсъ 4 л. 1.000 экз.

Абрамовъ, И. С. Поѣздка въ Стародубье. Оттискъ изъ III вып. „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества". Спб. 1910. Тип. Б. М. Вольфа (Невскій, 126). 8° (16×25). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 120 экз.

Андрей Денисьевичъ
Винiусъ

ПРИ ЖУРНАЛѢ „РУССКАЯ СТАРИНА"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса".

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,

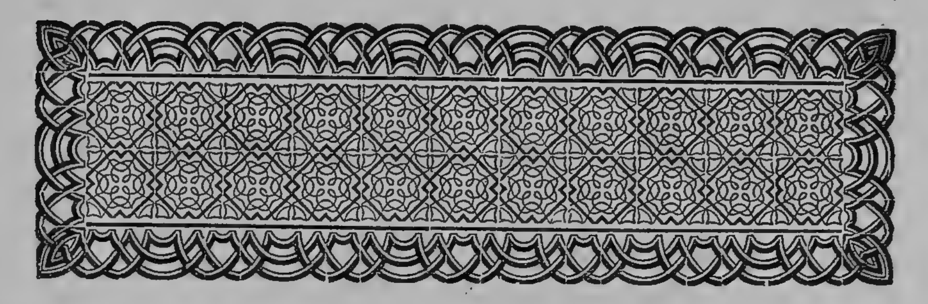
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Наброски изъ моей жизни [1].

Покончивъ съ казенною издательскою дѣятельностью и оставаясь по-прежнему только членомъ военно-ученаго комитета, гдѣ не предстояло ежедневной срочной работы, я думалъ, на что бы направить свою дѣятельность, кромѣ служебной обязанности. Но мнѣ не пришлось долго раздумывать потому, что въ началѣ уже 1869 года начальникъ главнаго штаба, графъ Гейденъ, во время засѣданія комитета обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Дмитрій Алексѣевичъ поручилъ мнѣ спросить васъ, не желаете ли вы поѣхать членомъ отъ военнаго министерства въ комиссію, которую предполагается послать на Амуръ и на Сахалинъ.

Такое неожиданное предложеніе отправиться съ какою-то комиссіею, о которой никто еще ничего не зналъ, меня не только что не смутило, но очень порадовало, и я, не задумавшись, отвѣчалъ:

— Поѣду куда угодно и буду очень радъ, если военному министру не вздумается почему-либо измѣнить моего назначенія.

— Если онъ назвалъ васъ, то уже конечно перемѣны ожидать нельзя. Готовьтесь.

— Но что же это за комиссія и кто ея предсѣдатель? спросилъ я.

— Предсѣдатель генералъ-адъютантъ Сколковъ, а члены отъ другихъ министерствъ еще неизвѣстны.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, іюль 1910 г.

Поводомъ къ назначенію комиссіи былъ всеподданнѣйшій докладъ генералъ-губернатора Восточной Сибири о необходимости самыхъ коренныхъ измѣненій по всѣмъ отраслямъ управленій какъ гражданскихъ, такъ военныхъ и морскихъ.

Съ этою цѣлью въ составъ комиссіи вошли: отъ военнаго министерства я; отъ морского В. И. Поповъ, внутреннихъ дѣлъ В. Д. Карповъ, государственныхъ имуществъ Людоговскій, министерства финансовъ (горнаго департамента) Дейхманъ и Осиповъ отъ департамента удѣловъ.

Эта комиссія, образованная по Высочайшему повелѣнію, отправилась въ Сибирь въ концѣ апрѣля, а вернулась въ Петербургъ въ декабрѣ.

Въ теченіе почти 9 мѣсяцевъ она прошла на пароходѣ все теченіе Амура, останавливаясь для изслѣдованія почти въ каждой станицѣ и въ крестьянскихъ деревняхъ вплоть до Николаевска, была и на Сахалинѣ, а по возвращеніи зимою въ Иркутскъ приступила къ составленію всеподданнѣйшаго отчета, въ которомъ изложила весьма подробно общее положеніе Амурскаго края и указала на тѣ измѣненія, которыя необходимо привести въ исполненіе для дальнѣйшаго развитія этого богатаго, но мало населеннаго края. Комиссія старалась въ подробности изобразить этотъ край, начиная съ его характеристикъ.

Мысль о занятіи устьевъ Амура всецѣло принадлежитъ сибирскому начальству въ лицѣ сибирскаго губернатора Лавинскаго, управлявшаго Сибирью въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Но идея, полная государственнаго смысла, по обыкновенію нашла горячихъ противниковъ въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Къ счастью для Россіи Николай Павловичъ взялъ въ свои руки это дѣло и приказалъ снарядить для изслѣдованія особую экспедицію [1]), которая своими неумѣлыми дѣйствіями ввела въ заблужденіе Императора, написавшаго на докладѣ о ней: „Весьма сожалѣю. Вопросъ объ Амурѣ, какъ рѣкѣ безполезной, оставить“.

Съ назначеніемъ сибирскимъ генералъ - губернаторомъ Муравьева, картина рѣзко измѣняется. Къ уму и энергіи Муравьева присоединяется въ 1847 году умъ, энергія и гражданское мужество простого командира транспорта, назначеннаго для перевозки продовольствія изъ одного пункта въ другой. Этому командиру транспорта суждено было вмѣстѣ съ Муравьевымъ занять имя въ исторіи Россіи. Отправляясь въ плаваніе съ спеціально назначенною цѣлью, онъ имѣлъ въ виду совершенно другое—изслѣдованіе

---

[1] Барона Врангеля.

Амура. Много трудовъ, хлопотъ и энергіи стоило ему, чтобы добиться полученія двусмысленной инструкціи, въ которой, однако, слово Амуръ было вовсе исключено. Но и эта двусмысленность, грозившая Невельскому въ случаѣ неудачи большою отвѣтственностью, не устрашила доблестнаго моряка, который 12-го іюня 1849 года на транспортѣ „Байкалъ" былъ уже въ Татарскомъ проливѣ, пробиваясь между льдами, а 27 сталъ на якорь въ лиманѣ Амура. Вслѣдъ затѣмъ съ утра до ночи начались изслѣдованія устьевъ, что было сопряжено съ величайшимъ трудомъ и опасностью. Результатомъ этого оказалось, что Сахалинъ, вопреки увѣренію прежнихъ мореходовъ оказался не полуостровомъ, а островомъ; что входъ въ Амурскій лиманъ доступенъ судамъ, для военныхъ судовъ, а фарватеры имѣютъ 12 и 15 ф. глубины.

Когда все это было добыто трудами Невельскаго и его экипажа, то гр. Нессельроде рѣшилъ возможнымъ обсуждать вопросъ объ устьяхъ Амура. Но и тутъ онъ проявилъ свою трусость. Собранный по этому поводу комитетъ онъ не смѣлъ назвать Амурскимъ, а назвалъ его Гиляцкимъ, а героя, положившаго начало присоединенія къ Россіи громаднѣйшей и богатѣйшей территоріи онъ совѣтовалъ Государю не только не награждать, но отдать подъ судъ и разжаловать въ матросы. Таковъ былъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Въ концѣ-концовъ Николай Павловичъ рѣшилъ оставить на Амурѣ въ Николаевскѣ военный постъ, заявивъ, что, гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Невельскій не только не былъ разжалованъ въ солдаты, но даже былъ награжденъ Владимірскимъ крестомъ.

Пріамурскій край, какъ извѣстно, состоитъ изъ двухъ областей: Амурской и Приморской, пространство въ точности неизвѣстно ни той, ни другой; длина же Амурской области по Амуру доходитъ до 1.697 верстъ. Эта обширная и весьма мало населенная страна, начинаясь отъ сліянія Шилки съ Аргунью, ограничивается въ главныхъ чертахъ Яблоновымъ хребтомъ, Ледовитомъ океаномъ до Берингова пролива, Восточнымъ океаномъ и Японскимъ моремъ. Понятно, что на такомъ огромномъ протяженіи, какъ рѣка Амуръ, такъ и самыя области представляютъ весьма разнообразный характеръ.

Начиная отъ Устъ-Стрѣлки Амурскій берегъ стѣсненъ горами, подходящими во многихъ мѣстахъ къ самому рѣчному ложу, въ рѣдкихъ мѣстахъ горы эти отходятъ едва на полверсты отъ берега, образуя въ перпендикулярномъ направленіи къ рѣкѣ весьма узкія

долины, въ которыхъ только и возможно земледѣліе. Подобный характеръ имѣетъ Амуръ до устья Кумары. За устьемъ этой рѣки до Благовѣщенска общій характеръ мѣстности тотъ же самый, но только съ тѣмъ различіемъ, что горы отходятъ отъ берега нѣсколько далѣе; боковыя долины болѣе широки и встрѣчаются нѣсколько чаще.

За Благовѣщенскомъ лежитъ лучшая часть всего Амура; горы здѣсь удаляются отъ берега въ нѣкоторыхъ мѣстахъ верстъ на двѣсти; между русломъ рѣки и удалившимися горами лежитъ обширная степь, орошаемая на значительномъ протяженіи рѣками Зеею съ ея притоками. Только эта мѣстность и удобна вполнѣ для хлѣбопашества, которое здѣсь можетъ дойти до степени процвѣтанія. Но это пространство не такъ велико въ сравненіи со всѣмъ теченіемъ Амура. Не въ дальнемъ разстояніи за устьемъ рѣки Буреи начинается Хинганскій хребетъ, горы котораго, стѣсняя русло Амура, опять подходятъ къ самому берегу и образуютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ весьма узкія долины. Здѣсь хлѣбопашество не только не можетъ процвѣтать, но самое существованіе населенія поддерживается уже другимъ промысломъ—звѣринымъ.

За Хинганомъ между станицами Союзною и Головиною на протяженіи 269 вер. идетъ опять степная мѣстность; отсюда до Хабаровки мѣстность хотя степного характера, но низка и затопляется. Этотъ характеръ продолжается верстъ на двѣсти за Хабаровку, а затѣмъ начинаются горные хребты, подходя къ самому берегу, образуя узкія долины, лѣсистыя и болотистыя пространства до самаго устья.

Климатъ Пріамурскаго края по преимуществу континентальный, отличающійся болѣе суровыми зимами и болѣе жаркимъ лѣтомъ, нежели климатъ соотвѣтствующихъ географической широтѣ мѣстностей Европейской Россіи. Эта характеристическая черта мѣстнаго климата выражается весьма замѣчательными отступленіями отъ нормальнаго распредѣленія растеній и животныхъ. Такъ, напримѣръ, многія изъ произведеній растительнаго царства, свойственныхъ средней полосѣ Россіи, не достигаютъ на Амурѣ того развитія, котораго слѣдовало бы ожидать по географическому положенію мѣстности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ той же самой мѣстности и рядомъ даже съ хвойными лѣсами находятся въ дикомъ состояніи представители флоры и болѣе теплыхъ поясовъ, какъ, напримѣръ, дикая виноградная лоза и пробковое дерево. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что ягоды виноградныхъ лозъ родятся на Амурѣ мелкими и кислыми, а пробка весьма рыхлая и вообще дурного качества.

Что же касается болѣе теплыхъ мѣстностей—часть Амурской

области, между Благовѣщенскомъ и Хабаровкою, отъ Хабаровки до Софійска, Уссурійскій и Южно-Уссурійскій край, то здѣсь климатъ позволяетъ воздѣлывать болѣе нѣжныя растенія, какъ сахарная свекловица.

Почва Амурской области въ однихъ мѣстахъ степная, въ другихъ, а именно въ береговыхъ долинахъ—лѣсная, трудно поддающаяся расчисткѣ, а отъ этого условія зависитъ успѣхъ колонизаціи. Трудность расчистки имѣетъ прямымъ послѣдствіемъ то, что переселенцы не въ состояніи подготовить подъ пашню пространство земли, необходимое для продовольствія ихъ семействъ. Вслѣдствіе этого, новое населеніе впадаетъ въ нужду и для своего прокормленія нерѣдко прибѣгаетъ къ продажѣ орудій своего производства, преимущественно скота.

Къ числу неудобствъ Амурской области необходимо отнести частую затопляемость; однѣ мѣстности затопляются при каждомъ полноводіи, другія во время слишкомъ высокой воды; наконецъ, есть мѣстности совершенно безопасныя отъ наводненій. Къ послѣднимъ принадлежатъ степныя пространства Благовѣщенскаго района и земли Южно-Уссурійскаго края.

Первая причина затопляемости заключается естественно въ томъ, что первоначально при выборѣ мѣстъ подъ поселенія руководились условіемъ, чтобы выбираемое мѣсто представляло менѣе препятствій и требовало по возможности менѣе труда. Понятно, что подобнымъ условіямъ удовлетворяли мѣста, если не низменныя, то, по крайней мѣрѣ, весьма не высокія, поросшія по большей части не густымъ кустарникомъ. Такія мѣста въ особенности, если они находились въ устьѣ рѣчки, впадающей въ Амуръ, въ полную воду затоплялись и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ огороды и даже пашни по необходимости переносились подалѣе отъ берега, и кустарникъ расчищался позади деревни до самаго лѣса. Расчистка кустарника довела хозяйство до того, что нѣкоторые хозяева во время пребыванія на мѣстѣ комиссіи имѣли уже болѣе десяти десятинъ. Дальнѣйшее хозяйство, понятно, потребовало расчистки уже не кустарника, а лѣса, что сопряжено съ большимъ трудомъ. Поэтому начали заявлять желаніе переселиться на новыя мѣста, при чемъ всегда разсчитывали, если не на денежную помощь, то по крайней мѣрѣ на нѣкоторое правительственное содѣйствіе къ переселенію, какъ, напримѣръ, на даровую перевозку на пароходахъ и т. п.

Вся оборона Пріамурскаго края до 1869 года лежала на шести батальонахъ, одной крѣпостной командѣ, пяти постовыхъ командахъ, одной сотнѣ и одной ротѣ крѣпостной артиллеріи, горнаго дивизіона и горнаго взвода на Сахалинѣ. Въ численномъ отношеніи это была

ничтожная сила, особенно въ виду постоянной разницы между списочнымъ и наличнымъ составомъ войскъ. До какой степени эта разница была велика, можно судить по тому, что во время пребыванія въ краѣ комиссіи въ линейномъ № 3 батальонѣ изъ числящихся по списку 6.407 было на лицо только 1.497 человѣкъ.

Причина этой разницы между списочнымъ и наличнымъ составомъ батальоновъ, главнымъ образомъ, зависѣла отъ того положенія, въ которое были поставлены войска въ Пріамурской области. Занявъ край совершенно новый, вовсе лишенный рабочихъ рукъ, войска, по необходимости, кромѣ охраны края должны были нести на себѣ такія заботы и обязанности, которыя вовсе неизвѣстны войскамъ, расположеннымъ въ другихъ частяхъ имперіи.

Все то, что до прибытія комиссіи, то есть до 1869 года, построено въ Благовѣщенскѣ, Хабаровкѣ, Софійскѣ, Маріинскѣ, Николаевскѣ, въ де-Кастро, во Владивостокѣ, Посьетѣ, въ Никольскомъ и на Камнѣ-Рыболовѣ, есть результатъ трудовъ войскъ, которыя кромѣ того построили всѣ дороги, сдѣлали телеграфныя просѣки, служатъ ямщиками на почтовыхъ трактахъ, ловятъ и заготовляютъ рыбу для продовольствія и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разрабатываютъ каменный уголь.

Понятно, что при такихъ трудахъ военное образованіе войскъ не могло быть высоко. И дѣйствительно исключеніе составляла только артиллерія на границѣ въ Новокіевскомъ урочищѣ.

Въ особенности въ крайне плохомъ положеніи находились всѣ постовыя команды. Здѣсь не только хромало военное образованіе, но и все остальное было въ невозможно плачевномъ положеніи. Вслѣдствіе большого расхода людей постройка одежды почти никогда не оканчивалась въ срокъ, почему обмундированіе, можно сказать, находилось въ самомъ безобразномъ видѣ. На смотръ генерала Сколкова люди выходили на половину въ сапогахъ и въ старой истрепанной форменной одеждѣ.

Постовая команда на Камнѣ-Рыболовѣ, осмотрѣнная мною, вышла частью въ лаптяхъ, другая часть въ изорванныхъ шинеляхъ; а остальные въ какихъ-то ватныхъ казакинахъ.

Слѣдствіе этого было то, что военный министръ Д. А. Милютинъ три года подрядъ посылалъ генерала Тимофеева для приведенія въ порядокъ.

Но кромѣ регулярныхъ войскъ оборона края лежала на казакахъ. Казачье войско состояло изъ Амурской конной бригады; Амурскаго казачьяго пѣшаго батальона и Уссурійскаго пѣшаго батальона.

Вся численность казачьяго населенія составляла 18.519 душъ о. п. Въ частности населеніе казаковъ было: въ Амурской конной бри-

гадѣ 7.548 д. о. п.; въ Амурскомъ пѣшемъ батальонѣ 5.661 д. и въ Уссурійскомъ пѣшемъ батальонѣ 5.310 д. од. п.

Эти казачьи войска, какъ въ военномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи были удовлетворительны за исключеніемъ пѣшаго Уссурійскаго батальона. Конная бригада и пѣшій Амурскій батальонъ успѣли со времени своего переселенія уплатить часть долга казнѣ. Первая изъ долга 56.423 р. уплатила 17.254 р., а второй изъ 43.541 р.—29.107 р.

Казаки въ обѣихъ этихъ воинскихъ частяхъ развили здѣсь хлѣбопашество до такой степени, что нѣкоторый избытокъ своего хлѣба продаютъ на сторону.

Но едва не въ отчаянномъ положеніи нашла комиссія пѣшій Уссурійскій батальонъ. Причина этого заключается въ слѣдующемъ.

По присоединеніи Амурскаго края къ Россіи генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири было предположено для фактическаго занятія края и въ видахъ защиты его поселить на границѣ его казачье войско. Это было сдѣлано Муравьевымъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1858 года. При предположеніи этомъ представлены были и соображенія о способахъ и расходахъ передвиженія казаковъ Забайкальскаго казачьяго войска для сформированія изъ нихъ четырехъ пѣшихъ батальоновъ, разсчетъ, сколько семействъ необходимо переселить для того, чтобы казачьи войска могли выставлять, въ случаѣ надобности, необходимое число дѣйствующихъ и резервныхъ войскъ, и проектъ Положенія Амурскаго казачьяго войска.

Предположеніе это, пройдя черезъ Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, было утверждено Государемъ Императоромъ въ октябрѣ 1856 года, и постановлено было образовать четыре пѣшихъ казачьихъ батальона для заселенія и для защиты нашей пограничной линіи.

Переселеніе 4-хъ батальоновъ началось въ навигацію 1858 года.

Въ томъ же году состоялось Высочайшее повелѣніе о перечисленіи штрафованныхъ нижнихъ чиновъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи въ казаки Забайкальскаго и Амурскаго казачьяго войска. Этою мѣрою было положено усилить рабочую силу сказанныхъ войскъ. Въ 1858 году послѣдовалъ проектъ новаго устройства и положенія Амурскаго войска. Конныя казачьи войска должны были сформировать 2 полка 4-хъ сотеннаго состава и составить Амурскую конную бригаду; пѣшія же войска предполагалось раздѣлить на два батальона, съ наименованіемъ ихъ Амурскимъ и Уссурійскимъ пѣшими казачьими батальонами. Въ видахъ недостаточности кореннаго казачьяго населенія, для охраненія границы и поддержанія внутренняго порядка на обширной территоріи, предположено было

усилить батальонъ поселеніемъ 1.000 человѣкъ изъ нижнихъ чиновъ гарнизонныхъ батальоновъ, перечисленныхъ въ казаки.

Дальнѣйшее движеніе изъ Забайкальской области казаковъ, назначенныхъ въ Уссурійскій батальонъ, происходило въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ.

Въ октябрѣ 1861 года военный губернаторъ Амурской области доносилъ о неуспѣхѣ въ водвореніи нижнихъ чиновъ изъ гарнизонныхъ батальоновъ, перечисленныхъ въ казаки, съ изложеніемъ тому слѣдующихъ причинъ. Общее число перечисленныхъ достигало въ Амурской области: холостяковъ 1.068, женатыхъ, не имѣющихъ женъ при себѣ, 24, женатыхъ съ семействами 171, всего 1.263 человѣка. По общему исчисленію народонаселенія области, число душъ мужского пола превышало число душъ женскаго пола всего на 1.260 душъ. Такимъ образомъ предвидѣлось, что большая часть холостыхъ нижнихъ чиновъ навсегда останутся таковыми. Вредный результатъ этого состоитъ въ томъ, что они будутъ оставаться безъ всякой помощи въ старости и никогда не упрочатъ своего хозяйства. Впрочемъ, эта безсемейность нижнихъ чиновъ еще не такъ вредна, какъ дурное нравственное вліяніе ихъ на населеніе. Неспособность ихъ къ труду приводитъ ихъ къ безвыходной нищетѣ и служитъ причиною мелкаго воровства и даже грабежа у инородцевъ и казаковъ.

Семейные казаки не принимали нижнихъ чиновъ въ работники въ свои семьи, вслѣдствіе неспособности ихъ къ земледѣльческому труду; въ г. Благовѣщенскѣ же требуются только мастеровые, часть которыхъ между перечисленными въ казаки весьма незначительна. Вслѣдствіе этихъ причинъ, люди эти, въ массѣ, не имѣютъ заработковъ и средствъ къ пропитанію.

Между перечисленными изъ гарнизонныхъ батальоновъ были трудолюбивые и хорошіе хозяева, но они составляли незначительную часть всего ихъ числа и терпѣли большой недостатокъ въ средствахъ. Опираясь на приведенное положеніе дѣлъ, военный губернаторъ Амурской области, въ видахъ устраненія вреднаго вліянія и безвыходнаго положенія вновь зачисленныхъ казаковъ, просилъ генералъ-губернатора удалить всѣхъ ихъ изъ области, за исключеніемъ хорошихъ сельскихъ хозяевъ.

Въ 1866 году крайне бѣдственное положеніе нижнихъ чиновъ гарнизонныхъ батальоновъ, зачисленныхъ въ казаки Уссурійскаго батальона, побудило военнаго губернатора Приморской области просить генералъ-губернатора объ учрежденіи при названномъ батальонѣ общественной заимки (фермы), съ производствомъ на ней земледѣльческихъ работъ артелью изъ перечисленныхъ въ казаки

нижнихъ чиновъ. Этою мѣрою онъ предполагалъ дать имъ средство существованія и противодѣйствовать вредному и безнравственному ихъ вліянію на народонаселеніе. Хотя означенная мѣра и допущена была генералъ-губернаторомъ, но какъ заимка не исполняла ожиданія, возложенныя на нее, то и была уничтожена въ 1868 году. Инструменты, скотъ и сѣмянный хлѣбъ были розданы нуждающимся, хорошимъ хозяевамъ изъ казаковъ того же батальона.

Неудовлетворительное экономическое развитіе казачьяго населенія Уссурійскаго батальона побудило генералъ-губернатора въ 1868 году возложить на командированнаго въ томъ году для инспектированія войскъ Приморской области, генералъ-маіора Клейна, подробно изслѣдовать причины такого упадка батальона, а равно обревизовать названный батальонъ и его управленіе.

По ревизіи оказалось, что обмундированіе Уссурійскихъ казаковъ, состоящихъ на службѣ, крайне неисправно, многіе изъ нихъ не только не имѣли форменнаго платья, но были даже безъ верхней одежды. Нарядъ на службу не производился по существующимъ для сего правиламъ, такъ какъ онъ происходилъ по приговорамъ самого общества, подъ наблюденіемъ только командира. Отчетность въ денежныхъ суммахъ до такой степени запутана, что средства батальона совершенно неизвѣстны, даже не приведены въ ясность счета должниковъ и кредиторовъ батальона и заимообразныхъ пособій казакамъ скотомъ и разными матеріалами.

Населеніе батальона въ 28 станицахъ состоитъ изъ 792-хъ семействъ въ числѣ 4.648 душъ обоего пола, изъ нихъ 41 семейство не имѣетъ домовъ. Батальонъ весьма бѣденъ скотомъ, такъ что 208 семействъ не имѣютъ его вовсе.

Причины плохого экономическаго развитія батальона суть нерадѣніе и лѣнь самихъ казаковъ, недостаточно строгій присмотръ за ними; а главное незаботливость мѣстной власти.

Всѣ эти вышеизложенныя переформированія и измѣненія, чуть не ежегодныя, не могли не отразиться, какъ на хозяйственное, такъ и на военное положеніе Уссурійскихъ казаковъ. Поэтому комиссія заявила, что здѣсь населеніе находится въ гораздо худшемъ положеніи сравнительно даже съ крестьянами, водворенными въ низовьяхъ Амура.

Причина такого исключительнаго положенія Уссурійскихъ казаковъ заключается отчасти въ неудобствѣ топографическихъ условій занятой ими мѣстности и существеннымъ образомъ опредѣляется ошибками и неудачами при первоначальномъ водвореніи ихъ, а также, къ сожалѣнію, и характеромъ самаго населенія.

Первоначальное распредѣленіе казаковъ на Уссури было про-

изведено по непосредственному указанію администраціи, которая, по совершенному незнакомству своему съ мѣстными условіями края, руководствовалась въ этомъ случаѣ весьма обманчивымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нее поверхностнымъ осмотромъ Уссурійскаго прибрежья. Умѣренность климата, богатство и сила растительности ввели распорядителей переселенія въ полное заблужденіе относительно выгодъ колонизаціи, и вслѣдствіе этого первые переселенцы были размѣщены безъ надлежащаго вниманія съ соблюденіемъ лишь произвольно опредѣленныхъ, между вновь учрежденными поселеніями, разстояній.

Другая важная ошибка, допущенная администраціею при первоначальномъ заселеніи Уссурійскаго края, заключалась въ неудачномъ выборѣ самыхъ элементовъ населенія. Не говоря уже о томъ, что значительная часть уссурійскихъ переселенцевъ взята была изъ такихъ мѣстностей Забайкалья, гдѣ земледѣльческій трудъ былъ только побочнымъ занятіемъ жителей, но и самый способъ назначенія этихъ переселенцевъ имѣлъ впослѣдствіи весьма вредное вліяніе на успѣхъ водворенія ихъ въ новомъ краѣ.

Порядокъ, установленный въ то время, для наряда Забайкальскихъ казаковъ къ переселенію въ Пріамурскій край, былъ жеребьевый. Отъ этого порядка формированія пѣшаго Уссурійскаго баталіона сдѣлано было отступленіе въ томъ смыслѣ, что тому, на кого падалъ жребій, было предоставлено замѣнять себя охотниками. Вслѣдствіе этого, многіе зажиточные хозяева, для которыхъ переселеніе въ неизвѣстный и далекій край было особенно чувствительно въ матеріальномъ отношеніи, предпочли вмѣсто себя нанимать и снаряжать на свой счетъ бѣдняковъ, которымъ нечего было терять при переселеніи, чѣмъ самимъ удаляться изъ родины. По этой причинѣ, ни одна часть амурскихъ обязательныхъ переселенцевъ не имѣла въ средѣ своей такъ мало зажиточныхъ хозяевъ и такъ много бѣдняковъ, какъ Уссурійскій баталіонъ.

Съ другой стороны необходимо прибавить, что обманчивое предположеніе о чрезвычайныхъ богатствахъ Уссурійскаго края побудило начальство Восточной Сибири во избѣжаніе излишняго ослабленія казачьяго населенія въ Забайкальской области пополнить контингентъ уссурійскихъ переселенцевъ такими личностями, которыя помимо совершенной бѣдности своей представлялись весьма неблагонадежными и въ нравственномъ отношеніи. То были штрафованные нижніе чины бывшихъ баталіоновъ внутренней стражи, которые, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, были переведены въ Восточную Сибирь для причисленія ихъ къ мѣстнымъ казачьимъ войскамъ. Такъ какъ люди эти въ мѣстахъ новаго причисленія свое-

го служили только обремененіемъ для старожиловъ, вовсе не нуждавшихся въ такихъ нравственно неблагонадежныхъ товарищахъ, то главное начальство края увидало въ переселеніи ихъ на Амуръ весьма удобный способъ ихъ сбыта, разсчитывая при этомъ, что благопріятныя климатическія условія и предполагаемая легкость водворенія въ Пріамурскомъ краѣ, въ связи съ предоставленными переселенцамъ льготами и пособіями, дадутъ новымъ казакамъ больше возможности къ матеріальному обезпеченію, нежели при водвореніи ихъ въ Забайкальской области. Вслѣдствіе этого часть штрафованныхъ нижнихъ чиновъ и была переселена на Амуръ вмѣстѣ съ казаками. Въ Уссурійскій же пѣшій баталіонъ ихъ зачислено гораздо больше сравнительно отчасти потому, что ими въ качествѣ охотниковъ замѣстились казаки, пожелавшіе остаться на родинѣ.

Весьма понятно, что при такомъ составѣ уссурійскаго населенія значительная часть котораго состояла изъ людей порочныхъ и никогда земледѣліемъ не занимавшихся, оно съ гораздо меньшимъ успѣхомъ могло бороться противъ встрѣченныхъ имъ трудностей при водвореніи на новыхъ мѣстахъ.

Самый способъ препровожденія казаковъ изъ Забайкалья посредствомъ бывшихъ сплавовъ не могъ остаться безъ вреднаго вліянія на ихъ будущность. Обыкновенно казаковъ и ихъ семейства, если не всегда, то по большей части сплавляли отдѣльно отъ ихъ имущества, которое слѣдовало далеко позади, подъ присмотромъ только нѣкоторыхъ казаковъ. Естественно, что самый надзоръ за имуществомъ постороннихъ лицъ не могъ быть такъ хорошъ, какъ въ томъ случаѣ, если бы за нимъ присматривали сами хозяева. Отъ такого порядка нерѣдко имущество утрачивалось, и скотъ погибалъ въ большомъ числѣ. Наконецъ, въ первое время, при маломъ знакомствѣ съ фарватеромъ рѣки Амура и съ свойствами ея теченія баржи и плоты погибали въ весьма значительномъ количествѣ, лишая казаковъ ихъ имущества, хлѣба и скота.

Придя на мѣсто, казаки заняли тѣ станицы, которыя были выбраны заранѣе безъ всякаго знакомства, какъ съ характеромъ рѣки и ея береговъ, такъ и со свойствами выбранной подъ поселеніе мѣстности.

Между тѣмъ первоначально оказанная помощь, при отсутствіи настойчивости со стороны начальства, приказанія перенести пашни на болѣе высокія мѣста, имѣла весьма вредное вліяніе на казаковъ и на ихъ послѣдующую будущность.

Получивъ увѣренность въ томъ, что и впредь они будутъ пользоваться пособіемъ отъ казны, казаки, не взирая на ежегодную

затопляемость своихъ поселеній, получая ежегодно хлѣбъ отъ казны, продолжали обрабатывать свои поля на затопляемыхъ мѣстахъ.

Кромѣ этихъ причинъ есть и другія, въ которыхъ слѣдуетъ обвинять исключительно однихъ только казаковъ. Они были твердо увѣрены, во-первыхъ, что рано или поздно имъ будетъ разрѣшено опять вернуться въ Забайкалье, а во-вторыхъ, что они безусловно должны получать изъ казны продовольствіе и всякаго рода помощь какъ потому, что они казаки, такъ и потому, что поселены на Уссури не по своему желанію, а по вызову отъ правительства. Обѣ эти причины довели казаковъ до того, что въ 1866 году многіе изъ нихъ, считавшіе въ своей семьѣ по девяти душъ, имѣли по $^3/_8$ десятины запаханной земли.

Къ сказаннымъ причинамъ необходимо присоединить во многихъ случаяхъ замѣчательную апатію казаковъ къ результатамъ своего труда, апатію, отчасти происходящую отъ вышеуказанныхъ причинъ. Какъ бы плохъ ни былъ хозяинъ, но трудно предположить, чтобы онъ не замѣчалъ плохихъ результатовъ своего труда.

Что касается до хозяйственныхъ помѣщеній, то они находились въ самомъ жалкомъ видѣ. Издали каждая станица представлялась обыкновеннымъ русскимъ селеніемъ, по приближеніи же картина измѣнялась совершенно и деревня являлась въ своемъ настоящемъ видѣ: крайне ветхія постройки, преимущественно изъ осиноваго дерева, дырявыя крыши, отсутствіе почти всякихъ пристроекъ для хозяйства и скота, тѣсное жилое помѣщеніе, грязь и нечистота внутри,—вотъ видъ большей части станицъ. Въ одной изъ станицъ есть жилое помѣщеніе, въ которомъ сѣни стояли безъ крыши, со времени первоначальнаго поселенія на Уссури. Хозяинъ въ теченіе десяти лѣтъ не крылъ сѣней въ ожиданіи разрѣшенія возвращенія въ Забайкалье. О крытыхъ ригахъ для молотьбы и сушиленъ нѣтъ и рѣчи. Такія постройки не могутъ не отражаться непосредственно на самихъ казакахъ. Наружный видъ какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей, давали самое невыгодное понятіе о населеніи: изможденныя, желтыя лица свидѣтельствовали о дурномъ состояніи здоровья. Недостатокъ хлѣба, праздный образъ жизни, дурныя постройки, нечистота помѣщеній, породили въ зиму съ 1868 на 1869 г.г. тифъ и возвратную горячку, свирѣпствовавшую съ такой силой, что въ рѣдкомъ домѣ оставались здоровые люди.

Послѣ всего описаннаго можно себѣ представить въ чьихъ рукахъ находилась охрана двухъ обширнѣйшихъ областей Россійской Имперіи. На наше счастье сосѣдняя Японія только-что совершила свою революцію и не думала еще объ азіатскомъ материкѣ. Наши

силы состояли въ это время изъ Амурской конной бригады, гдѣ были иногда только сборы, и изъ пѣшихъ баталіоновъ: Амурскаго и Уссурійскаго, гдѣ никогда и никакихъ сборовъ не было. Вслѣдствіе этого въ обоихъ баталіонахъ и никакого военнаго образованія не было. Жители станицъ Амурскаго баталіона, расположенные въ Хинганскомъ хребтѣ и промышляющіе звѣриною охотою, по крайней мѣрѣ имѣли понятіе объ оружіи, чего вовсе нельзя сказать объ Уссурійскомъ баталіонѣ.

Лучше всего можетъ характеризовать слѣдующее обстоятельство. Въ 1868 году по случаю происшедшихъ въ краѣ безпорядковъ Уссурійскимъ казакамъ были розданы превосходнѣйшіе штуцера. Люди, бывшіе въ отрядѣ, отъ неумѣнья обращаться съ оружіемъ испортили его совершенно. Получивъ ружья по станицамъ, казаки даже не распаковывали ящиковъ, а просто оставляли ихъ на дворахъ, подъ дождемъ и сыростью, почему штуцера покрылись ржавчиною, и мѣстное начальство, въ предупрежденіе окончательной порчи, отобрало оружіе въ цейхгаузъ, оставивъ у казаковъ старыя кремневыя ружья.

Русское населеніе, состоящее изъ казаковъ и добровольныхъ переселенцевъ изъ Россіи, расположено исключительно по лѣвому берегу Амура и по берегамъ нѣкоторыхъ его притоковъ. Вся же остальная территорія представляетъ незаселенное пространство съ небольшимъ числомъ кочующихъ народовъ тунгузскаго племени.

Главная масса русскаго населенія состоитъ изъ казаковъ, положившихъ начало колонизаціи края, и русскихъ переселенцевъ изъ внутренней Россіи; всѣ казачьи станицы лежатъ или на самомъ берегу Амура или не вдалекѣ отъ него; большая же часть крестьянскихъ деревень расположена по берегамъ притоковъ Амура и только весьма немногія находятся на берегу послѣдняго.

Инородцы состоятъ изъ трехъ племенъ: ороченъ, манегровъ и гольдовъ, принадлежащихъ къ тунгузскому племени, стоящихъ на первобытной степени гражданской жизни и не отличающихся другъ отъ друга по степени цивилизаціи. Всѣ они не имѣютъ осѣдлости и перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто въ занятыхъ ими районахъ.

Для полноты слѣдуетъ упомянуть, что въ Амурской области между православными живутъ и сектанты, которые впрочемъ не оказываютъ никакого вліянія на православныхъ. Всѣ они живутъ хорошо, и не бываетъ случаевъ совращенія православныхъ. Впрочемъ, если бы они и вздумали пропагандировать свое вѣроученіе, то врядъ ли бы нашли удобную для того почву. Большая часть переселенцевъ состоитъ изъ живущихъ въ малороссійскихъ губерніяхъ, твер-

до сохраняющихъ свои обычаи и не легко поддающихся какому бы то ни было ученію.

Что касается до хозяйства ихъ, то оно не только не отличается отъ хозяйства православныхъ, но весьма близко къ нему подходитъ, и только молокане, выходцы изъ Таврической губерніи, принесли сюда нѣкоторыя улучшенія, заимствованныя ими у своихъ бывшихъ сосѣдей-менонитовъ.

Успѣхъ мѣстной колонизаціи много зависитъ отъ большей или меньшей трудности расчистки первобытной земли подъ полевую почву. Трудность расчистки имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что переселенцы не въ состояніи подготовить подъ пашню пространство земли, необходимое для продовольствія ихъ семействъ. Вслѣдствіе этого новое населеніе впадаетъ въ нужду и для прокормленія своего нерѣдко прибѣгаетъ къ продажѣ орудій своего производства, преимущественно скота.

Въ этомъ отношеніи наиболѣе тяжкія условія выпадаютъ на долю тѣхъ мѣстностей, которыя и по климату и по качеству почвы принадлежатъ къ наименѣе одареннымъ природою.

Въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ относительно расчистки земель находится степное пространство Благовѣщенскаго района, прибрежная къ Амуру мѣстность, между Хинганомъ и станицею Головина и въ особенности Южно-Уссурійская область. Здѣсь новыя земли представляютъ собою или совершенно чистые луга, которые можно прямо поднимать плугомъ или же луга, покрытые мелкимъ кустарникомъ.

Для болѣе полнаго разъясненія сельскохозяйственныхъ условій Пріамурскаго края, необходимо коснуться еще нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, которыми въ значительной степени опредѣляется сельскохозяйственный бытъ населенія. Обстоятельства эти суть: изобиліе лѣсныхъ угодій и существованіе въ странѣ разнаго рода промысловъ.

Обращаясь къ существующимъ въ Пріамурскомъ краѣ промысламъ, какъ къ средству обезпеченія быта мѣстныхъ сельскихъ обывателей, необходимо раздѣлить ихъ на двѣ категоріи: на промыслы, возникновеніе коихъ опредѣляется естественною производительностью края, и на промыслы, зависящіе отъ заводскихъ производствъ и вообще отъ усиленія промышленнаго или торговаго движенія въ краѣ.

Къ первой категоріи прежде всего должны быть отнесены промыслы: лѣсной, рыболовный и звѣриный.

Что касается до лѣсныхъ богатствъ, находящихся въ районѣ казачьихъ земель, то слѣдуетъ замѣтить, что обиліе и разнообразіе

лѣсныхъ породъ не предоставляетъ казакамъ особыхъ промышленныхъ выгодъ, да и не можетъ быть для нихъ предметомъ эксплоатаціи. Лѣсъ, находящійся у береговъ, не отличается большими достоинствами и имѣетъ много недостатковъ; хорошій же лѣсъ растетъ вдали отъ береговъ, преимущественно по горнымъ хребтамъ. Лѣсъ, ближайшій къ станицамъ, уже вырубленъ казаками для построекъ и для ихъ собственной надобности, растущій же въ дальнемъ разстояніи отъ станицъ не можетъ быть вырубленъ и перевозимъ за недостаткомъ рабочихъ рукъ и лошадей, а вслѣдствіе того, за дороговизною доставки къ пунктамъ сбыта.

Можно сказать, что огромные здѣшніе лѣса, которые при хорошемъ населеніи и обиліи рабочихъ рукъ составляли бы замѣчательный источникъ богатства, истребляются только лѣсными пожарами и дикимъ манзомъ при усердномъ содѣйствіи уссурійскаго казака.

Нельзя не упомянуть объ одномъ довольно выгодномъ занятіи, свойственномъ нѣкоторымъ лѣсистымъ мѣстностямъ—о сборѣ кедровыхъ орѣховъ въ станицахъ около Хингана. Особаго значенія этотъ промыселъ не можетъ имѣть, какъ по ничтожности самаго продукта, такъ и по ограниченности спроса. Необходимо только указать на варварскій способъ добыванія. Для того, чтобы набрать орѣховъ легкимъ способомъ, рубятъ цѣлыя деревья.

Хотя на Уссури и не бываетъ повсемѣстныхъ падежей и эпидемическихъ болѣзней на скотѣ, однако, по общему отзыву, какъ самихъ казаковъ, такъ и мѣстнаго начальства, скотъ, приведенный изъ Забайкалья, не держится на Уссури и страдаетъ какою-то особою болѣзнью. По имѣющимся свѣдѣніямъ оказывается, что двадцать процентовъ погибаетъ отъ разныхъ причинъ, въ томъ числѣ отъ мѣстнаго корма, вредное качество котораго усиливается отсутствіемъ солонцевъ въ илѣ, остающемся на лугахъ вслѣдствіе разлива Уссури.

Въ заключеніе необходимо сказать о причинѣ, которая, если и не представляетъ препятствія для скотоводства, то все-таки проявляетъ себя съ невыгодной стороны,—это истребленіе скота тиграми. Такъ въ 1866 году тигры истребили 11 лошадей, 9 коровъ и 12 овецъ, не считая большого числа свиней.

Амуръ, Уссури, Сунгари и ихъ притоки необыкновенно богаты рыбою и при томъ самою разнообразною. Въ изобиліи ловятся осетры, таймень, щука, сазанъ, кэта, горбуша, судакъ и др. Въ нѣкоторые годы обиліе рыбы бываетъ изумительное; такъ въ 1868 году на Уссури, въ станицѣ Нижне-Никольской осенью, во время рѣкостава, изъ одной тони за одинъ разъ вынуто было рыбы 2.800

пудовъ. Во всякомъ другомъ мѣстѣ рыба эта была бы не только подспорьемъ, но и предметомъ промысла, между тѣмъ какъ здѣсь она ловится въ самомъ незначительномъ количествѣ. Въ Уссурійскомъ баталіонѣ, въ рѣдкой станицѣ можно встрѣтить хорошія рыболовныя снасти.

Рыболовство въ Пріамурскомъ краѣ, какъ видно, составляетъ повсемѣстное побочное занятіе мѣстныхъ обывателей, снабжающее ихъ рыбною пищею. Какъ самостоятельный промыселъ, оно существуетъ лишь въ немногихъ мѣстахъ теченія нижняго Амура. Изобиліе рыбы почти совершенно исключаетъ возможность неудачнаго улова.

Звѣриный промыселъ совпадаетъ съ распредѣленіемъ въ краѣ прибрежныхъ горъ и лѣсовъ. Вслѣдствіе этого, онъ существуетъ повсюду на Амурѣ и Уссури, за исключеніемъ лишь степной области Благовѣщенскаго района; особенно же звѣроловство развито въ верховьяхъ Амура въ Хинганскомъ хребтѣ и въ Уссурійской рѣчной области, такъ какъ независимо отъ обилія пушного и краснаго звѣря въ лѣсной тайгѣ, подступающей вплоть къ заселеннымъ пунктамъ, сами мѣстные жители, переселенные сюда изъ звѣропромышленныхъ мѣстностей Забайкалья, имѣютъ природную склонность и всѣ качества, необходимыя для успѣшнаго занятія звѣринымъ промысломъ. А между тѣмъ въ области водится по всему Амуру множество самыхъ разнообразныхъ животныхъ, здѣсь встрѣчаются: соболь, бѣлка, лисица, волкъ, выдра, дикая коза, медвѣди, кабаны, изюбры, еноты, а на Уссури тигры и барсы. При обиліи дичины въ районѣ расположенія Амурскаго батальона звѣропромышленность могла быть важнымъ подспорьемъ для жителей. Въ то время, какъ гольды добываютъ соболей тысячами, казаки въ теченіе цѣлой зимы набираютъ ихъ десятками и рѣдко двѣ, три сотни. Причина этого заключается въ томъ, что казаки, несмотря на долгое пребываніе въ краѣ, не умѣютъ подобно гольдамъ ходить на лыжахъ.

Изъ всѣхъ мѣстностей Пріамурскаго края только двѣ привлекаютъ къ себѣ вольныхъ переселенцевъ: степная область Благовѣщенскаго района и Южно-Уссурійскій край, въ особенности послѣдній, куда стремятся многіе крестьяне, уже совершенно устроившіе свое хозяйство въ хлѣбородномъ Зейскомъ округѣ. Это стремленіе переселенцевъ въ этотъ край какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ и ближайшимъ видамъ правительства относительно усиленія мѣстнаго производства хлѣба и условіямъ будущаго экономическаго устройства страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточеніе морскихъ учрежденій въ одной изъ южныхъ гаваней только тогда можетъ прійти къ полезнымъ результатамъ, когда учрежденія эти будутъ опираться на производительное и многочисленное населеніе.

Поэтому переселеніе въ Южно-Уссурійскій край заслуживаетъ исключительной поддержки правительства. Комиссія находила совершенно необходимымъ принять нѣкоторыя мѣры для облегченія трудностей передвиженія въ самыхъ предѣлахъ Амурской области. Надо припомнить, что въ то время о желѣзныхъ дорогахъ на востокъ отъ Нижняго-Новгорода и въ поминѣ не было. Слѣдующіе въ Южно-Уссурійскій край переселенцы совершали свой путь по Амуру на сплавныхъ баржахъ и плотахъ до Хабаровки. Здѣсь комиссія увидѣла оригинальное зрѣлище: на огромномъ пространствѣ по берегу и вглубь отъ него была тысячная толпа людей, между которыми виднѣлись мужчины, женщины, дѣти, самыхъ разнообразныхъ возрастовъ, лошади и коровы. Все это не имѣло кровли надъ собою, ютилось подъ открытымъ небомъ въ ожиданіи баржъ. Хотя на длинномъ пути изъ Россіи до Хабаровки они подвергались многимъ лишеніямъ и рисковали потерять свое имущество и скотъ отъ разныхъ случайностей, но доходящіе благополучно до Хабаровки сохраняли и свои физическія силы, и свои матеріальныя средства.

Начиная отъ Хабаровки, переселенцы должны были подниматься вверхъ по Уссури и Сунгарѣ, что уже совершенно недоступно для нихъ безъ посторонней помощи. Единственное средство для этого составляли казенные пароходы съ баржами, но такъ какъ пароходы эти заняты всегда исполненіемъ служебныхъ обязанностей, изъ которыхъ одна доставка провіанта въ казачьи станицы и въ мѣста расположенія регулярныхъ частей требуетъ нѣсколькихъ рейсовъ, то очевидно, что помощь эта не удовлетворяетъ ихъ. Дѣйствительно, по опросѣ ихъ оказалось, что они ждали очереди два и три мѣсяца, въ теченіе которыхъ издерживались на пропитаніе, для чего продавали часть своего имущества; если затѣмъ и оставался скотъ, то они должны гнать его болотистыми берегами, иногда совершенно затопляемыми, почему скотъ доходитъ до мѣста изнуреннымъ, а часть его и вовсе пропадаетъ. Сами переселенцы приходятъ на мѣсто водворенія уже позднею осенью, когда нельзя заготовлять хорошаго корма для скота и устроить себѣ сколько-нибудь сносное жилище.

Для усиленія колонизаціи Пріамурскаго края, по мнѣнію комиссіи, была бы весьма дѣйствительна другая мѣра—именно обезпеченіе переселенцамъ-раскольникамъ полной религіозной свободы съ правомъ публичнаго отправленія богослуженія по обрядамъ ихъ секты. Но такъ какъ осуществленіе этой мѣры затрогивало слишкомъ важные интересы государства и россійской православной церкви, то комиссія не считала себя въ правѣ входить въ даль-

нѣйшее соображеніе этого вопроса, а ограничилась лишь однимъ краткимъ указаніемъ на означенную мѣру.

Говоря о необходимыхъ мѣрахъ для улучшенія положенія крестьянъ, нельзя опустить изъ виду еще одного весьма важнаго обстоятельства, имѣющаго самое вредное вліяніе на ихъ дѣятельность. Обстоятельство это заключается въ значительномъ накопленіи на нихъ казенныхъ долговъ, вслѣдствіе выданныхъ имъ въ разное время заимообразныхъ пособій. При крайне недостаточномъ состояніи мѣстнаго населенія взысканіе этихъ долговъ представляется совершенно безнадежнымъ, а между тѣмъ сознаніе неоплатности долга и постоянное опасеніе, что начальство не преминетъ воспользоваться всякимъ улучшеніемъ средствъ жителей для пополненія числящейся на нихъ недоимки, невольно удерживаютъ послѣднихъ отъ энергической заботы объ улучшеніи и расширеніи своего хозяйства.

Къ этому необходимо присовокупить, что какъ на Уссурійскихъ казакахъ, такъ и на крестьянахъ Приморской области тягость лежащаго на нихъ долга увеличивается еще болѣе отъ неизвѣстности имъ точнаго размѣра долга. При распредѣленіи пособій и заимообразныхъ выдачъ между хозяевами не было надлежащей аккуратности и точности, вслѣдствіе чего чрезъ нѣкоторое время начальствомъ сумма долга была опредѣлена приблизительно, но сколько изъ общаго долга причитается на каждаго отдѣльнаго хозяина, это, въ большинствѣ случаевъ, осталось неопредѣленнымъ. Тогда начальство распредѣлило казенную недоимку между отдѣльными лицами и, при томъ не принявъ во вниманіе тѣхъ, которые дѣйствительно получили пособія.

При такой неправильности распредѣленія между населеніемъ низовьевъ Амура и Уссурійскаго края казенной недоимки, при безнадежности взысканія большей части ея, и при томъ вредномъ вліяніи, которое имѣетъ на дѣятельность населенія тяготѣніе надъ нимъ неоплатнаго долга, комиссія полагала, что необходимо сложить этотъ долгъ со счетовъ и доставить такимъ образомъ мѣстному населенію надежное ручательство въ безпрепятственномъ пользованіи результатами своей хозяйственной дѣятельности.

Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ, комиссія пришла къ слѣдующимъ выводамъ:

Въ основу преобразованій Пріамурскаго края должны быть положены слѣдующія главныя начала:

1. Перенесеніе административнаго центра изъ Иркутска на Амуръ.

2. Предоставленіе мѣстной администраціи необходимой самостоятельности, обусловливаемой какъ организаторскимъ характеромъ ея, такъ и отдаленностью края отъ центральныхъ государственныхъ учрежденій.

3. Въ виду важнаго морского значенія прибрежья Восточнаго океана, обезпеченіе свободнаго развитія мѣстныхъ морскихъ учрежденій.

Для достиженія этихъ цѣлей комиссія предполагала:

1. Управленіе Пріамурскимъ краемъ изъять изъ вѣдѣнія генералъ-губернатора Восточной Сибири, оставивъ подъ его управленіемъ Енисейскую и Иркутскую губерніи и Якутскую и Забайкальскую области.

2. Упразднить Амурскую область, которая ни по числу населенія, ни по экономическому своему положенію не можетъ составлять самостоятельной административной единицы. Изъ всего же Пріамурскаго края, за исключеніемъ морского побережья, образовать одну область подъ названіемъ Пріамурской.

3. Морскую часть въ Амурскомъ краѣ поручить отдѣльному морскому начальнику съ званіемъ главнаго командира портовъ Восточнаго океана съ мѣстопребываніемъ во Владивостокѣ.

Затѣмъ комиссія проектировала измѣненія относительно гражданскаго управленія.

Я, какъ членъ отъ военнаго министерства, подалъ особое мнѣніе, которое состояло въ слѣдующемъ:

1. Изъ областей Забайкальской и Пріамурской (Амурская и Приморская) образовать одно генералъ-губернаторство съ административнымъ центромъ въ Благовѣщенскѣ.

2. Генералъ-губернатору предоставить въ военномъ отношеніи права командующихъ войсками въ округахъ.

3. Главному командиру портовъ подчинить войска, расположенныя въ прибрежныхъ пунктахъ, не имѣющихъ сухопутнаго сообщенія, въ портѣ и на Сахалинѣ только въ командномъ отношеніи на правахъ военнаго губернатора.

Эти соображенія комиссіи были разсмотрѣны въ 1871 году въ особомъ совѣщаніи, которое однако не рѣшило вопроса окончательно.

И вотъ съ тѣхъ поръ дѣло кануло, если не въ вѣчность, то по крайней мѣрѣ затормозилось надолго. Уже совершенно независимо отъ комиссіи, министерство внутреннихъ дѣлъ составило свой собственный проектъ; ввело новые вопросы о среднеазіатскихъ областяхъ въ связи съ Амурскими и запросило чуть не всѣхъ генералъ-губернаторовъ, изъ которыхъ каждый рекомендовалъ свою панацею. А такъ какъ въ этихъ предложеніяхъ кромѣ опыта и знанія было не-

мало личныхъ интересовъ и честолюбій, то въ 1873 году опять была гдѣ-то образована комиссія, которой было поручено выработать окончательное заключеніе на основаніи высказанныхъ мнѣній. По отношенію къ Восточной Сибири выводъ этой комиссіи состоялъ въ томъ, что тогдашнее генералъ-губернаторство должно быть упразднено, а изъ Приморской, Амурской и Забайкальской областей образовано Амурское генералъ-губернаторство. Насколько бывшіе генералъ-губернаторы были знакомы съ управляемымъ ими краемъ, можетъ служить то обстоятельство, что четыре изъ нихъ, управлявшіе краемъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ, не пришли къ одинаковымъ заключеніямъ, хотя они не могли относиться къ этому вопросу иначе, какъ съ точки зрѣнія и знанія мѣстныхъ интересовъ.

Только въ апрѣлѣ 1876 года, то есть черезъ семь лѣтъ послѣ комиссіи, рѣшено было дѣло объ Амурскомъ краѣ.

Сдѣланный мною набросокъ составляетъ, такъ сказать, второй періодъ исторіи Пріамурскаго края; первый же, отъ перваго появленія русскихъ на Амурѣ до появленія тамъ комиссіи, очень хорошо разработанъ г. Тимченко-Рубанъ [1]). Было бы крайне желательно разработать второй періодъ до настоящаго времени, когда условія передвиженія переселенцевъ радикально измѣнились, когда прошло болѣе сорока лѣтъ, въ теченіе которыхъ край при благопріятныхъ административныхъ условіяхъ долженъ бы былъ нынѣ процвѣтать, пользоваться богатыми дарами природы и богатѣть, не отдавая своихъ богатствъ въ чужія руки.

Въ 1881 году Дмитрій Алексѣевичъ оставилъ министерство. Имя его было настолько популярно, что не только въ однѣхъ военныхъ сферахъ, но и во всемъ русскомъ обществѣ интересовались вопросомъ, кто его замѣнитъ? Всѣмъ казалось самымъ естественнымъ, что его замѣнитъ человѣкъ, вмѣстѣ съ нимъ все время работавшій, принимавшій подъ его руководствомъ участіе во всѣхъ военныхъ преобразованіяхъ, человѣкъ большого ума организаторской складки, посланный въ тяжелую минуту на Кавказъ, къ Великому Князю Михаилу Николаевичу и заслужившій за это георгіевскій крестъ 3 степени. Всѣ называли Обручева. Правда, нѣкоторые думали, что это назначеніе встрѣтитъ препятствіе потому, что Обручевъ многими считался краснымъ, какими въ то время считались всѣ тѣ, которые, вмѣстѣ съ Милютинымъ, были поборниками того освободительнаго направленія, которымъ было ознаменовано царствованіе Императора Александра II.

---

[1]) „Военный Сборникъ" 1909.

И вотъ въ одинъ прекрасный день военные узнали, что военнымъ министромъ назначенъ генералъ Ванновскій. Какъ могло случиться такое назначеніе? Такъ какъ никто не зналъ навѣрно содержанія разговора, происходившаго между Государемъ съ Милютинымъ, по поводу назначенія Ванновскаго, то всѣмъ, а въ томъ числѣ и князю Мещерскому, приходится говорить по слухамъ, исходящимъ съ разныхъ сторонъ. Такъ онъ говоритъ:

„Когда состоялось назначеніе Ванновскаго, говорили въ военныхъ и политическихъ сферахъ, что выборъ исходилъ всецѣло и исключительно отъ самого Государя. Оно оказалось, какъ мнѣ потомъ разъяснили, такъ, но не совсѣмъ. Мысль о Ванновскомъ, какъ о преемникѣ графа Милютина, впервые была высказана самимъ графомъ Милютинымъ въ отвѣтъ будто бы на вопросъ, который задалъ Государь, Александръ III гр. Милютину послѣ того, что имъ было высказано желаніе оставить должность военнаго министра. Графъ Милютинъ всегда былъ умный человѣкъ, всегда любезный человѣкъ и всегда тонкій дипломатъ. Во всѣхъ отношеніяхъ гр. Милютинъ и Ванновскій были антиподами и паче всего по военнымъ и политическимъ взглядамъ. Гр. Милютинъ былъ въ полномъ смыслѣ слова либералъ, но не въ смыслѣ пошлаго или демократа-либерала, а въ смыслѣ убѣжденнаго прогрессиста и противника николаевскаго режима, и этотъ либерализмъ вносилъ и въ сферу всего военнаго дѣла. Ванновскій напротивъ былъ фанатическій воспитаникъ николаевскаго режима и либерализма въ военномъ дѣлѣ не допускалъ. Слѣдовательно, было совершенно естественно думать, что внутри себя ни графъ Милютинъ къ Ванновскому, ни Ванновскій къ графу Милютину не питали симпатій. Но графъ Милютинъ зналъ отлично, что въ Рущукѣ, во время командованія отрядомъ Цесаревичъ Александръ, вообще мало демонстративный въ проявленіи симпатіи и довѣрія, сблизился съ генераломъ Ванновскимъ на столько, что еще въ Рущукѣ говорили о немъ, какъ о военномъ министрѣ въ будущее царствованіе. И вотъ почему съ дипломатическимъ чутьемъ, ему всегда присущимъ, гр. Милютинъ былъ увѣренъ, что, назвавъ своимъ преемникомъ Ванновскаго, онъ сдѣлаетъ Государю большое удовольствіе тѣмъ, что дастъ ему право опереть свой выборъ Ванновскаго ссылкою на рекомендацію гр. Милютина. Зналъ ли это Ванновскій или не зналъ, не знаю, но одно несомнѣнно: Ванновскій не любилъ, вѣроятно, быть благодарнымъ, ибо за все время своего управленія военнымъ министерствомъ онъ не любилъ все, что имѣло запахъ духа гр. Милютина“.

Мнѣ кажется, что князь Мещерскій напрасно взялся за чтеніе чужихъ мыслей такъ логично и подробно, но врядъ ли справедливо

описалъ тайныя мысли Милютина при разговорѣ Государя съ нимъ. Милютинъ былъ не такой человѣкъ, чтобы подлаживаться къ кому бы то ни было, и раньше онъ не дорожилъ министерскимъ портфелемъ и всегда готовъ былъ имъ пожертвовать, а отнюдь не подлаживаться. Онъ доказалъ это еще ранѣе, бывъ товарищемъ Сухозанета.

Въ одномъ только отношеніи правъ князь Мещерскій, назвавъ Ванновскаго и Милютина антиподами и указавъ на то, что всѣ, пользовавшіеся болѣе или менѣе вниманіемъ Милютина, были не въ авантажѣ у Ванновскаго, начиная съ его ближайшаго помощника—Обручева и другихъ.

Новый военный министръ былъ человѣкъ здравомыслящій, умный, твердаго характера и желѣзной воли. Таковы были положительныя качества Ванновскаго. Что же касается до отрицательной стороны, то она состояла въ томъ, что онъ былъ грубъ до чрезвычайности не только съ служащими, но и съ просителями; при его вспыльчивости многіе и часто должны были выслушивать дерзкія выходки. Онъ самъ говорилъ П. А. Крыжановскому: „Вѣдь я собака, не правда ли, я всѣхъ кусаю, никому дремать не даю, а потому и порядокъ такой... Когда и вы будете начальникомъ, совѣтую также быть собакой".

Но самою худшею стороною его характера, какъ военнаго министра, было то, что онъ развелъ повсемѣстно кляузничество и анонимые доносы, которые поощрялъ, дѣлая тайныя разслѣдованія вмѣсто явныхъ ревизій. Вѣрно или нѣтъ, но говорили, что за это жестоко поплатился одинъ изъ его приближенныхъ адъютантовъ.

Не могу не упомянуть еще объ одной черточкѣ его характера—мстительности, которую я испыталъ на себѣ. Дѣло происходило такъ.

Въ 1879 г. Дмитрій Алексѣевичъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Было бы желательно, Сергѣй Павловичъ, чтобы матеріалы, касающіеся послѣдней войны, не утратились, а сохранились бы для будущаго историка этой войны. Я полагаю, что лучше всего было бы сосредоточить всѣ дѣла въ Ученомъ Комитетѣ и составить описаніе войны.

— А кто же будетъ писать? спросилъ я.

Надо составить комиссію, и я думаю назначить васъ предсѣдателемъ; объ организаціи ея я переговорю съ графомъ Гейденомъ. Вамъ отчасти это дѣло не новое, ибо вы уже работали у Тотлебена.

Никогда до тѣхъ поръ не отказывался я ни отъ одного поруче-

нія; послали меня въ чинѣ капитана сплавлять войска на Кавказъ, и я нѣсколько мѣсяцевъ плавалъ между Бердянскомъ и Темрюкомъ; неожиданно послали меня въ 1863 году въ Могилевъ на Днѣпрѣ — и я поѣхалъ; предложили въ комиссію Тотлебена—я принялъ; назначили редакторомъ „Русскаго Инвалида"—я не отказался; предложили отправиться въ Сибирь и на Сахалинъ—я съ радостью согласился. Но послѣднее предложеніе вовсе мнѣ не улыбалось. Я хорошо понималъ разницу между работою единоличною и комиссіонною и съ гораздо большимъ удовольствіемъ и рвеніемъ согласился бы работать одинъ. Но не успѣлъ я одуматься, какъ получилъ копію съ всеподданнѣйшаго доклада, на основаніи котораго кромѣ председателя полагалось 4 офицера: 2 для европейской войны, 1 для азіатской и 1 для общаго дѣлопроизводства. Кромѣ того предлагалось приглашать временно сотрудниковъ для отдѣльныхъ работъ. Словомъ, задумано было широко, но, какъ всегда, налаживаться начало съ величайшимъ трудомъ. Прежде всего въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ понадобилось два Высочайшихъ повелѣнія о присылкѣ въ Главный штабъ всѣхъ документовъ; каждый, повидимому, многіе документы считалъ своей собственностью, и работа замедлялась. Кромѣ того самые документы, если и присылались, то безпорядочно, неполные, съ вырванными страницами, перепутанными, съ самыми разнородными содержаніями. Словомъ, былъ невообразимый хаосъ.

Это съ матеріалами, а вотъ съ временными сотрудниками. Обращаюсь къ графу Гейдену и говорю: Ваше Сіятельство, дайте такого-то въ комиссію.

— Берите кого-нибудь другого, а этотъ нуженъ такому-то.

Когда же начальникомъ Главнаго штаба сдѣлался мой товарищъ, Обручевъ, то я на свою просьбу получалъ болѣе энергическій отвѣтъ.

— Откуда я найду тебѣ офицеровъ, когда мнѣ самому не хватаетъ.

Такъ продолжалось года три, въ теченіе которыхъ удалось составить, и то весьма бѣгло, нѣсколько статей—двѣ или три.

— Ну, какъ идутъ у васъ дѣла по исторіи войны? спросилъ однажды у меня Дмитрій Алексѣевичъ.

— Очень плохо, просто не знаю, что дѣлать,—отвѣчалъ я и разсказалъ ему ходъ дѣла.

— Удивительно, какъ это у насъ все, что ни предпримемъ, не удается, сказалъ Дмитрій Алексѣевичъ, какъ бы съ досадою.

Принявъ это за упрекъ въ медленности, я ему отвѣтилъ:

— Но вы сами, Дмитрій Алексѣевичъ, разсказывали мнѣ, какъ васъ Мольтке водилъ по архиву прусскаго главнаго штаба и показывалъ вамъ, на какихъ полкахъ находятся полковые и другіе дневники каждой части войскъ. Тогда легко писать исторію.

И вѣроятно изъ деликатности министръ добавилъ:

— Да, это правда; иногда для установленія какого-нибудь факта приходится терять много времени. Я помню, какого труда мнѣ стоило, чтобы установить мѣсто пребыванія Суворова, когда я писалъ исторію кампаніи 1799 года. Послѣ долгихъ усилій я наконецъ нашелъ и при томъ вовсе не тамъ, гдѣ можно было ожидать [1]).

По вступленіи въ министерство П. С. Ванновскаго взглядъ на это дѣло совершенно измѣнился. Новый военный министръ вѣроятно полагалъ, что написать исторію войны такъ же легко, какъ какой-нибудь докладъ, и однажды обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Скоро вы, Ваше Превосходительство, окончите свою работу?

— Врядъ ли скоро, Ваше Высокопревосходительство,—отвѣчалъ я.

— Однако пора было бы кончать; времени, кажется, было довольно.

Принявъ это за намекъ, что я тяну работу изъ-за личной своей выгоды, я на другой день составилъ подробную записку о ходѣ работы, указавъ на всѣ препятствія, которыя мѣшали и мѣшаютъ успѣшному исполненію работы, и въ заключеніе просилъ освободить меня отъ предсѣдательства.

Вотъ тутъ-то и отомстилъ мнѣ за отказъ Петръ Семеновичъ.

По Высочайшему повелѣнію Императора Александра II мнѣ производилось жалованье и квартирныя деньги по чину. Слѣдовательно, при производствѣ моемъ изъ генералъ-маіоровъ въ генералъ-лейтенанты я долженъ былъ получать квартирныхъ денегъ на 500 р. въ годъ больше. Но министръ именемъ Государя квартирныя деньги оставилъ въ прежнемъ размѣрѣ. Понятно, что не Государь же это сдѣлалъ, а Ванновскій, чтобы наказать меня за отказъ.

Д. А. Милютинъ, какъ ученый военный историкъ, хорошо понималъ трудность, при нашихъ порядкахъ, писать исторію; Ванновскій же не задумывался надъ этою задачею и воображалъ, что онъ, какъ военный министръ, только своею властью заставитъ исполнить эту работу ускореннымъ способомъ. Однако это ему не удалось; я оставилъ военно-историческую комиссію въ 1885 году, а первый томъ былъ выпущенъ въ 1901 году, то есть чрезъ 16 лѣтъ послѣ меня. Вотъ сколько понадобилось времени, чтобы такъ добросовѣстно составить историческій очеркъ, какъ онъ появился, благодаря трудамъ комиссіи. Да и теперь комиссія находитъ, что „многіе существенные историческіе вопросы не находятъ себѣ удовлетворительнаго отвѣта“ по неполнотѣ матеріала. Самое же описаніе еще не доведено до конца.

Впрочемъ, я долженъ тутъ же указать на другую черту Ваннов-

[1] Я не могу припомнить самаго эпизода, о которомъ шла рѣчь.

скаго, которая показываетъ, что когда шло дѣло, по его понятіямъ, заслуживающее вниманія, то онъ при обсужденіи дѣла не бралъ въ разсчетъ личности. Это я также испыталъ на себѣ.

Въ 1870 годахъ, оставаясь членомъ военно-ученаго комитета, я, по Высочайшему повелѣнію, былъ назначенъ членомъ главнаго комитета по устройству и образованію войскъ. Предсѣдателемъ комитета былъ Е. И. В. Великій Князь Николай Николаевичъ, а помощникомъ его генералъ-адъютантъ Чертковъ. Появленіе въ тѣ времена въ казармахъ разныхъ сочиненій и брошюръ противоправительственнаго содержанія обратило на себя вниманіе военнаго начальства. Рѣшено было помимо разныхъ запретительныхъ мѣръ къ тому, чтобы вредныя изданія не проникали въ казармы, дать нижнимъ чинамъ нѣкоторое удовлетвореніе, создавъ для нихъ какое-нибудь періодическое изданіе, приноровленное къ ихъ понятіямъ. Въ основу этого изданіе, понятно, должно было лечь, помимо статей образовательнаго содержанія, главнымъ образомъ внушеніе солдату любви и преданности къ Государю, какъ къ своему вождю, любви къ родинѣ и въ важности исполненія воинскаго долга во всѣхъ случаяхъ.

До того времени существовало два изданія для нижнихъ чиновъ: „Солдатское Чтеніе", выходившее шесть разъ въ годъ и „Досугъ и Дѣло"; первое издавалось генераломъ Гейротомъ, а второе А. Ѳ. Погосскимъ. „Досугъ и Дѣло" хотя и считался періодическимъ изданіемъ, но выходилъ весьма неправильно и наполнялся статьями самого Погосскаго. По смерти его журналъ этотъ былъ пріобрѣтенъ мною. Я расширилъ программу и также началъ издавать его правильно шесть разъ въ годъ.

Разсмотрѣвъ это дѣло, комитетъ рѣшилъ остановиться на журналѣ „Досугъ и Дѣло", но съ условіемъ, чтобы это былъ журналъ ежемѣсячный, а такъ какъ я заявилъ, что для увеличенія его объема вдвое я не имѣю средствъ, то рѣшено было войти съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о назначеніи субсидіи, которую я получалъ до тѣхъ поръ, пока журналъ могъ издаваться на свои средства. И во все это время П. С. Ванновскій, слишкомъ скупой на казенные расходы, ни разу не отказалъ въ субсидіи.

Имѣя въ виду собрать всѣ матеріалы, касавшіеся войны 1877—78 годовъ, какъ на европейскомъ театрѣ войны, такъ и на азіатскомъ, Дмитрій Алексѣевичъ предложилъ мнѣ отправиться на Кавказъ и условиться съ В. К. Михаиломъ Николаевичемъ на счетъ совмѣстной работы и присылки матеріаловъ въ Петербургъ.

Великій Князь принялъ меня въ своемъ имѣніи, въ Боржомѣ, пригласилъ меня на обѣдъ, а слѣдующій день назначилъ для дѣлового разговора.

— Скажите, пожалуйста, началъ Великій Князь, повидимому, не безъ ироніи, чего желаетъ Дмитрій Алексѣевичъ, вѣроятно, онъ, по примѣру Мольтке, хочетъ писать исторію.

— Далеко не то, Ваше Высочество; онъ просто желаетъ сохранить всѣ матеріалы, чтобы облегчить трудъ будущему историку, для чего и проситъ, чтобы все, касающееся этой войны, было прислано въ Петербургъ въ военно-историческую комиссію.

Категорическаго отвѣта на мои слова я не получилъ. Послѣ нѣкотораго молчанія Великій Князь сказалъ:

— Ну, хорошо, я пришлю вамъ завтра полковника Астафьева. Вы съ нимъ и сговоритесь.

О чемъ было сговариваться послѣ категорическаго заявленія о присылкѣ матеріаловъ въ Главный штабъ я не понималъ, а только догадывался, что кавказское начальство желаетъ само писать исторію, что чрезъ нѣкоторое время и осуществилъ г. Кишмишевъ.

Товарищъ мой А. А. Ильинъ открылъ литографію и вмѣстѣ съ В. А. Полторацкимъ началъ издавать для военно-учебныхъ заведеній карты военныхъ дѣйствій. Скоро Полторацкій отказался, и Ильинъ предложилъ занять его мѣсто мнѣ. Но такъ какъ я по совершенно незнакомому мнѣ дѣлу ничего не могъ внести своимъ трудомъ, то я отказался. Впослѣдствіи Ильинъ такъ расширилъ свое дѣло, издавая учебныя географическія карты, что простая литографія своими многоразличными работами обратилась въ обширное картографическое заведеніе. Тогда я посовѣтовалъ Ильину не ограничиваться одною картографіею, но присоединить и подходящую литературу, издавая замѣчательные труды по части географіи и въ особенности путешествій. Получивъ на то его согласіе, я приступилъ къ изданію замѣчательныхъ иностранныхъ сочиненій. Могу смѣло сказать, что изъ вышедшихъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ иностранныхъ географическихъ сочиненій и путешествій, сколько-нибудь замѣчательныхъ, ни одно мною пропущено не было. Всѣ они прошли чрезъ мой выборъ и мою редакцію; а это, при нашемъ всеобщемъ незнаніи ни русскаго, ни иностранныхъ языковъ, составляло не малый трудъ. Всякій, занимавшійся редакціею, хорошо знаетъ, что стоитъ найти грамотнаго переводчика, хотя по численности своей этотъ родъ дѣятелей составляетъ тысячи.

Кромѣ того, пользуясь оффиціальными свѣдѣніями, опубликованными въ „Русскомъ Инвалидѣ“, и многочисленными корреспонденціями частныхъ газетъ, я составилъ и издалъ въ 1881 году три большихъ тома „Описаніе войны въ 1877—78 г.г.“ какъ европейской, такъ и азіатской, съ иллюстраціями.

Въ теченіе десяти или пятнадцати лѣтъ такимъ образомъ было издано болѣе пятидесяти сочиненій, относящихся къ разряду путешествій и географіи вообще. Между ними были два капитальныя изданія: одно—Всеобщая Географія Клёдена, а другое Всеобщая Географія Реклю; первое сочиненіе ограничилось только переводомъ перваго тома, Физическая Географія. Такъ какъ въ это время въ Парижѣ появилось сочиненіе Реклю, пріобрѣтшее европейскую извѣстность, то я съ Ильинымъ рѣшили у Гашета купить право перевода и всѣ клише для изданія на русскомъ языкѣ.

Въ числѣ переводчиковъ были двое, изъ которыхъ оба заслуживаютъ вниманія; оба они образованные, прекрасно знающіе иностранные языки, оба пошли по совершенно разному пути. Одинъ изъ нихъ Кравчинскій сдѣлался убійцею Мезенцова, бѣжалъ изъ Россіи и въ Англіи былъ раздавленъ поѣздомъ, а другой былъ въ Россіи нелегальнымъ, оставленъ на свободѣ подъ надзоромъ и сдѣлался русскимъ министромъ. Случилась же эта метаморфоза ради бывшаго нечаевскаго процесса по поводу убійства студента Иванова въ Петровскомъ Разумовскомъ въ Москвѣ [1]).

Нечаевъ былъ мѣщанинъ города Шуя, а по своему соціальному положенію—учитель Сергіевскаго приходскаго училища и въ то же время числился вольнослушателемъ въ Петербургскомъ университетѣ.

При самомъ началѣ своей дѣятельности онъ былъ арестованъ, но ему удалось убѣжать за границу, гдѣ онъ прежде всего явился къ Герцену, который, не симпатизируя ему, описалъ его очень мѣтко.

„Нечаевъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ. Когда надо служить тому, что онъ называетъ дѣломъ, онъ не колеблется и не останавливается ни передъ чѣмъ и выказываетъ себя столь же безпощаднымъ къ себѣ, какъ и ко всѣмъ другимъ. Онъ не мошенникъ; это не правда. Это фанатикъ преданный, но въ то же время очень опасный; способъ дѣйствій его отвратительный. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что для того, чтобы создать общество серьезное и ненарушимое, надо взять

---

[1]) Суть и подробности этого дѣла см. Глинскій. Крамола, реакція и терроръ.

за основу политику Макіавеля и вполнѣ усвоить систему іезуитовъ: для тѣла—насиліе, а для души ложь... но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сила потому, что это огромная энергія [1]...

Но, если Герценъ нашелъ качества Нечаева сомнительными и не совсѣмъ чистыми, то знаменитый революціонеръ Бакунинъ нашелъ его вполнѣ подходящимъ для крайнихъ проявленій революціонныхъ дѣйствій. Прежде всего Нечаевъ напечаталъ за границей распространившуюся и въ Россіи самую возмутительную прокламацію такъ называемой „народной расправы“ для руководства студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ этой прокламаціи говорилось между прочимъ, что будутъ издаваться листки, цѣль которыхъ не литературная и не ученая [2].

„Пусть люди у которыхъ остается много времени отъ бездѣлья, продолжаютъ тѣшить себя и другихъ, праздноглагольствуя о литературѣ и о наукѣ, о просвѣщеніи и воспитаніи, о прогрессѣ и цивилизаціи! Намъ некогда“...

„Мы хотимъ народной мужицкой революціи“...

„Мы имѣемъ только одинъ отрицательный планъ—общаго разрушенія. Мы прямо отказываемся отъ выработки будущихъ жизненныхъ условій, какъ несовмѣстной съ нашей дѣятельностью, и потому считаемъ безплоднымъ всякую исключительную теоретическую работу ума“...

„Дѣло Каракозова надо разсматривать какъ прологъ, постараемся скорѣе, друзья, чтобы наступила и самая драма“...

Для достиженія окончательной цѣли, то есть для уничтоженія государства, рекомендовалось прежде всего обратить все вниманіе и силы на уничтоженіе всѣхъ тѣхъ, ясно бросающихся въ глаза препятствій, которыя могутъ особенно помѣшать возстанію и затруднить его ходъ. Главнѣйшія изъ этихъ условій суть:

1. „Тѣ изъ лицъ, занимающихъ высшія правительственныя должности и сосредоточивающихъ власть надъ высшими силами, которыя особенно усердно выполняютъ свои начальническія обязанности.

2. Люди, обладающіе большими экономическими силами и средствами и употребляющіе эти силы исключительно для себя и своего сословія или для пособій государству.

3. Люди, разсуждающіе и пишущіе по найму, то есть, публицисты, подкупленные правительствомъ и литераторы, лестью

[1]) Глинскій. Крамола, реакція и терроръ. „Ист. Вѣс.“ 1909 іюль.
[2]) Глинскій.

и доносами, надѣющіеся добиться до административныхъ подачекъ.

Первыхъ надо положительно истреблять безъ всякихъ разсужденій.

У вторыхъ надо отбирать ихъ экономическія силы и средства и употребить для дѣла народнаго освобожденія, а въ случаѣ невозможности отобрать, слѣдуетъ —уничтожить эти силы и средства.

Третьихъ заставить молчать тѣми или другими способами (хотя бы лишеніемъ языка). Теперь опредѣленнѣе и ближе къ сущности, а главное къ началу дѣла".

Но Нечаевъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ не дюжиннымъ организаторомъ. Для общества Народной воли имъ былъ составленъ подробный уставъ, въ который входятъ: 1. Общія правила организаціи. 2. Общія сѣти для отдѣленій. Отношенія революціонера къ самому себѣ. 3. Отношенія революціонера къ товарищамъ по революціи. 4. Отношенія революціонера къ обществу. 5. Отношенія товарищества къ народу.

По возвращеніи изъ-за границы, онъ занялся пропагандой между студентами высшихъ учебныхъ заведеній и между прочимъ и въ Петровско-Разумовской академіи въ Москвѣ.

Не стѣсняясь никакими средствами, онъ устранялъ съ своего пути всякаго, кто казался ему подозрительнымъ и даже просто сомнѣвающимся въ его главенствѣ среди партіи. И за это прежде всего поплатился одинъ изъ студентовъ Петровско-Разумовской академіи, Ивановъ, который не только не вѣрилъ главенству Нечаева въ партіи, но даже сомнѣвался въ самомъ существованіи партіи.

И вотъ несчастнаго Иванова, приговореннаго Нечаевымъ къ смерти, Николаевъ, Успенскій, Прыжовъ и Кузнецовъ обманомъ ведутъ подъ предводительствомъ Нечаева въ глухую часть парка и тамъ безжалостно душатъ его на смерть, а трупъ бросаютъ въ прудъ.

Совершивъ это злодѣяніе, Нечаеву удалось бѣжать въ Швейцарію, откуда онъ однако былъ выданъ и заключенъ въ крѣпость.

Представъ передъ судомъ, онъ держалъ себя крайне дерзко, утверждалъ, что онъ выданъ вопреки международному праву, почему судъ не имѣетъ права судить его.

Сидя въ Алексѣевскомъ равелинѣ, онъ умудрился войти въ сношеніе съ революціонерами внѣ крѣпости, намѣревавшимися убить Императора Александра II, писалъ прокламацію къ войскамъ и рекомендовалъ для революціонныхъ дѣйствій Желябова, отличавшагося особою энергіею.

Въ нечаевскомъ процессѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, фигурировали 87 человѣкъ, изъ которыхъ четыре лица присуждены къ каторжной работѣ, двое къ ссылкѣ, двадцать семь къ тюремному заключенію, а остальные оправданы за недостаткомъ юридическихъ уликъ. Но и оправданные все-таки поплатились: кто былъ административно высланнымъ, а кто получилъ такую аттестацію, что нигдѣ не могъ найти себѣ мѣста. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ нѣкто К., человѣкъ умный и образованный и очень способный. Посидѣвъ въ крѣпости и очутившись на свободѣ, онъ нигдѣ не могъ пристроиться. Хотя судомъ онъ не былъ обвиненъ, но какъ имя его было на судѣ, и онъ просидѣлъ нѣкоторое время въ крѣпости, то сдѣлался человѣкомъ съ волчьимъ паспортомъ. И вотъ однажды, придя ко мнѣ, онъ завелъ такую рѣчь:

— Я, Сергѣй Павловичъ, имѣю къ вамъ большую просьбу, и если вы исполните, то я буду очень вамъ благодаренъ.

— Что же именно вамъ угодно?

Разсказавъ свое положеніе и добавивъ, что даже люди близкіе отказываются принять въ немъ участіе, онъ сказалъ:

— Не можете ли вы мнѣ оказать какое-нибудь содѣйствіе, чтобы вывести меня изъ этого положенія.

Признаюсь, что меня сначала это очень озадачило; что я могъ сдѣлать человѣку, судьба котораго зависѣла исключительно отъ III отдѣленія, съ которымъ я не имѣлъ никакого дѣла.

— Просьба ваша, Вл. Ив., ставитъ меня въ тупикъ. Генералъ Дрентельнъ не находится со мною въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Разсчитывать, что онъ исполнитъ мою просьбу, съ моей стороны было бы самонадѣянностію, а получить отказъ всегда непріятно. Я убѣжденъ, что просьба моя будетъ совершенно безполезна.

— Но отчего вы не хотите попробовать? вѣдь вамъ это ничего не стоитъ. Попробуйте.

—Ну хорошо, я попробую; только не ласкайте себя надеждою.

На слѣдующій день, надѣвъ мундиръ, я отправился въ III отдѣленіе. По докладѣ обо мнѣ, я былъ тотчасъ же принятъ генераломъ Дрентельномъ.

— Что вамъ отъ меня угодно? спросилъ онъ.

— Я имѣю просьбу къ Вашему Высокопревосходительству объ одномъ политическомъ преступникѣ.

— А именно?

— О К., который былъ судимъ по Нечаевскому дѣлу, обвиненъ не былъ, сидѣлъ въ крѣпости и теперь ему всюду закрыта дорога, а между тѣмъ до этого дѣла онъ состоялъ на службѣ.

Генералъ Дрентельнъ, подумавъ немного, спросилъ:

— А вы, Ваше Превосходительство, можете за него поручиться?

— Вамъ извѣстно, отвѣчалъ я, что теперь такое время, что если мои собственныя дѣти не были бы при мнѣ, то я затруднился бы отвѣчать на этотъ вопросъ.

— Но вѣдь если вы за него просите, то должны знать, что это за человѣкъ.

— Я его знаю, какъ добросовѣстнаго и образованнаго человѣка, и слышалъ въ этомъ отношеніи одобрительные отзывы о немъ въ мѣстѣ бывшей его службы [1]). Словомъ, Ваше Высокопревосходительство, Ковалевскому предстоятъ двѣ дороги: или къ *намъ* или къ *нимъ*, третьяго выбора нѣтъ, и отъ васъ зависитъ направить на ту или другую дорогу.

— Ну, хорошо, сказалъ Дрентельнъ, дайте записку, я велю навести справку, и если Ковалевскій послѣ своего дѣла ни въ чемъ замѣченъ не былъ, то я не буду препятствовать поступить ему на службу. А васъ я увѣдомлю.

Записка была подана 23 ноября, а 28 ноября я уже получилъ слѣдующую бумагу.

3 Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 3 Экспедиція, 28 ноября 1878 г. № 4940.

Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ!

По докладѣ Г. Главному Начальнику III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи записки Вашего Превосходительства отъ 23 ноября на счетъ кандидата сельскаго хозяйства Владиміра Ивановича Ковалевскаго Его Высокопревосходительство поручилъ мнѣ сообщить Вамъ, что если Ковалевскій будетъ принятъ кѣмъ-либо на службу, то со стороны III Отдѣленія препятствій не будетъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ учебная часть и прокуратура, куда Ковалевскій вслѣдствіе своего прошлаго допущенъ быть не можетъ.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

П. Черевинъ.

Получивъ такое удовлетвореніе, я тотчасъ же самъ повезъ эту бумагу директору департамента В. И. Вешнякову.

— Вотъ вамъ разрѣшеніе принять на службу Ковалевскаго.

Прочитавъ бумагу, Вешняковъ сказалъ:

— Я очень радъ за него; это очень полезный работникъ; дайте мнѣ письмо Черевина, я пошлю его Валуеву, чтобы онъ могъ безъ опасенія принять въ министерство Ковалевскаго.

---

[1]) Я зналъ директора департамента В. И. Вешнякова.

Больше мѣсяца прошло времени, а я не получалъ никакого отвѣта. Наконецъ 5 января 1879 года я получилъ бумагу:

М. Г. И. Директоръ Департамента Земледѣлія и Сельской Промышленности, 5 января 1879 г. № 17.

Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ!

По докладѣ мною Господину Министру Государственныхъ имуществъ возвращаемаго при семъ письма къ Вашему Превосходительству свиты Его Величества генерала Черевина отъ 28 ноября 1878 г. за № 4940, Его Высокопревосходительство изъявилъ согласіе принять кандидата сельскаго хозяйства, отставного прапорщика Владиміра Ковалевскаго на службу въ департаментъ Земледѣлія и Сельскаго Хозяйства, но предварительно распоряженія по этому предмету вошелъ въ сношеніе съ Г. Главнымъ Начальникомъ III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Имѣю честь увѣдомить о семъ Ваше Превосходительство, покорнѣйше прося принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

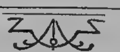
В. Вешняковъ.

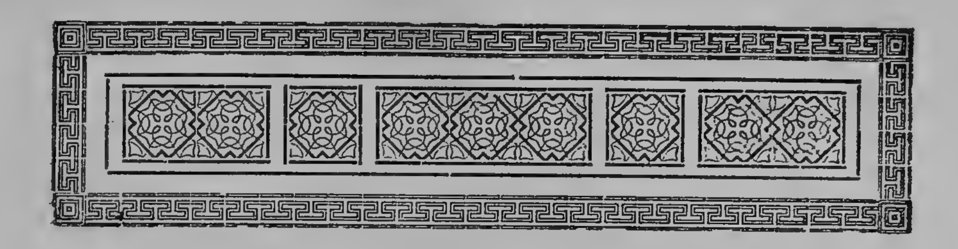
Неизвѣстно, почему Валуеву понадобилась вторичная справка, когда онъ имѣлъ уже въ рукахъ письмо Черевина. Но какъ бы то ни было, результатомъ дѣла Ковалевскаго было то, что онъ принятъ на службу и впослѣдствіи былъ товарищемъ министра.

Въ 1898 году Ванновскій оставилъ министерскій постъ, и всѣ были увѣрены, что на этотъ разъ постъ этотъ займетъ вполнѣ его достойный Обручевъ. Можно представить себѣ всеобщее изумленіе, когда узнали, что министерское кресло занялъ не Обручевъ, а Куропаткинъ, котораго до тѣхъ поръ знали, какъ слѣпого исполнителя распоряженій Скобелева, при которомъ онъ состоялъ во время войны 1877—78 гг. Затѣмъ являлся другой вопросъ: кто могъ его рекомендовать? И общій голосъ называлъ Ванновскаго, который однако до самой своей смерти отрекался и даже сердился, когда ему это ставили въ вину.

При Куропаткинѣ я оставилъ службу, почему и оканчиваю свои наброски, ибо имя г. Куропаткина уже и безъ меня занесено на скрижали Русской Исторіи.

С. П. Зыковъ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XXX [1]).

Въ настоящей главѣ мнѣ придется вернуться къ тому, о чемъ я уже говорила раньше, а именно по поводу столкновеній турокъ съ христіанами на религіозной почвѣ и утверждать, что прискорбныя событія эти обыкновенно вызываются или армянами или греками.

Замѣчено также было мною, что колонисты западныхъ расъ, если и подвергались опасности въ моменты взрыва мусульманскаго фанатизма, то чисто по стихійнымъ причинамъ. Отсюда легко понять, что сказанное явленіе обусловливается болѣе культурнымъ отношеніемъ послѣднихъ къ убѣжденіямъ и вѣрованіямъ другихъ.

Это вовсе не мое личное мнѣніе, а существующій фактъ.

Такъ уже принято съ незапамятныхъ временъ считать турка гонителемъ христіанскихъ народностей, вошедшихъ въ составъ его государства.

Что было раньше, въ отдаленнѣйшія эпохи его историческаго существованія, то уже миновало безвозвратно — съ тѣхъ поръ все измѣнилось по иному, а сейчасъ господствующій народъ Оттоманской имперіи болѣе угнетенъ у себя же на родинѣ, чѣмъ подвластныя ему племена, далеко перешедшія за предѣлы былой зависимости.

Кровавое происшествіе, о которомъ я намѣрена разсказать здѣсь, въ достаточной степени опредѣляетъ характеръ грека и турка

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1910 г.

и можетъ также послужить нѣкоторымъ образомъ иллюстраціей къ тѣмъ отношеніямъ, которыя сложились между ними.

Вотъ, какъ примѣръ, сценка, гдѣ наглядно выступаетъ несимпатичная черта эллина по отношенію къ набожному мусульманину.

Въ галлереяхъ и колоннадахъ, окружающихъ дворы мечетей, всегда можно видѣть множество всякаго люда разныхъ національностей, толкающихся здѣсь, кто по дѣламъ торговли, а кто и такъ, любопытства ради.

Молодые греки или „паликаріи“ [1]), какъ зовутъ ихъ тамъ, также являются сюда погулять и за неимѣніемъ болѣе интересныхъ развлеченій, а вѣрнѣе отъ избытка удальства и задора, нерѣдко устраиваютъ себѣ такого рода потѣху.

Магометане, какъ извѣстно, входятъ въ мечети босикомъ, а обувь кладутъ возлѣ себя рядомъ на коверъ или цыновку, покрывающіе мраморный полъ храма.

Съ лицомъ, обращеннымъ въ сторону Мекки, и ритмически раскачиваясь въ тактъ каждой строкѣ священнаго писанія, читаемаго муллой, исламитъ пламенно молится пророку и весь уходитъ въ небеса. Охваченный религіознымъ экстазомъ, онъ дѣлается чуждъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и готовъ скорѣе согласиться умереть, чѣмъ не исполнить хотя бы одного изъ обрядовъ намаза [2]), установленныхъ Кораномъ.

Пользуясь этимъ, нѣсколько сорванцовъ, спеціалистовъ по части скандаловъ, украдкой проникаютъ черезъ боковыя двери въ мечеть и, выждавъ минуту наивысшаго подъема восторженнаго настроенія молящихся, начинаютъ безобразничать: кладутъ на склоненныя головы бумажки, щепки и что попало, а затѣмъ ускользаютъ, какъ тѣни, захвативъ съ собою обувь богомольцевъ, и разбрасываютъ ее по улицамъ.

Видятъ ли мусульмане продѣлки эти, или ничего не замѣчаютъ, погруженные въ самосозерцаніе—неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ знаютъ о нихъ. Понятно, что такія непристойныя выходки молодцовъ также способствуютъ наростанію недобрыхъ чувствъ къ грекамъ, такъ какъ только они, да еще армяне разрѣшаютъ себѣ подобныя забавы.

Но вернемся къ обѣщанному мною разсказу.

Въ Турецкой имперіи, какъ для охраны посольствъ, такъ и

---

[1]) Молодцы, парни, а прежде такъ называли наемныхъ солдатъ для турецкихъ войскъ.

[2]) Ежедневныя молитвы и омовенія, обязательныя пять разъ въ день.

консуловъ, принято нанимать магометанъ вообще: арнаутовъ, албанцевъ, турокъ изъ запасныхъ и др.

У моего дяди былъ всего одинъ кавасъ, малоазіатскій уроженецъ изъ разбойничьяго племени Лазовъ. Звали его Али. Любилъ онъ насъ до фанатизма и преданъ былъ всей душой. За всю долголѣтнюю службу свою при нашемъ консульствѣ, онъ единственный разъ позволилъ себѣ выразить неудовольствіе по поводу слѣдующаго смѣшного совпаденія.

Какъ-то Мидхадъ-паша, возвращаясь изъ Багдада, привезъ оттуда въ подарокъ намъ громаднаго бѣлаго кота съ разноцвѣтными глазами: голубымъ и зеленымъ. Надо же было случиться тому, что и кота звали „Али".

Узнавъ объ этомъ, самолюбивый азіатъ обидѣлся и тотчасъ же заявилъ намъ, что животное не имѣетъ права носить одинакое имя съ правовѣрнымъ мусульманиномъ, и тутъ же выразилъ опасеніе, что благодаря такому досадному случаю, онъ рискуетъ сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ со стороны своихъ коллегъ при другихъ консулахъ, а также и домашней прислуги.

Тогда рѣшено было назвать четвероногаго тезку нашего каваса какъ-нибудь иначе; провести такую важную реформу оказалось не совсѣмъ-то легко: новоприбывшій не отзывался на другія клички и видимо дорожилъ даннымъ ему при рожденіи именемъ.

Послѣ долгихъ обсужденій и споровъ мы подошли, наконецъ, къ компромиссу и мужское „Али" замѣнили женскимъ „Лили". Такой простѣйшій пріемъ уладилъ дѣло къ общему удовольствію: котъ даже не замѣтилъ фальсификаціи, а вѣрный стражъ нашего дома успокоился.

Въ нравы послѣдователей Ислама вошло такое правило: „чей хлѣбъ ты ѣшь и кому служишь, того береги, какъ душу свою". Судите сами, что на людей съ подобными убѣжденіями можно положиться вполнѣ. Вотъ почему всѣ агенты дипломатіи въ Оттоманскомъ государствѣ берутъ тѣлохранителями къ себѣ непремѣнно магометанъ.

Однажды съ балкона я замѣтила необычайное движеніе по всему протяженію дороги, примыкающей къ крѣпости, и вскорѣ мимо нашего дома скакали всадницы, сидя верхами по-мужски на ослахъ и мулахъ, поспѣшно направляясь къ югу въ сторону горъ. То были турчанки изъ цитадели и предмѣстій. Видъ ихъ казался очень страннымъ: всѣ безъ исключенія держали въ объятіяхъ кто дѣтей, кто узлы съ подушками, направляя бѣгъ животныхъ ударами ногъ по ихъ бокамъ, а привязанная къ сѣдламъ кухонная батарея мѣдныхъ тазовъ и кастрюль оглушительно звенѣла и тарахтѣла.

Сначала можно было подумать, что дракону опять пришла фантазія учинить новую каверзу на небесахъ; но солнце еще не закатилось, и въ ближайшемъ будущемъ не предвидѣлось затменія луны.

Вдругъ издали донесся залпъ ружейнаго огня въ перемежку съ громкими воплями множества голосовъ, а съ крѣпостныхъ валовъ, не взирая на сіяніе дня, треща, взвились ракеты.

— Господи, спаси насъ!—закричала вбѣжавшая на балконъ Магіе,—да вѣдь это сигналы къ избіенію христіанъ!..

Какъ бы въ отвѣтъ на сказанное ею, снова раздались оглушительные выстрѣлы, и эхо яростныхъ криковъ покатилось оттуда.

Въ то же время вернулся съ базара нашъ поваръ-французъ и, еле дыша отъ испуга, подтвердилъ, что въ городѣ вспыхнуло волненіе, и что турецкіе солдаты стрѣляютъ въ христіанъ; но изъ чего собственно произошло все это—онъ не зналъ.

— А гдѣ же мужъ мой?!—оглянулась Магіе и въ ужасѣ заметалась по комнатамъ. Но послѣдняго и слѣдъ простылъ: видавшій всякіе виды и положенія за многіе годы жизни своей на мусульманскомъ востокѣ, дядя не растерялся и по первой же тревогѣ немедленно бросился къ губернатору.

Узнавъ объ этомъ отъ прислуги, тетя, рыдая, вернулась ко мнѣ и трепетнымъ голосомъ проговорила: „идемъ, умоляю тебя, и умремъ вмѣстѣ съ нимъ“.

Я повиновалась, и мы, что было силы, полетѣли, какъ на крыльяхъ къ мѣсту происшествія.

Изнемогая и задыхаясь, намъ приходилось еще и наталкиваться на множество препятствій нашему стремительному бѣгу: все населеніе Хіоса было на ногахъ и толпилось въ проходахъ узенькихъ улицъ и по набережной, загораживая путь.

Невообразимая сумятица царила здѣсь: всѣ, даже женщины, тащили съ берега кто что могъ: лодки, бревна, камни, бочки и тутъ же воздвигали баррикады.

Окна заколачивались досками.

Кто-то крикнулъ, что шейхи собрались на тайное совѣщаніе въ главной крѣпостной мечети, и возгласъ этотъ произвелъ страшный переполохъ: жители странъ полумѣсяца прекрасно знаютъ, чего можно ожидать послѣ такихъ собраній...

Мы двинулись дальше.

— Боже мой!—думалось мнѣ,—идемъ на вѣрную смерть подъ выстрѣлы озвѣрѣвшихъ солдатъ, а жизнь такъ хороша!... Горькія слезы отчаянія хлынули изъ глазъ, и безумная тоска сжала сердце.

„Нѣтъ, такъ не должно быть, еще есть надежда“,—мелькало не-

ясно въ головѣ: „мы встрѣтимъ Тафти-бея—онъ, конечно, тамъ по долгу службы—и отдадимся подъ его защиту", ухватилась я за эту мысль; но сейчасъ же и оставила ее, вспомнивъ, что наши взаимныя съ нимъ отношенія уже были не тѣ со времени печальнаго инцидента съ Августомъ Жаба.

Еще одно обстоятельство увеличивало опасность для насъ: на рейдѣ кромѣ греческаго паруснаго флота коммерсантовъ не стояло на якорѣ ни одного военнаго корабля подъ европейскимъ флагомъ; но зато сильная турецкая эскадра имѣла здѣсь постоянную станцію.

Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, намъ удалось все-таки добраться до той стѣны цитадели, противъ которой находился конакъ пашалыка, и то, что мы увидѣли здѣсь, обѣщало мало хорошаго: изъ крѣпостныхъ воротъ выѣзжала артиллерія съ шестью пушками—положеніе, какъ видно, обострялось.

Мы смѣшались съ толпой и бодро пошли впередъ, намѣреваясь проникнуть въ резиденцію губернатора.

Изъ говора вокругъ можно было понять, что не далѣе, какъ часъ тому назадъ, въ горячей схваткѣ съ греками турки разстрѣляли здѣсь на площади какихъ-то прохожихъ изъ европейскаго квартала.

Не могу выразить чувство смертельнаго ужаса, охватившаго насъ при этомъ: мы рванулись дальше, разспрашивая по пути, не видалъ ли кто-нибудь русскаго консула? Но магометане отвѣчали негодующими взглядами и отворачивались, а левантинцы, пришедшіе сюда изъ католической колоніи, ничего не знали о немъ.

У входа въ конакъ намъ пришлось остановиться: часовые и отрядъ моряковъ, окруживъ дворецъ вплотную, не пропускали туда никого, кромѣ консуловъ; но между ними не было дяди.

Не оказалось здѣсь и того, къ кому летѣли сейчасъ мои мечты и надежды.

— Вотъ и права Марія,—вздохнула я,—утверждая, что никогда мстительное сердце азіата не проститъ женщинѣ даже минутнаго заблужденія—а вѣдь любилъ-то какъ!...

Кругомъ зловѣще рокотали людскія волны и грозили опрокинуть насъ въ бездны.

Въ толпѣ военныхъ я встрѣтилась глазами со старичкомъ-офицеромъ изъ артиллерійскаго парка, Хассаномъ-Эфенди. Этотъ бѣдняга былъ обязанъ лично мнѣ матеріальной помощью въ трудную минуту жизни, и я, при случаѣ, разскажу его грустную повѣсть. Но, видно, онъ не рѣшался на глазахъ охваченной буйнымъ порывомъ толпы солдатъ оказать мнѣ знаки участія и, скрививъ ротъ на подобіе улыбки, поспѣшно отошелъ въ сторону.

По странной психологіи вещей, человѣку, находящемуся въ самыхъ опасныхъ и критическихъ положеніяхъ, всегда лѣзутъ въ голову совершенно посторонніе и неумѣстныя мысли—это извѣстно каждому. Таково было и мое настроеніе тогда.

Окруженная массой враждебно настроенныхъ людей и сознавая весь ужасъ подобной обстановки, я въ то же время незамѣтно углублялась въ размышленія о томъ, что не мѣшало бы воспользоваться столь удобнымъ случаемъ и прославить себя какимъ-нибудь удивительнымъ, подвигомъ, въ родѣ, напримѣръ, Жанны д'Аркъ, и разгоряченное воображеніе уже рисовало мнѣ авансомъ заманчивыя картины овацій, энтузіазма спасенныхъ мною христіанъ, восхваленій на газетныхъ столбцахъ мужества, энергіи, находчивости, которыя я собиралась еще проявить при дальнѣйшемъ ходѣ настоящаго событія, какъ вдругъ восклицаніе Магіе вернуло мою уже „знаменитую" особу изъ области фантазій къ дѣйствительности:

— Смотри! на балконѣ адъютантъ—ахъ, если бы позвать его!

Но Тафти уже замѣтилъ насъ и поспѣшилъ сойти внизъ. Недобрая усмѣшка скользнула по лицу его, когда наши взгляды встрѣтились, но онъ тотчасъ же отвернулся отъ меня. Затѣмъ, раскланиваясь съ теткой, бей очень вѣжливо проговорилъ:

— Вашъ мужъ у Кіамиль-паши—если угодно, я проведу васъ туда же?

Магіе со слезами на глазахъ поблагодарила его.

По данному имъ знаку цѣпь караула разомкнулась и, пропустивъ насъ, вновь сомкнулась.

Мы проворно взбѣжали наверхъ и вошли въ пріемную.

Тамъ происходило нѣчто странное: окруженный мѣстными агентами дипломатіи, въ числѣ которыхъ мы, наконецъ, увидѣли того, кого такъ страстно искали, губернаторъ стоялъ посреди комнаты, и видъ его былъ достоинъ глубокаго состраданія: всей фигурой своей онъ напоминалъ человѣка, пришибленнаго ужаснымъ несчастіемъ, глаза растерянно блуждали, а черты лица носили слѣды чрезмѣрной усталости и болѣзненнаго состоянія.

Консула, также крайне взволнованные, горячились и видимо угрожали ему чѣмъ-то. Онъ же безпомощно разводилъ руками и призывалъ во свидѣтели имя Аллаха.

Послѣ довольно продолжительныхъ преній и обсужденій вопроса, Кіамиль-паша въ рѣшительномъ тонѣ заявилъ, что беретъ на себя всю отвѣтственность и ручается за безопасность христіанскаго населенія во ввѣренномъ ему пашалыкѣ.

Желая во что бы то ни стало выступить въ роли героини, какъ было задумано мной, я, съ невольнымъ порывомъ высокихъ

чувствъ,—хотя и не лишенныхъ въ глубинахъ своихъ честолюбивыхъ поползновеній на славу Орлеанской дѣвы,—бросилась къ пашѣ и, обливаясь потокомъ горячихъ слезъ, стала умолять его о защитѣ всѣхъ насъ, христіанъ, и доказывать ему, что таковы, вообще, обязанности мудраго и справедливаго правителя страны.

Турки почему-то считаютъ ниже своего достоинства обнаруживать чувство удивленія, и эта характерная черта сказалась и здѣсь: мое развязное обращеніе съ нимъ, да еще въ присутствіи столькихъ мужчинъ, что уже само по себѣ съ мусульманской точки зрѣнія заслуживало порицанія, тѣмъ не менѣе, не вызвало ни малѣйшаго измѣненія въ выраженіи его лица: тихо, вѣжливо и не волнуясь, онъ отвѣтилъ:

— Богъ съ вами, mademoiselle! успокойтесь, мы не звѣри... но какова подлость и дерзость тѣхъ.... И Кіамиль-паша замолчалъ, не договоривъ чего-то.

Засимъ, повторивъ обѣщаніе уладить все, какъ слѣдуетъ, онъ спустился внизъ, на плацъ и явился передъ толпой бушевавшихъ солдатъ.

О чемъ бесѣдовалъ съ ними начальникъ края—не извѣстно; но мы сами видѣли изъ оконъ его кабинета, какъ гарнизонъ безъ всякихъ колебаній снялся съ мѣста и мѣрнымъ шагомъ сталъ удаляться по направленію казармъ.

Вернувшись обратно наверхъ, губернаторъ увѣренно объявилъ намъ, что требованія г.г. представителей державъ онъ выполнилъ въ точности, самолично успокоивъ взволнованные умы и угомонивъ не въ мѣру расходившіяся страсти, такъ что бояться новыхъ вспышекъ фанатизма не имѣлось къ тому, по его словамъ, никакихъ основаній, а потому, молъ, онъ и предлагаетъ почтенному собранію разойтись по домамъ, чтобы отдохнуть послѣ тревогъ протекшаго дня.

Тогда мы всѣ вмѣстѣ покинули конакъ и вышли на опустѣвшую площадь. Красные лучи заката уже догорали, скользя по вершинамъ горнаго хребта, а на море и землю ложилась темная, южная ночь; отдаленные звуки затихающей городской жизни таяли и умирали въ прозрачномъ воздухѣ, и только одинъ протяжный голосъ муэдзина, призывавшаго къ вечерней молитвѣ, нарушалъ загадочное безмолвіе, царившее надъ ареной кроваваго столкновенія османа съ эллиномъ, этихъ вѣковыхъ сожителей на цвѣтущей, прекрасной родинѣ Гомера.

Паша сказалъ правду: все обстояло благополучно.

Но мы заблуждались: то было только начало, а продолженіе не замедлило наступить.

Глава XXXI.

Отъ нашихъ спутниковъ по дорогѣ я узнала, наконецъ, изъ-за чего собственно возникло прискорбное недоразумѣніе, результатомъ котораго было столько жертвъ.

Взрывъ негодованія мусульманъ произошелъ, какъ и всегда, на религіозной почвѣ; но съ нашей европейской точки зрѣнія поводомъ къ тому, что случилось, послужилъ прямо таки анекдотъ, о которомъ говорить-то нельзя безъ смѣха, и сказавшій это, греческій консулъ, г. Мильтіади закатился хохотомъ.

Дѣло было такъ. На базаръ пришелъ грекъ и купилъ у турецкаго мясника кусокъ баранины. Разговорились и заспорили о преимуществахъ религій. Православный хвалилъ свою вѣру, а магометанинъ съ глубокимъ убѣжденіемъ возражалъ, что Исламъ выше и что Магометъ самый главный пророкъ Аллаха.

Глупый грекъ отвѣтилъ, что Магометъ вовсе и не пророкъ, а „мошенникъ“ и „дуракъ“....

Назови онъ своего собесѣдника дуракомъ или еще болѣе обиднымъ прозвищемъ, турокъ отвѣтилъ бы ему тѣмъ же, и ссора ихъ не пошла бы дальше обыкновенной перебранки, а затѣмъ оба разошлись бы какъ ни въ чемъ не бывало до новой, пріятной встрѣчи.

Но пламенная душа османа не вынесла поношенія невѣрнымъ величайшей святыни Ислама и съ воплемъ: „гяуръ ругаетъ нашего пророка“—вонзилъ ему въ сердце тотъ самый ножъ, которымъ рѣзалъ баранину.

Этого возгласа мясника было достаточно, чтобы разбудить въ сердцахъ мусульманъ звѣря. Сосѣдніе торговцы турки, а также пришедшіе сюда матросы военной эскадры съ грозными криками бросились на покупателей-христіанъ и принялись съ ожесточеніемъ ихъ бить.

По роковой случайности въ сказанный моментъ шелъ мимо базара къ таможнѣ караулъ часовыхъ на смѣну. Шумъ и суматоха привлекли вниманіе ихъ. Съ примкнутыми штыками и ускореннымъ шагомъ они тотчасъ же прибыли къ мѣсту происшествія; но вмѣсто того, чтобы помочь избиваемымъ, солдаты сами пришли въ ярость и учинили форменную рѣзню.

Нѣсколько человѣкъ было убито и много ранено.

Греки, хотя и большіе задиры, но все-таки очень храбрый народъ, моментально съорганизовались и при помощи подоспѣвшихъ съ набережной паликаровъ дали туркамъ внушительный отпоръ.

Одновременно на другомъ концѣ города разыгралась другая не менѣе ужасная драма.

Въ крѣпость къ старьевщикамъ, которые тамъ всегда торговали, пришли два греческихъ священника; пока шла купля и продажа тряпья, прибѣжалъ сюда же избитый паликарами турокъ и началъ вопить, что греки издѣваются надъ именемъ пророка и рѣжутъ правовѣрныхъ.

Гарнизонъ вспыхнулъ, какъ порохъ, и въ первую голову опрокинулся на ни въ чемъ неповинныхъ старковъ. Обвиняя послѣднихъ въ подстрекательствѣ народа противъ религіи Магомета, турки принялась съ ожесточеніемъ рвать имъ бороды, волосы и безпощадно мучить ихъ.

Обезумѣвъ окончательно и не слушая увѣщаній коменданта и офицеровъ, солдаты съ оружіемъ въ рукахъ кинулись на площадь и подняли отчаянную стрѣльбу по всѣмъ безъ разбора прохожимъ, которыхъ бывало здѣсь всегда очень много въ базарные часы дня, такъ какъ мимо цитадели шли дороги къ предмѣстьямъ и во внутрь страны.

— Да неужели же,—спроситъ, вѣроятно, будущій читатель этихъ строкъ,—могло возникнуть такое серьезное волненіе, благодаря только нелѣпой выходкѣ невѣжественнаго грека?

— Да!—будетъ мой отвѣтъ,—такъ оно и было въ дѣйствительности, и такова жизнь вообще, что изъ мелочей нерѣдко создаются великія драмы. Но во всякомъ случаѣ фактъ остается фактомъ, и я передаю его на этихъ страницахъ.

Раскаты ружейнаго огня подняли тревогу и вызвали панику въ гаремахъ. Тогда на арену событія выступили представители духовной власти, шейхи и улемы. Но вмѣсто того, чтобы успокоить разгорѣвшіяся страсти, они сами прониклись настроеніемъ толпы и стали во главѣ движенія.

Слишкомъ опытные въ такихъ дѣлахъ и очень дальновидные, хитроумные руководители мусульманской совѣсти тотчасъ же учли количественный перевѣсъ греческаго населенія, а отсюда вѣроятность активнаго выступленія послѣднихъ и приняли къ тому соотвѣтствующія мѣры.

По ихъ указаніямъ женщины и дѣти были поспѣшно отправлены въ горы и деревни на южную сторону острова, а съ валовъ крѣпости даны сигнальныя ракеты. Значеніе послѣднихъ знаютъ всѣ, живущіе на магометанскомъ Востокѣ: въ моментъ взрыва религіознаго фанатизма обыкновенно ими призываются исламиты къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ невѣрныхъ гяуровъ.

Дядя мой показался на площади въ самый разгаръ буйной

вспышки солдатъ; но ему удалось пробраться къ конаку и подняться наверхъ къ губернатору, котораго онъ засталъ въ состояніи полнѣйшей растерянности и недоумѣнія, но нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ имъ на ухо смущенному до потери сознанія начальнику края, было достаточно, чтобы вывести его изъ столбняка и заставить дѣйствовать.

Магическое средство, такъ быстро отрезвившее пашу, было хорошо извѣстно тогда всѣмъ сановникамъ Высокой Порты и называлось оно „генералъ Игнатьевъ"—только и всего!

Вернувшись домой, Магіе стала звать зачѣмъ-то нашего каваса; но его не оказалось. Это обстоятельство удивило всѣхъ, такъ какъ Али никогда не отлучался безъ разрѣшенія на то.

Дядя, по обязанности вице-консула, отправился на телеграфную станцію, чтобы сообщить въ Посольство о происшествіи.

Мы подошли къ окнамъ, выходившимъ на море, открыли ихъ и тотчасъ же замѣтили, что съ берега Малой Азіи пускали ракеты: видимо шелъ обмѣнъ сигнализаціи съ Чесмой, также подвластной Хіосскому пашалыку.

— Странно!—думалось намъ,—къ чему же сейчасъ эти условные знаки, когда, по словамъ Кіамиль-паши, инцидентъ уже былъ исчерпанъ и продолженіе его не предвидѣлось?

Магіе взяла подзорную трубку, а я вооружилась очень сильнымъ биноклемъ, и обѣ мы углубились въ наблюденіе за рейдомъ.

На сколько глазъ обнималъ водное пространство, отдѣлявшее насъ отъ материка, не видно было, чтобы оттуда спѣшили къ острову. Также оставалось загадкой, о чемъ собственно берегъ увѣдомлялъ сосѣда? Вскорѣ, однако, погасли яркія точки ракетъ, шумъ жизни умолкъ, и нѣмая тишина ночи воцарилась подъ небесами.

Только видъ броненосной эскадры, неподвижно стоящей на якоряхъ у стѣнъ цитадели, не соотвѣтствовалъ данной минутѣ наступившаго покоя въ мусульманскомъ мірѣ — восточные народы ложатся спать вмѣстѣ съ закатомъ солнца, въ силу чего и на корабляхъ Оттоманскаго флота послѣ удара вечерней пушки весь экипажъ, кромѣ вахты, отходитъ ко сну. Но въ сказанный моментъ то, что происходило тамъ, привлекло къ себѣ наше усиленное вниманіе: по неосвѣщеннымъ палубамъ и вышкамъ морскихъ гигантовъ, выступая изъ темноты, скользили, подобно призракамъ, въ неясныхъ очертаніяхъ человѣческія фигуры, то внезапно исчезая съ поля зрѣнія, то появляясь вновь.

При слабомъ свѣтѣ народившейся луны, намъ все-таки удалось разсмотрѣть, что блуждающіе силуэты прятались за борта, опуская

въ море концы веревокъ и вантъ, но для какой цѣли это дѣлалось— мы не могли понять.

Вдругъ серпъ мѣсяца нырнулъ за облака, и черный мракъ окуталъ атмосферу.

Волна робко взбѣжала на отмель, проснулся вѣтерокъ и снялъ вуаль, за которымъ скрывалась молодая луна.

— Ахъ!—слабо вскрикнула Маrіе—береговые башибузуки! ну, теперь смотри, — указала она на черную громаду одного изъ фрегатовъ, у кормы котораго качалась на вспѣненной водѣ цѣлая флотилія быстрокрылыхъ, малоазіатскихъ каиковъ.

Съ чрезвычайнымъ напряженіемъ мы стали слѣдить изъ темной комнаты за эволюціями нежданныхъ визитеровъ.

Тогда мнѣ стало казаться, что все это сонъ или фантасмагорія какая-то: въ невѣрномъ сіяніи лучей полумѣсяца, сквозь дымки теплыхъ испареній я видѣла, какъ со дна лодокъ поднимались на воздухъ тѣни, сливаясь въ безформенныя массы, дрожали, погружаясь въ туманъ и безслѣдно пропадали.

— Просто бредъ разстроеннаго воображенія или я во власти кошмара, — проносилось въ головѣ, — явились неизвѣстно откуда, точно изъ глубины морской, и растаяли на глазахъ...

— Башибузуки,—какое страшное слово!—говорила я, протирая себѣ глаза,—и что имъ здѣсь надо?...

— Къ несчастію, мы узнаемъ объ этомъ, вѣроятно, сегодня же ночью,—отвѣтила Маrіе.

Но какъ случилось, что анатолійскіе посѣтители ускользнули отъ нашихъ наблюденій и такъ незамѣтно подкрались къ рейду— осталось нерѣшеннымъ вопросомъ.

Когда же мы вновь навели бинокли по прежнему направленію, то оказалось, что „феерія" уже была закончена, и занавѣсъ опущенъ: корабли, отбрасывая черныя тѣни, спали безмятежнымъ сномъ на своихъ якоряхъ, и ничто не указывало на присутствіе за ихъ стальными бортами живыхъ существъ, а по гребнямъ взволнованнаго легкою зыбью моря двигались еле замѣтныя точки, убѣгая въ даль, и мы знали, что то была легкая флотилія, спѣшившая къ роднымъ берегамъ, но уже безъ пассажировъ, которые остались погостить на безмолвной, неподвижной эскадрѣ... Тогда я убѣдилась, что это не сонъ и не бредъ, и что предстоитъ нѣчто весьма важное.

Глава XXXII.

Вскорѣ затѣмъ вернулся дядя и сообщилъ, что на основаніи распоряженія губернатора, телеграфъ не принялъ его шифрованной депеши. Тогда онъ, сохраняя текстъ на русскомъ языкѣ, переписалъ ее латинскимъ шрифтомъ. И въ этомъ также отказали. А на заявленное имъ желаніе снестись съ нашимъ консуломъ въ Смирнѣ, ему отвѣтили, что телеграфировать можно кому угодно, но только съ открытымъ содержаніемъ и по-французски.

Подчиниться требованію турецкаго цензора было бы совсѣмъ неудобно, такъ какъ въ донесеніи заключалась просьба прислать военное судно подъ европейскимъ флагомъ. Такой шагъ со стороны агента дипломатіи означалъ бы недостатокъ довѣрія къ обѣщаніямъ Кіамиль-паши успокоить населеніе и могъ бы оскорбить его. Такъ и пришлось уйти ни съ чѣмъ.

Тогда было рѣшено не спать до утра и ждать событій. На всякій случай надо было подумать и о самозащитѣ: позвали всѣхъ служащихъ въ конторѣ и роздали имъ запасъ оружія, который имѣлся всегда въ консульствѣ.

Около 3-хъ часовъ ночи возвратился неизвѣстно откуда и нашъ тѣлохранитель. Онъ былъ задумчивъ и видимо чѣмъ-то сильно озабоченъ. Послѣ замѣтнаго колебанія Али улыбнулся и ласково заговорилъ:

— Но почему коконы [1]) не спятъ еще? развѣ можно ночью сидѣть у оконъ—долго ли заболѣть, да охранитъ ихъ Аллахъ!—И, обращаясь ко мнѣ, немедленно перешелъ въ ворчливый тонъ по установившейся въ немъ привычкѣ распекать меня:

— Иди [2]) къ себѣ, коконица [3]), и отдохни,—произнесъ онъ строго и повелительно,—и не бойся ничего: Али будетъ смотрѣть, чтобы злые люди не разбудили тебя,—и онъ приложилъ ладонь къ щекѣ и закрылъ глаза, выражая этимъ, что я могу ввѣриться его защитѣ.

Тогда мы догадались, что нашъ добрый, вѣрный кавасъ былъ на тайномъ совѣщаніи, и прекрасно поняли значеніе сказаннаго имъ: за текущую ночь онъ ручался, а иначе преданный намъ всей душой Али говорилъ бы совсѣмъ другое. Несомнѣнно, что онъ на-

---

[1]) Кокона по-новогречески—госпожа; но и турки называютъ такъ европейскихъ дамъ.

[2]) Въ турецкомъ языкѣ не существуетъ форма обращенія къ единичному лицу на „вы“.

[3]) Уменьшительное отъ „коконы“, т. е. „маленькая госпожа“.

ходился въ курсѣ дѣла, и ему былъ извѣстенъ планъ, принятый въ секретномъ засѣданіи. Но невольно являлось такого рода соображеніе: если нападеніе на христіанъ не стояло въ программѣ, то для чего же собственно вызваны съ берега банды горцевъ и скрыты въ нѣдрахъ эскадры?

Затѣмъ кавасъ выразилъ желаніе остаться съ своимъ господиномъ вдвоемъ. Мы съ Магіе вышли въ сосѣднюю комнату, откуда намъ все было слышно.

Дядя спросилъ его, почему онъ самъ до сихъ поръ не легъ спать, такъ какъ завтра наступалъ канунъ праздника „Рожденія Магомета", а, слѣдовательно, надо было встать рано къ утренней молитвѣ въ мечети?

На это Али дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ, прибѣгая по обычаю турокъ къ своеобразнымъ оборотамъ рѣчи:

— Эфендимъ [1])! у меня на сердцѣ тяжелая мысль и большая забота о нашихъ коконахъ: старшая давно не видѣлась съ родными—это не хорошо! а маленькая—охъ, какъ ей скучно здѣсь! Въ Хіосѣ ничего нѣтъ хорошаго, гадкій грекъ—мошенникъ, только и всего!—При этомъ онъ даже презрительно сплюнулъ и продолжалъ:

— Ни музыки хорошей, ни красивыхъ кавалеровъ—ничего нѣтъ, и наша коконица, вотъ увидишь, похудѣетъ и умретъ! Эфендимъ, будь милостивъ, успокой ты меня, стараго слугу: отправь ихъ обѣихъ въ Смирну, а зато Аллахъ сохранитъ тебя отъ всякой бѣды и злыхъ враговъ...

Хитрость его была шита по черному бѣлымъ, и мы поняли, что намъ угрожало что-то, а потому онъ такъ усердно хлопоталъ удалить насъ изъ Хіоса, надѣясь, что его начальникъ, не связанный семьей, отстоитъ себя, какъ и случалось не разъ въ прежніе годы службы моего дяди въ Сиріи, переполненной арабскими разбойниками.

Долго еще убѣждалъ и кланялся Али, прикладывая руку къ сердцу и вытирая украдкой набѣгавшія слезы.

— А когда по-твоему удобнѣе отправить ихъ?—какъ бы наивно спросилъ его дядя.

— На слѣдующій день нашего праздника,—радостно отвѣтилъ онъ,—я буду тогда свободенъ, самъ уложу вещи и отвезу ихъ на пароходъ.

Успокоенный на счетъ нашей участи вѣрный слуга ушелъ къ себѣ.

---

[1]) Благородный господинъ мой.

Чтобы закончить главу, я намѣреваюсь сказать нѣсколько словъ о томъ значеніи, которое принадлежитъ духовенству въ жизни Ислама. Это будетъ и своевременно, такъ какъ читатель пойметъ тогда, почему, напримѣръ, Кіамиль-паша при всей доброй волѣ не могъ бы остановить хода кроваваго событія.

Мусульмане, какъ извѣстно, не признаютъ нашего дѣленія на гражданскія и церковныя законодательства.

Сводъ законовъ у нихъ только одинъ—это Коранъ, а вся полнота абсолютной власти находится въ рукахъ истолкователей велѣній пророка, и даже свѣтскія прерогативы султана были бы миражомъ, если бъ не калифатъ его, т. е. главенство надъ религіей.

Всѣ эти шейхи, улемы, имамы—вотъ истинные и дѣйствительные властелины душъ и сердецъ послѣдователей Магомета. Отъ нихъ зависитъ въ желанный часъ объединить народныя массы въ одинъ порывъ и въ одно стремленіе.

Этимъ-то и обусловливается тотъ жуткій страхъ, который овладѣваетъ христіанскимъ населеніемъ, когда становится извѣстнымъ, что правовѣрные собрались на тайное совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ духовныхъ лицъ.

Обыкновенно такія засѣданія открываются въ случаяхъ исключительной важности, напримѣръ, когда вспыхиваютъ страсти религіознаго фанатизма.

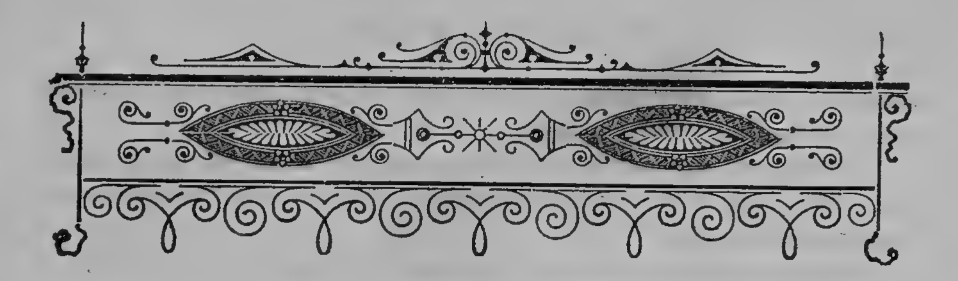
Тогда руководители и воспитатели Ислама приглашаютъ своихъ духовныхъ чадъ въ мечети и при закрытыхъ, строго охраняемыхъ, входахъ приступаютъ къ совмѣстному обсужденію способовъ воздѣйствія на невѣрныхъ.

Конечнымъ результатомъ этихъ собраній бываетъ въ большинствѣ случаевъ нападеніе на христіанъ и жестокая рѣзня.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Тесть А. С. Грибоѣдова—князь Александръ Чавчавадзе—въ характеристикѣ армянскаго историка.

(Матеріалы для біографіи А. С. Грибоѣдова)[1].

Уволивъ Красовскаго отъ должности эриванскаго губернатора, Паскевичъ на его мѣсто назначилъ генералъ-маіора грузинскаго князя Александра Чавчавадзе.

Онъ былъ сынъ знаменитаго Герсевана Чавчавадзе, котораго царь Ираклій послалъ къ Императрицѣ Екатеринѣ II, какъ

[1]) Сравнительно недавно, въ 1907 году, въ Парижѣ вышло на французскомъ языкѣ обширное изслѣдованіе, озаглавленное: „Alexande Sergiéevitch Griboïedov. Sa vie—ses oeuvres". Thèse pour le doctorat, présentée à la Faculté des Lettres de l'Université de Paris par Olga Kramareva.

Эта интересная ученая работа, въ достаточной степени охватывающая всю литературу вопроса, разбросанную въ старыхъ журналахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ, касающуюся жизни и трудовъ А. С. Грибоѣдова, начиная съ 1829 года по день изданія диссертаціи, не лишена однако и нѣкоторыхъ пробѣловъ, касающихся характеристики тѣхъ или другихъ лицъ, имѣющихъ косвенное или прямое отношеніе къ жизни и дѣятельности знаменитаго автора комедіи „Горе отъ ума". Напримѣръ, тестю А. С. Грибоѣдова—князю Александру Чавчавадзе—удѣлено всего нѣсколько строкъ на страницахъ 122 и 123, между тѣмъ какъ эта высокодаровитая личность заслуживаетъ гораздо бо́льшаго вниманія со стороны біографовъ знаменитаго писателя, хотя бы за ту любовь и дружбу, которыя князь Александръ Чавчавадзе питалъ къ своему зятю.

Интересуясь всѣмъ тѣмъ въ армянской литературѣ, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ личности А. С. Грибоѣдова (см. нашу статью въ журналѣ „Русская Старина" за 1901 годъ, № 10.—„Кончина А. С. Грибоѣдова по армянскимъ источникамъ"), мы по мѣрѣ возможности будемъ

своего полномочнаго министра для переговоровъ о принятіи Грузіи подъ покровительство Россіи [1]).

Александръ родился [2]) въ С.-Петербургѣ во время пребыванія тамъ его отца, и крестною матерью его была сама Императрица Екатерина Великая.

Первоначальное воспитаніе Александръ получилъ въ одномъ изъ столичныхъ пансіоновъ, и вотъ, когда Грузія присоединилась къ Россіи, онъ съ своими родителями вернулся въ Тифлисъ.

Здѣсь, еще въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ, юноша Александръ примкнулъ къ тому тайному сообществу грузинскихъ патріотовъ, которое во время Циціанова, въ 1804 году, стремилось возстановить Грузинское царство и провозгласить царемъ принца Фарнаоза.

Тайно бѣжавъ отъ родителей, онъ присоединился къ группѣ повстанцевъ, но эта группа скоро была перехвачена и, тогда какъ всѣхъ подвергали высылкамъ и тяжелымъ наказаніямъ, юноша Александръ, благодаря своей молодости и вліянію отца, былъ освобожденъ отъ наказанія.

Государь не только простилъ его юношеское увлеченіе, но и приказалъ ему ѣхать въ С.-Петербургъ учиться.

Окончивъ ученіе, Александръ поступилъ въ кавалерійскій полкъ и въ 1811 году вновь вернулся на свою родину уже офицеромъ-адъютантомъ вмѣстѣ съ маркизомъ Паулуччи [3]).

сообщать изъ армянской литературы все мало извѣстное или совершенно неизвѣстное до сихъ поръ о Грибоѣдовѣ.

Въ настоящей статьѣ, какъ въ матеріалѣ для будущихъ біографовъ А. С. Грибоѣдова, мы сообщаемъ характеристику тестя его—князя Александра Герсевановича Чавчавадзе. Ее мы перевели изъ перваго тома изслѣдованія армянскаго историка и археолога Ал. Д. Ерицова (Ерицяна): „Католикосы всѣхъ армянъ и кавказскіе армяне въ XIX столѣтіи“.

О многополезной и правдивой дѣятельности этого армянскаго писателя мы уже имѣли случай подробно говорить въ „Русской Старинѣ“ за 1909 г., кн. VII. (См. нашу статью—„Пребываніе Императора Николая I въ Эчміадзинѣ и въ Тифлисѣ по даннымъ армянскаго археолога“).

М. Я. А.

[1]) Князь Герсеванъ Чавчавадзе вмѣстѣ съ Багратіономъ-Мухранскимъ подписали трактатъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи 24 іюля 1783 года; съ этой поры царь Ираклій II открыто объявилъ себя русскимъ вассаломъ.

Примѣчаніе переводчика.

[2]) Князь Александръ Герсевановичъ Чавчавадзе родился въ С.-Петербургѣ въ 1784 году.

Примѣчаніе переводчика.

[3]) Маркизъ Филиппъ Осиповичъ Паулуччи, бывшій главнокомандующій войсками въ Грузіи съ 22 сентября 1811 года, извѣстенъ—какъ одинъ изъ кавказскихъ героевъ.

Личная храбрость его была такъ велика, что онъ заслужилъ ею подъ

Спустя нѣкоторое время съ тѣмъ же маркизомъ отправился въ Россію, гдѣ участвовалъ въ войнахъ противъ Наполеона и на восьмомъ году своей службы уже получилъ чинъ полковника.

Въ 1817 году онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ и, вскорѣ выйдя въ отставку, поселился на той улицѣ, которая и до настоящаго времени въ честь его называется „Чавчавадзеевской улицей“.

Владѣтель крупныхъ имѣній, сынъ богатыхъ родителей, хорошо воспитанный, прекрасный знатокъ грузинскаго, русскаго, французскаго, нѣмецкаго и персидскаго языковъ, энергичный и пылкій патріотъ—Александръ снискалъ любовь и уваженіе какъ своихъ сородичей, такъ и инородцевъ.

Онъ былъ женатъ на княжнѣ Орбеліани и имѣлъ четверо дѣтей: старшая дочь Нина вышла замужъ за знаменитаго Грибоѣдова [1]), другая сдѣлалась супругою мингрельскаго князя Дадіани, младшая вступила въ бракъ съ барономъ Николаи [2]).

Ахалкалаками и чинъ генералъ-лейтенанта, и искреннее уваженіе кавказскихъ храбрецовъ.

Лучшимъ доказательствомъ того, чѣмъ сумѣлъ стать маркизъ Паулуччи для Грузіи, является уже то, что, когда въ Грузію пришло извѣстіе объ отозваніи Паулуччи въ С.-Петербургъ, грузинское дворянство послало къ Императору Александру Павловичу депутацію съ просьбой объ оставленіи маркиза въ Закавказьѣ.

Государь не призналъ возможнымъ измѣнить свое рѣшеніе, и въ Грузію былъ назначенъ Н. Ф. Ртищевъ.

Близость князя Александра Чавчавадзе съ такимъ выдающимся героемъ, какъ Паулуччи, безусловно повліяла на его военныя доблести сначала въ войнахъ противъ Наполеона, а затѣмъ въ походахъ противъ персовъ и турокъ. Примѣчаніе переводчика.

[1]) Извѣстно, что 22 августа 1828 года въ Тифлисѣ на бракосочетаніи А. С. Грибоѣдова съ Ниною Чавчавадзе не присутствовалъ его тесть—князь Александръ Чавчавадзе—въ то время бывшій въ Эривани; но онъ скоро прислалъ свое письменное согласіе и благословеніе.

Въ письмѣ къ Ѳ. В. Булгарину по этому поводу Грибоѣдовъ пишетъ слѣдующее: „Въ Гумрахъ же нагналъ меня отвѣтъ отъ князя Чавчавадзева—отца изъ Эривани; онъ благословляетъ меня и Нину, и радуется нашей любви“. (См. „Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова“ подъ редакціей И. А. Шляпкина. Томъ I, Спб. 1889 г., стр. 267).

Примѣчаніе переводчика.

[2]) (Ср. А. Берже. Нина Александровна Чавчавадзе, „Русская Старина“ 1883 года, томъ XXXVIII, стр. 659, прим. А. Б.).

„Александръ Чавчавадзе умеръ въ 1846 году, оставивъ, кромѣ Нины Александровны, еще двухъ дочерей: Екатерину въ супружествѣ съ владѣтелемъ Мингреліи кн. Давидомъ Дадіани; Софію—за членомъ Государственнаго Совѣта барономъ Николаи Александромъ Павловичемъ, и сына Давида, свиты Е. В. генералъ-маіора“.

Примѣчаніе переводчика.

Его единственнымъ наслѣдникомъ былъ князь Давидъ, семью котораго въ 1854 году Шамиль взялъ въ плѣнъ изъ большой деревни Цинандалы.

Домъ князя Александра Герсевановича Чавчавадзе славился гостепріимствомъ, но гораздо большею славою пользовался самъ хозяинъ своими литературными трудами. Онъ перевелъ на грузинскій языкъ классическія произведенія Корнеля и Расина и много другихъ сочиненій [1]).

Тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ его трудовъ не можетъ сравниться съ тѣми превосходными и возвышенными, поэтическими и патріотическими пѣснями, которыя на второй же день послѣ написанія распространялись и до сегодняшняго дня въ пѣсняхъ сохраняются, какъ вѣковѣчная память объ этомъ благородномъ грузинскомъ поэтѣ-патріотѣ [2]).

Война съ персами разстроила литературныя занятія князя Чавчавадзе; онъ сдѣлался командиромъ грузинскаго добровольнаго от-

---

[1]) Ольга Крамарева въ своей диссертаціи (Alexandre Sergiéevitch Griboïédov. Sa vie—ses oeuvres par Olga Kramareva. Paris 1907 an., page 122, 123) о князѣ Александрѣ Чавчавадзе пишетъ слѣдующее: „Le père de Nina était fils de Guersevane Tchavtchavadzé, qui avait beaucoup contribué à l'annexion de la Géorgie à la Russie.

Né à Saint-Pétersbourg, il était le filleul de Catherine II, il avait reçu une bonne éducation, et pris part à la guerre de 1812.

Outre qu'il était bon officier et bon administrateur, il aimait passionnément sa patrie; doué d'heureux dons poétiques, il a laissé plusieurs oeuvres originales, ainsi que des traductions de poétes russes, de Pouchkine par exemple, en langue géorgienne. Sa maison était ouverte à tous: russes et géorgiens y trouvaient un accueil aimable, qui contribuait à resserrer l'union des deux nations".

Переводъ: „Отецъ Нины былъ сынъ Герсевана Чавчавадзе, который много способствовалъ присоединенію Грузіи къ Россіи.

Родившись въ С.-Петербургѣ, онъ былъ крестникомъ Екатерины II; получилъ хорошее воспитаніе и участвовалъ въ войнѣ 1812 года.

Мало того, что онъ былъ хорошій офицеръ и хорошій администраторъ, онъ страстно любилъ свою родину; одаренный счастливымъ поэтическимъ даромъ, онъ оставилъ нѣсколько оригинальныхъ трудовъ, какъ и переводы русскихъ поэтовъ на грузинскій языкъ, напримѣръ Пушкина.

Его домъ былъ открытъ для всѣхъ: русскіе и грузины тамъ находили радушный пріемъ, который способствовалъ тѣсному единенію двухъ націй.

Примѣчаніе переводчика.

[2]) Намъ извѣстны отличные переводы князя Александра Герсевановича Чавчавадзе на грузинскій языкъ произведеній европейскихъ писателей— Гёте, Виктора Гюго и Вольтера; кромѣ переводовъ стихотвореній Пушкина, князь Александръ Чавчавадзе оставилъ очень недурные переводы произведеній персидскихъ поэтовъ XIII и XIV столѣтій—Гафиза и Саади.

Примѣчаніе переводчика.

ряда, получилъ чинъ генералъ-маіора и по уходѣ Красовскаго былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Армянской области.

Съ этого поста пошелъ походомъ, взялъ Баязетъ [1]), Алашкертъ, вступилъ въ Мушъ и множество армянъ выселилъ, привелъ въ Араратскую страну.

По прекращеніи турецкой войны, князь Александръ Чавчавадзе вышелъ въ отставку и вновь занялся литературой.

Извѣстно, что въ 1832 году нѣкоторые изъ пылкихъ молодыхъ людей—грузинскихъ дворянъ, еще интересующихся прежней свободой своей родины, составили обширный заговоръ противъ русскихъ.

Они готовились устроить въ Тифлисѣ роскошный вечеръ, во время котораго внезапно должны были избить всѣхъ знатныхъ русскихъ людей и поднять знамя возстанія.

Но это не удалось: за часъ передъ тѣмъ заговоръ открылся, и участвующіе были арестованы и высланы.

Хотя князь Чавчавадзе былъ противъ заговора и не участвовалъ въ этомъ движеніи своихъ сородичей, но его тоже отправили въ ссылку въ Костромскую губернію.

---

[1]) По поводу взятія Баязета А. Г. Чавчавадзе—самъ А. С. Грибоѣдовъ въ „письмѣ отъ 31 августа 1828 года къ издателю „Сѣверной Пчелы“ о взятіи Баязета“ пишетъ слѣдующее: „Баязетъ. Уже четвертый день, что русскіе вошли съ побѣдоносньмъ оружіемъ своимъ въ неприступную отъ природы турецкую крѣпость Баязетъ. Малочисленный отрядъ войска, назначенный подъ командою исправляющаго должность армянскаго областного начальника, генералъ-маіора князя А. Г. Чавчавадзе, къ занятію сей крѣпости, двинувшись 25-го сего августа изъ лагеря при селеніи Хошкабарѣ, находящемся въ Армянской области, недалеко отъ границъ нашихъ съ турецкими владѣніями, перешедъ по весьма трудной дорогѣ ночью черезъ горы Агаджигъ, 27-го числа явился близъ Баязета, и послѣ сраженія съ турецкою конницею, спасшеюся бѣгствомъ въ крѣпость и увезшею съ собою раненое знамя, занялъ находящееся въ двухъ верстахъ отъ города укрѣпленіе Зангезоръ. На другой день часть отряда нашего пошла для занятія города, несмотря на пушечную пальбу, производимую довольно удачно изъ крѣпости, и двухъ-бунчужный Баязетскій Балюлъ-паша, видя таковую рѣшительность русскихъ, вынужденъ былъ, по стремительномъ обращеніи въ бѣгство турецкой конницы, сдать крѣпость и участь свою намъ, приславъ для сего къ отрядному начальнику перламентера. Нельзя описать восторга здѣшнихъ жителей, большею частью армянъ, вышедшихъ навстрѣчу побѣдителямъ и благословлявшихъ нелицемѣрными привѣтствіями Русскаго Царя, оружіемъ котораго исторгнуты они отъ столь долгаго томленія подъ игомъ мусульманъ“. (См. „Полн. собр. соч. А. С. Грибоѣдова, подъ ред. И. А. Шляпкина“. Томъ I, Спб. 1889 г., стр. 128 и 129).

Примѣчаніе переводчика.

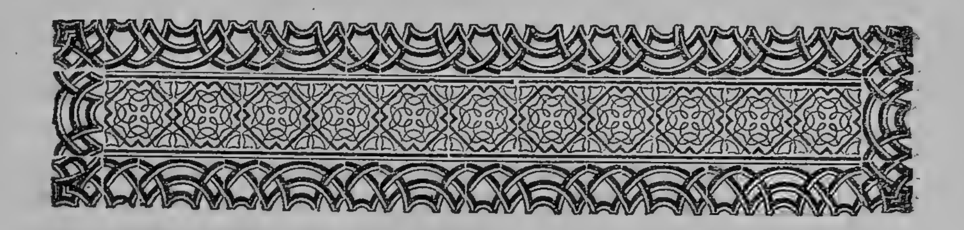
По прошествіи нѣкотораго времени, когда выяснилась его невиновность, Государь пригласилъ князя въ С.-Петербургъ и затѣмъ, вернувъ въ Тифлисъ, пожаловалъ ему чинъ генералъ-лейтенанта.

Въ 1846 году, 5 ноября, князь изъ дому выѣхалъ въ экипажѣ; лошади понесли, и князь Чавчавадзе, упавъ изъ экипажа, ударился головою о камень и скончался.

Въ Эриванской губерніи переселенцы-армяне до сихъ поръ съ любовью вспоминаютъ доброе имя князя Александра Чавчавадзе...

Сообщилъ съ дополненіями
М. Я. Алавердянцъ.

Андрей Денисьевичъ Виніусъ.

(Историческіе матеріалы, собранные Евгеніемъ Вильчинскимъ) [1].

1644 г.

Андрей Денисовичъ Виніусъ, гость Голландской земли, счастливо велъ обороты по продажѣ московскаго казеннаго хлѣба въ Голландіи и за то добился (31 марта 1633 г.) обмѣна своей прежней торговой грамоты (1631 г.) на новую, такую же, какую имѣлъ его соотечественникъ Карпъ Демулинъ, въ силу которой онъ могъ свободно торговать по русскимъ городамъ всякими привозными товарами, строить дома въ другихъ городахъ, гдѣ ему пришлось бы жить по торговымъ дѣламъ; по суду, за исключеніемъ дѣлъ по душегубству и татьбѣ, со всѣми своими людьми подлежалъ одному Посольскому приказу, въ судебныхъ дѣлахъ крестнымъ цѣлованіемъ вѣрились его люди; Посольскій приказъ долженъ выдавать ему, когда понадобится, проѣзжія грамоты на безпрепятственный выѣздъ изъ Россіи и возвращеніе въ нее и т. п. Затѣмъ, совмѣстно съ двоими компаніонами, получилъ онъ право „промышлять въ Русскомъ Государствѣ, на десять лѣтъ безоброчно и впредь съ оброкомъ, желѣзнымъ заводомъ и промыслами", при казенной субсидіи и обѣщаніи правительства не разрѣшать желѣзнаго промысла инымъ иноземцамъ, пока не истекутъ урочные годы, съ своей стороны товарищество обязывалось поставлять въ казну по выговоренной цѣнѣ опредѣленное количество пушекъ, ядеръ и проч. и „людей Государевыхъ всякому желѣзному дѣлу научать и никакого ремесла отъ нихъ не таить". Поставивъ въ 12 верстахъ отъ Тулы на

---

[1]) См. „Русская Старина" ноябрь 1909 г.

рѣкѣ Тулицѣ Городищевскіе, чугунные заводы, Виніусъ, бывшій душою предпріятія, принялъ (1637 г.) въ компаніоны Петра Марселиса и голландскаго купца Филимона Филимонова Акему (Thieleman Lus Ackema); по ихъ челобитью къ Тульскимъ заводамъ приписана была большая Соломенская волость. Этимъ новые товарищи не довольствовались. Опираясь на свое значеніе при дворѣ, Марселисъ задумалъ оттѣснить Виніуса: вмѣстѣ съ Акемою, онъ получилъ право (5 апрѣля 1644 г.) строить другіе заводы на рѣкахъ Вагѣ, Костромѣ, Шекснѣ и гдѣ только сыщутся удобныя мѣста, безъ платежа оброка съ заводовъ въ теченіе 20 лѣтъ и обязательствомъ дѣлать пушки, ядра, котлы, проволоку, жесть и всему тому обучать русскихъ; ненужныя казнѣ издѣлія могъ вывозить за границу. Выдавая эту двадцатилѣтнюю привилегію, правительство нарушило свой прежній контрактъ съ Виніусомъ [1]).

1645 г.

Отписка Ив. Пустынникова на Тулу воеводѣ Якову Куденетовичу Черкасскому объ исправленіи „сруба для пищальнаго прострѣла".

Иванъ Пустынниковъ и дьякъ Иванъ Ломакинъ въ отпискѣ князю Якову Черкасскому съ товарищами доносили: іюля въ 11 д. въ памяти за приписью дьяка Дмитрія Жеребилова, написано къ намъ, что билъ челомъ Государю гость Андрей Виніусъ, а сказалъ, что для пищальнаго прострѣла велѣно поставить срубъ и землей насыпать Государевыми людьми; и нынѣ де тотъ срубъ и землей насыпать Государевыми людьми; и нынѣ де тотъ срубъ велятъ поставить и землей насыпать пушкари ему, Андрею, и намъ бы тотъ срубъ велѣть поставить и землей насыпать тѣми людьми противъ наказа. А въ наказѣ написано: для пищальнаго прострѣла велѣно поставить срубъ и землей насыпать, а какими людьми, и того именно не написано и Государевой казнѣ денегъ на ту подѣлку не дано; и при Дороѳеѣ Астафьева для того прострѣла дѣланъ срубъ въ гору трехъ стѣнъ, въ готовомъ лѣсу, который лежалъ въ тѣхъ мѣстахъ, Государевыми людьми, стрѣльцами и пушкарями, и того сруба стѣна выбита; и нынѣ для той подѣлки лѣсъ и лубья на щиты и гвозди взяты у Андрея Виніуса, и та разбитая стѣна подѣлана прислономъ, и щитъ учиненъ и земля къ прежней насыпкѣ съ горы по застѣнью къ той новой стѣнѣ прибавлена попрежнему Государевыми людьми, стрѣльцами и пушкарями, и стрѣльба будетъ іюля въ 17 д. (Моск. ст. № 200 л. 102) [2]).

---

[1]) Цвѣтаевъ, Протест. и прот. въ Рос., ст. 396.

[2]) Акты Моск. Гос. II. с. 153.

1645 г.

Эти привилегіи (Марселису и Акемѣ) поссорили Виніуса съ Марселіусомъ и Акемою и первый въ 1645 году, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, подалъ на товарищей доносъ, вслѣдствіе котораго велѣно было послу Илью Даниловичу Милославскому объявить нидерландскимъ штатамъ о „многихъ неправдахъ“ Акемы и Марселіуса; но штаты не признали ихъ голландцами и въ дѣло не вмѣшались[1]).

Нидерландскіе штаты убѣдились, что Акема и Марселіусъ дѣйствительно голландскіе подданные, и хлопотали за нихъ предъ царемъ чрезъ посла Альберта Бурга; датскій король Христіанъ также писалъ объ нихъ Царю Алексѣю Михайловичу[2]).

1645 г.

Отписка Тульскаго воеводы съ товарищами о пріемѣ пищалей у Андрея Виніуса.

(начала отписки нѣтъ).

. . . . учали которыя пищали въ вѣсъ: которыя противъ твоего Государева указа и росписей мастерской сказки не сошлись осьми и семи гривенокъ, ядра вѣсомъ больше или меньше тремя пуды; а которыя пищали не сошлись больше или меньше трехъ пудъ, и тѣ пищали велѣли класти особно себѣ статьею. И сколько, Государь, пищалей они апрѣля по 24 числа приняли, и сколько пищалей складено особно себѣ статьею, и они де о тѣхъ пищалѣхъ, какъ пищали впредь принимать, о томъ къ тебѣ Государю писали и роспись пищалемъ послали жъ. И въ другой твоей Государь грамотѣ къ нимъ, Дороѳею и къ дьяку Ивану, написано: велѣно имъ пищали принимать напередъ съ меньшихъ статей съ тройника, и съ четверика, и съ пятерика и съ шестерика, а вдополнокъ въ 566 пищалей донятп семи и осьми гривенокъ ядра противъ прежней твоей Государевой грамоты, которыя пищали вѣсомъ и мѣрою и ядромъ, а противъ росписей и мастерской сказки малымъ чѣмъ не сошлись, а которыя пищали чѣмъ не сошлись многимъ, и тѣхъ не принимать. А по росписи Пушкарскаго приказа и Андрея Виніуса съ малыхъ статей трехъ гривенокъ, и 4-хъ и 5-ти гривенокъ ядра которымъ пищалямъ написана мѣра, а вѣсу не указано, и про тѣ пищали Дорофей Астафьевъ да дьякъ Иванъ Ломакинъ на допросѣ намъ сказали, что тѣхъ статей пищали, которыя вѣшаны, всѣ вѣсомъ

---

[1]) Пам. книж. для рус. горн. людей 1862 г., с. 197.

[2]) Пам. книж. для рус. горн. людей 1862 г., с. 197.

неравны: иныя больше, а иныя меньше пудомъ и двумя, и тремя, и четырьмя, и пятью и шестью пуды, а мѣрою многія не доходятъ и полу вершкомъ. И сколько у нихъ какихъ статей пищалей принято, которыя противъ твоего Государева указа и росписи чѣмъ не сошлись, и они тому всему подали намъ роспись за руками. И которыя пищали противъ твоего Государева указа и росписей не сойдутся малымъ чѣмъ больше, или малымъ чѣмъ меньше въ гривенкахъ, или пудомъ или двумя или тремя пуды, и которыя пищали пріиманы напередъ того больше и меньше тремя пуды и по росписямъ изъ Пушкарскаго приказа и Андрея Виніуса пищалямъ указана мѣра, а вѣса имъ не указано, а нынѣ они вѣсомъ и мѣрою всѣ неравны, а о томъ, Государь, намъ какъ ты, Государь, укажешь [1]).

1645 г.

Наказная память Ив. Л. Пустынникову о пріемѣ пищалей у прострѣла ихъ.

Лѣта 7153 іюля во 2 д. по государеву... указу память Ивану Лукьяновичу Пустынникову.

Быти ему у государева дѣла въ Тульскомъ уѣздѣ у пищальнаго пріема и у прострѣла нѣмецкаго желѣзнаго дѣла на Дороѳеево мѣсто Астафьева, а дьяку Ивану Ломакину быть у того пищальнаго прострѣла и у пріема по прежнему, для того: въ нынѣшнемъ въ 153 году іюня дня 25 государь... указалъ стольнику и воеводамъ князю Якову Куденетовичу Черкасскому съ товарищи, которыя пищали приняты у иноземцевъ, у Андрея Виніуса съ товарищи, 233, пищали и тѣ пищали велѣно устроить, а 61 пищаль велѣно принять и отвѣтить потому жъ, и устроить въ сарай, а достальныя пищали принимать вѣсомъ противъ мастерской сказки, тяжелѣй или легче пудомъ или двумя и тремя, а мѣрою каковы будутъ вершками больше или меньше; а будетъ которыя пищали тяжелѣ того, мѣрою, длиною или короче многимъ, и тѣхъ пищалей принимать не велѣно. И по государеву... указу да дьяку Ивану Ломакину, пріѣхавъ въ Тульскій уѣздъ къ заводу пищальнаго и желѣзнаго дѣла, по прежнему государеву указу, каковъ данъ Дорофею Астафьеву и дьяку Ивану и по сему государеву указу: которыя пищали приняты у иноземцемъ у Андрея Виніуса съ товарищи, 233 пищали устроить въ сараи, а 61 пищаль прострѣленныхъ принять, и отвѣсить и потому жъ тѣ пищали устроить; а достальныя пищали принимать вѣсомъ противъ мастерской сказки тяжелѣй или легче пудомъ и

[1]) Акты Моск. Гос. т. II Разр. Прик. Моск. Ст., стр. 147.

двумя и тремя, а мѣрою каковы будутъ вершкомъ или двумя вершками больше или меньше. А сколько желѣзныхъ пищалей у Андрея Виніуса принято и съ тѣми, что взято въ Пушкарскій приказъ, и что нынѣ велѣно принять и что по Государеву указу, впередъ къ старому взятью. А какъ Степанъ Чириковъ и дьякъ Иванъ у иноземца у Андрея Виніуса, пищали противъ государева указа совсѣмъ примутъ, и сколько какихъ пищалей ядромъ въ пріемѣ будетъ порознь, и что въ которой пищали вѣсу, и въ какову мѣру длиною, и что на прострѣлку зелья и ядеръ выйдетъ, и гдѣ тѣ пищали устроятъ и во что сарай станетъ и... дьяку то все велѣть написать въ книги, порознь по статьямъ, да тѣ книги, за своими руками, привести на Тулу къ стольнику и воеводамъ ко князю Якову Куденетовичу Черкасскому съ товарищи. Роспись желѣзнымъ пищалемъ, сколько принято и съ тѣми, что взято въ Пушкарскій приказъ, и что нынѣ велѣно принять и сколько по государеву указу впередъ ко взятію пищалей донять. 8— гривенокъ ядро, принятыхъ и съ тѣми, которыя указано нынѣ принять, 35 пищалей, а къ тому донять 15 пищалей; 7-ми гривенокъ ядро принятыхъ и съ тѣми, что нынѣ велѣно принять, 88 пищалей, а къ тому донять 12 пищалей; 6-ти гривенокъ ядро, принято 29 пищалей, а къ тому донять 71 пищаль; 5-ти гривенокъ ядро, принято у желѣзнаго дѣла 34 пищали, да въ Пушкарскій Приказъ взято 19 пищалей, обоего 53 пищали, а къ тому донять 47 пищалей; 4-хъ гривенокъ ядро, принято у желѣзнаго дѣла 34 пищали, да въ Пушкарской Приказъ взято 15 пищалей обоего 49 пищалей, а къ тому донять 51 пищаль; 3-хъ гривенокъ принято 74 пищали, а къ тому донять 74 пищалей. И всего принято у желѣзнаго дѣла и съ тѣми, которыя нынѣ велѣно принять, и что взято въ Пушкарскій Приказъ, 328 пищалей а къ тому всѣхъ статей противъ государева указа донять 272 пищали [1]).

1645 г.

Отписка Тульскаго воеводы Я. К. Черкасскаго о посылкѣ въ Москву съ книгами пищальнаго дѣла Ив. Пустынникова.

Тульскій воевода Яковъ Куденетовичъ Черкасскій съ товарищами въ отпискѣ въ Розрядъ доносили: іюня въ 25 д. по указу отца твоего государева... изъ приказу Большой Казны за приписью дьяка Назарья Чистого, велѣно намъ на Тулѣ къ пищальному пріему на Дороѳеево мѣсто Астаѳьева выбрать изъ дворянъ, а велѣть тому дворянину да дьяку Ивану Ломакину: которыя пищали приняты у

---

[1]) Москв. Столб. № 200 лл. 80—82, стр. 152.

нѣмчина у Андрея Виніуса 233 пищали, да 16 пищалей прострѣленныхъ принять и отвѣсивъ устроить въ сараи, а достальныя пищали велѣть принимать вѣсомъ противъ мастерской сказки тяжелѣй или легче пудомъ и двумя и тремя, а мѣрою каковы будутъ вершкомъ или двумя вершками больше или меньше; а будетъ которыя пищали тяжелѣй того, мѣрою или длиннѣй или короче многимъ, и тѣхъ пищалей принимать не велѣть; а кого именемъ на Дороѳеево мѣсто Астафьева мы выберемъ и котораго числа къ пищальному пріему пошлемъ, и намъ о томъ велѣно отписать къ отцу твоему государеву. И мы по указу отца твоего государева, на Дороѳеево мѣсто Астафьева къ пищальному пріему послали изъ дворянъ Московскихъ Ивана Лукьянова сына Пустынникова іюля во 2 д., и велѣли Ивану Пустынникову да дьяку Ивану Ломакину пищали, которыя приняты, 233 пищали, да 61 пищаль прострѣленныхъ принять, и отвѣсивъ устроить въ сарай, достальныя пищали приказали мы принимать вѣсомъ противъ мастерской сказки; что по пріему Дороѳея Астафьева и при Иванѣ Пустынниковѣ и при дьякѣ Иванѣ Ломакинѣ какихъ статей пищали порознь мѣрою принято и что въ которой пищали вѣсу, и что на тѣ пищали на прострѣлкѣ зелья, и посконн и на мѣшки холстовъ въ расходъ вышло, и сколько какихъ пищалей и зачѣмъ не принято, и кто именемъ и какіе люди у пушечнаго пріема у вѣсу и у прострѣла были, и Иванъ Пустынниковъ и Иванъ Ломакинъ тому вѣсу принесли къ намъ книги, за своими руками. И мы тѣ книги послали къ тебѣ Государю къ Москвѣ съ Иваномъ Пустынниковымъ да съ дьякомъ Иваномъ Ломакинымъ августа въ 25 день и велѣли имъ явиться и книги подать въ Приказѣ Большой Казны твоему Государеву боярину Ѳеодору Ивановичу Шереметеву да дьяку Назарью Чистому. А пищали принятыя и прострѣленныя, которыя устроены въ сараи, велѣли замкнуть и запечатать и приказали беречь Тульскому стрѣлецкому головѣ Максиму Маслову до твоего государева указу, а для береженія у сарая велѣли быть его Максимова приказа стрѣльцамъ и пушкарямъ тремъ человѣкамъ [1]).

1646 г.

Тогда назначенный въ первоначальной, Виніусу данной Грамотѣ десятилѣтній срокъ на владѣніе Городищенскими заводами кончился. (Сказано было въ Грамотѣ чтобъ считать годы со времени дѣйствія заводовъ, и полагали, что первая Городищенская домна начала дѣйствовать съ 1637 года; но Акема и Марселіусъ увѣряли,

---

[1]) Моск. Стб. № 200 л. 277—279.

что она пущена въ надлежащій ходъ не прежде 1640 года.—Я нашелъ въ старыхъ дѣлахъ, что Виніусъ уже въ 1636 году „объявилъ Государю перваго своего дѣла желѣза прутоваго $100^3/_4$ пудовъ, да дощатаго $43^1/_2$ пуда и получилъ за сіе количество деньги по уговорной цѣнѣ". Можетъ быть, желѣзо сіе, за недостройкою домны, изготовлено было въ горну по прежнему способу. Гам. Опис. Тул. Ор. Зав. въ ссылкѣ с. 15) и Государь (1 декабря) указалъ оные заводы у Виніуса, Акемы и Марселіуса отнять и вѣдать ихъ вмѣстѣ съ Соломенскою волостію боярину и Оружейничему Григорью Гавриловичу Пушкину.

Лишившись такимъ образомъ Городищенскихъ заводовъ, Акема и Марселіусъ немедленно начали строить на рѣкѣ Вагѣ (въ Вологодской губерніи) чугунно-плавильный заводъ, въ которомъ и Виніусу дали участокъ. Заводъ сей началъ дѣйствовать 6 октября 1648 года. На ономъ отливались однѣ только пушечныя ядра [1]).

1646 г.

Широкая привилегія сильно поссорила новыхъ товарищей съ основателемъ заводовъ, съ которымъ у нихъ и безъ того завязались нелады. Иноземцы подмѣтили, что Виніусъ „преданъ болѣе Русскимъ, нежели Нѣмцамъ"; онъ представилъ (1646 г.) свои соображенія объ укрѣпленіи Архангельска, чтобъ не могли вторгнуться въ него враги, и иностранные корабли тайно проходятъ по Двинѣ, совѣтывалъ возвысить пошлины съ иноземныхъ товаровъ и задумалъ даже принять православіе. Его уклоненія на сторону русскихъ интересовъ и въ особенности намѣреніе перемѣнить вѣроисповѣданіе крайне не нравилось Марселису. За желаніе Виніуса перекреститься Марселису всего удобнѣе было ронять его въ глазахъ единовѣрцевъ и тѣмъ среди нихъ подорвать всякій кредитъ. Пока былъ живъ Михаилъ Ѳедоровичъ и находился въ Москвѣ привезенный Марселисомъ королевичъ Вальдемаръ, Виніусъ молчалъ; при Алексѣѣ Михайловичѣ обстоятельства первоначально сложились болѣе въ его пользу, отъ него принимали совѣты такія лица, какъ Морозовъ, Чистой и др. Поднять судебный процессъ теперь ему казалось своевременнымъ, и онъ изложилъ Марселисовы вины въ особомъ „письмѣ", назначенномъ къ подачѣ правительству.

Марселисъ и Акема, передавалось въ запискѣ, били челомъ государю Михаилу Ѳедоровичу о привилегіи на стройку новыхъ заводовъ безъ вѣдома его, Виніуса, и устранили его отъ своего товарищества подъ предлогомъ, что „онъ мало мочень и что онъ-де самъ

---

[1]) Гам. О. Т. О. З. с. 15.

не хочетъ быть съ ними въ товарищахъ при заведеніи новыхъ заводовъ". Спрошенный о томъ въ приказѣ Большой казны, онъ, Виніусъ, отвѣтилъ, что хочетъ отстоять свою прежнюю грамоту, но еще строить зоводовъ онъ не можетъ. Говорить такъ его вынуждали различныя притѣсненія Марселиса и обѣщанія, что новые заводы они будутъ имѣть на общихъ паяхъ, и что Марселисъ будетъ все увеличивать количество заводовъ, но они всѣ, какъ новые, такъ и старые, постоянно будутъ общіе. Условіе было внесено въ запись между ними. Они обязывались также безъ укрывательства учить Русскихъ людей мастерству. Между тѣмъ Марселисъ и Акема новыхъ заводовъ не строятъ, Виніуса во всемъ тѣснятъ; равно, умышленно скрываютъ и мастерство отъ Русскихъ людей. Пусть будетъ опрошенъ, по своей вѣрѣ, плавильный мастеръ Христіанъ Вильде, который, несомнѣнно, признается, что его они приговорили мастерству плавильнаго дѣла научать однихъ Нѣмцевъ, а не Русскихъ, и потому онъ, по повелѣнію Марселиса, и взялъ къ себѣ для обученія этого мастерства Марселисова человѣка Якова.

Свою записку Виніусъ какъ-то обронилъ, бывши у Акемы, которому она и попала въ руки. Больше прежняго стали теперь нападать на ея автора компаніоны, и въ глаза и заочно, такъ что Виніусъ обратился къ Государю съ челобитной, въ которой, изложивъ обстоятельства дѣла, просилъ, чтобы записка у нихъ была взята и чтобъ они предъ судомъ показали, на какомъ основаніи они всюду „лаютъ" его: тогда на судѣ обнаружится неправда, и онъ больше не будетъ отъ нихъ въ огласкѣ и позорѣ [1]).

1646 г.

По свидѣтельству одного современника (голландскаго гостя Андрея Виніуса) „многажды бывало, что корабельщики чрезъ городъ стрѣляли и всякое дурно съ нихъ бывало, а унять ихъ воевода не смѣлъ [2]).

1646 г.

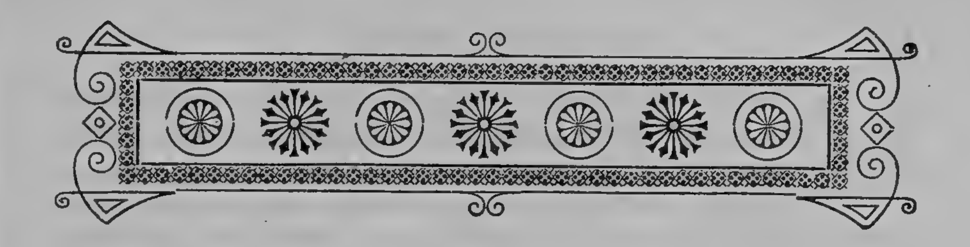
М. Гл. Архивъ М. И. Д., Голландскія дѣла 1646 г. іюня 8: „Дѣло по челобитьямъ голландскаго гостя Андрея Виніуса съ иноземцами Петромъ Марселисомъ съ товарищи въ ссорѣ и брани между собой [3])".

Е. Вильчинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Цвѣтаевъ, Прот. и прот. въ Рос., ст. 397.
[2]) Веселаго, Оч. Рус. Морск. Ист. т. I, ст. 65.
[3]) Цвѣтаевъ, Прот. и прот. въ Рос., ст. 394.

Изъ недавняго прошлаго.

(Бытовые очерки).

Домъ дяди [1]).

Впрочемъ, мы не безвыѣздно жили въ деревнѣ. Почти каждую зиму мы мѣсяца на два покидали свою красивую родину и уѣзжали въ Петербургъ, гдѣ ждалъ насъ радушный пріемъ въ гостепріимномъ домѣ дяди.

Какъ памятенъ мнѣ этотъ переѣздъ въ городъ, совершавшійся обыкновенно къ концу зимы, въ самое морозное и вьюжное время. Насъ снаряжали во все теплое, что имѣлось подъ рукою: шубу, валенки, платки, рукавицы, и закрывали медвѣжьей полостью. Низенькія саночки были запряжены гусемъ; кучеръ Матвѣй завязывалъ уши платкомъ, чтобы не отморозить ихъ, и бралъ въ руки длинный кнутъ, которымъ могъ достать переднюю лошадь и который тащился по снѣгу далеко за санями. Ну, милыя! кричалъ онъ, и поѣздъ трогался. Дорога въ это время года очень узка, по обѣ стороны сугробы снѣга. Бѣда встрѣтиться съ обозомъ! Приходится сворачивать въ рыхлый снѣгъ; лошади погружаются по шею, бьются, постромки путаются, санки часто опрокидываются, чемоданы, одѣяла, подушки, все летитъ въ сугробъ! Обыкновенно мы сами заблаговременно вылѣзали и, цѣпляясь за оглобли и возы чужихъ повозокъ, пробирались пѣшкомъ впередъ, предоставляя кучеру и возчикамъ распутываться и вытаскивать лошадей изъ рыхлой пропасти. Но вотъ вылѣзли несчастныя, запыхались, вспотѣли, устали больше,

---

[1]) См. „Русская Старина“ августъ 1910 г.

чѣмъ отъ пятиверстнаго бѣга; усѣлись мы, укрылись отсырѣвшими, заиндевѣвшими одѣялами, тронулись—вдали звенитъ колокольчикъ, навстрѣчу ѣдетъ кибитка, начинай все сначала...

На этотъ разъ Матвѣй не хочетъ уступать дорогу. Пусть тотъ лѣзетъ въ снѣгъ, говоритъ онъ, мои лошади притомились. Кибитка останавливается; кучера спорятъ и бранятся, никто не хочетъ уступить, утверждая, что его лошади устали. Наконецъ, рѣшаются осторожно, однимъ бокомъ проѣхать мимо другого.

Кучера вылѣзаютъ, берутъ подъ уздцы ту лошадь, которая въ уносѣ, и проводятъ ее мимо чужихъ саней. Лошади сердятся, визжатъ, стараются укусить другъ друга. Вотъ тронулись сани, одна сторона на краю дороги, другая въ мягкомъ снѣгу; санки скривились на бокъ, либо задѣваютъ другъ за дружку, либо не выдерживаютъ равновѣсіе и опрокидываются въ глубокій снѣгъ со всѣмъ своимъ живымъ содержаніемъ. Вылѣзешь, стряхнешься; валенки полны снѣга, шуба намокла, за воротникомъ сидитъ цѣлый комъ и, медленно тая, сочится холодной струей. Холодно, тяжело, утомительно. Сядешь, съежишься, чтобы не ощущать прикосновенія мокраго воротника. Еще хорошо, если погода тихая, стужа не слишкомъ велика. Но когда вѣтеръ гуляетъ по чистому полю и нагоняетъ тебѣ въ лицо, въ рукава, въ прорѣхи полости снѣжную пыль, тогда прямо застываешь, коченѣешь отъ стужи. Лошади бѣгутъ, санки „ухаютъ“ по ухабамъ, ударяя въ спину. Голова нестерпимо болитъ при каждомъ толчкѣ. Наконецъ достигаешь города. Тамъ пересадка. Свои лошади оттуда отправляются обратно, а мы заказываемъ себѣ ямщицкую тройку и, пока запрягаютъ, сидимъ въ жарко истопленномъ почтовомъ дворѣ, гдѣ черезъ стеклянную дверь выглядываютъ три—четыре любопытныя головки дѣтей содержателя станціи. Намъ предлагаютъ самоваръ и баранковъ; другой провизіи нѣтъ; ее мы вынимаемъ изъ своего чемодана: курица, пирожки, котлеты, все застыло. Самоваръ приноситъ взрослая дочь; она васъ разглядываетъ наивно и начинаетъ допросъ: вы откуда? въ Питеръ? что у васъ тамъ родные есть? на долго? Она подходитъ къ вамъ и беретъ васъ за подолъ вашего платья. Шерстяное? сколько платили за аршинъ? И обшивка шелковая? Косынка какая нарядная, небось дорого заплатили? Она усаживается на краюшекъ стула, или упирается на косякъ двери и продолжаетъ безцеремонный осмотръ вашей особы. Если головная боль пронимаетъ совсѣмъ нестерпимо, то приляжешь на грязный диванъ и дремлешь, пока не придутъ сказать, что лошади поданы.

Кибитка просторная, крытая и по большой дорогѣ ѣхать удобнѣе, чѣмъ по проселку. Колокольчикъ громко звенитъ и каждый

его ударъ болѣзненно отзывается на больную голову. Вотъ потянулись версты, одна за другою; переѣзжаемъ по льду черезъ большое озеро. Совсѣмъ возлѣ дороги въ маленькихъ прорубяхъ, мальчишки совочками вылавливаютъ мелкую рыбу, столпившуюся подышать около отверстія. Или рыбаки пробиваютъ ледъ, устанавливаютъ сѣти и тянутъ ихъ; въ петляхъ мелькаютъ серебристыя чешуйки и красныя перья окуней, лещей, щукъ и др. Все это было бы чрезвычайно интересно, если бы не болѣла такъ нестерпимо голова, если бъ не ныли окоченѣвшія руки и ноги, если бы вьюга не засыпала бы лицо мелкимъ, колючимъ снѣгомъ. А теперь на все смотришь, какъ сквозь сонъ, и только томительно ждешь станціи, до которой еще 35 верстъ. Уже ночь, когда издали замелькаютъ станціонные огни. Лошади останавливаются предъ постоялымъ дворомъ. Содержатель его, Осипъ Васильевъ, самъ слуга и хозяинъ, выбѣгаетъ намъ навстрѣчу, вытаскиваетъ насъ, полусонныхъ, окоченѣлыхъ и тащитъ въ „чистую комнату", гдѣ стоитъ одна неопрятная кровать, столъ съ клѣтчатой скатертью и три стула. Намъ подаютъ опять чаю и баранковъ. Послѣ осмотра кровати, всѣ отказываются ею пользоваться, намъ приносятъ сѣна, накрываютъ нашими еще сырыми одѣялами, и мы кидаемся на наше душистое и колючее ложе, чтобы немного отдохнуть. Въ четыре часа насъ будятъ; поѣздъ идетъ въ 5 часовъ.

О, какъ не хочется вставать! всѣ косточки болятъ отъ вчерашняго переѣзда, а тутъ иди опять по морозу до вокзала. Осипъ тащитъ нашъ багажъ; беремъ билеты и спѣшимъ влѣзть въ вагоны; но еще не окончены наши мытарства; найти мѣста не такъ легко: всѣ ночью разлеглись, иные крѣпко спятъ, другіе притворяются спящими, чтобы ихъ не заставили уступить мѣсто. Кондукторъ толкаетъ, будитъ, проситъ, бранится. Наконецъ, кое-какъ размѣстились и мы ѣдемъ, ѣдемъ двѣнадцать часовъ. Зато съ какою радостью привѣтствуемъ мы появленіе загородныхъ построекъ и наконецъ послѣднюю остановку!

Дядя мой жилъ въ собственномъ домѣ своемъ, на Фонтанкѣ.

Въѣзжали черезъ огромныя ворота на широкій дворъ. Тамъ рядомъ было три подъѣзда. Боковые вели въ квартиры двухъ тетушекъ, средній открывался на роскошную переднюю, откуда двѣ широкія каменныя лѣстницы шли въ нарядный бель-этажъ. Дядя самъ занималъ его весь. Нижній этажъ состоялъ изъ двухъ квартиръ его сестеръ, во флигелѣ жила вдова-невѣстка. Мы останавливались внизу, у тети Кати, мампной родной сестры, которая радушно предоставляла намъ свой салонъ. Обѣдать же весь домъ собирался на верхъ, въ большую столовую. Рядомъ съ этой сто-

ловой была большая бильярдная, гдѣ дядя ежедневно послѣ обѣда игралъ въ бильярдъ три партіи; съ другой стороны столовой былъ огромный залъ съ бѣлыми подъ мраморъ стѣнами, съ голубой шелковой мебелью и портьерами и съ хорошенькими рельефными мальчиками по угламъ потолка. Но тамъ сидѣли только изрѣдка, когда былъ большой пріемъ. Обыкновенно, пройдя еще двѣ гостиныя, общество располагалось въ двухъ уютныхъ кабинетахъ, гдѣ стоялъ любимый диванъ дяди, въ углу котораго онъ постоянно сидѣлъ большую часть дня; тамъ же былъ каминъ, который дядя любилъ самъ растапливать, часто приговаривая, что, вѣрно, кто-нибудь изъ его предковъ былъ истопникомъ, потому что это занятіе доставляло ему такое удовольствіе.

Дядя мой былъ красивый старичекъ, съ совершенно бѣлыми волосами, черными бровями и черными глазами. Его тонкія черты носили печать доброты и ясности духа. Его руки были необыкновенно нѣжны и бѣлы. Одѣвался онъ дома въ черный бархатный сюртучекъ, бѣлый жилетъ и военныя брюки. Мундиръ свой онъ носилъ только, когда выѣзжалъ изъ дому. Этотъ мундиръ былъ покрытъ множествомъ орденовъ, которые на насъ дѣлали большое впечатлѣніе; никогда мнѣ не удавалось запомнить имена этихъ крестиковъ и звѣздъ на лентахъ черезъ плечо, на шеѣ и въ петлицѣ. Хотя дядя самъ былъ очень мало честолюбивъ, но никакъ не могъ примириться съ нашимъ невѣжествомъ относительно орденовъ и, когда мы въ десятый разъ спрашивали у него названіе какой-нибудь звѣзды, съ досадой отвѣчалъ: св. Меѳодія.

Онъ былъ добръ и кротокъ и рѣдко сердился. Но мы боялись его и почти никогда не рѣшались заговаривать съ нимъ. Этотъ ни на чемъ не основанный страхъ происходилъ отъ того благоговѣнія, которымъ окружали его сестры. Онѣ всѣ были гораздо моложе его и привыкли смотрѣть на него, какъ на патріарха семьи, даже говорили ему „Вы“ и называли его: „Николай Васильевичъ“. Онъ былъ человѣкъ очень строгихъ нравовъ и неподкупной прямоты. Живя при дворѣ, онъ никогда не покривилъ душой, никогда не скрасилъ неправды, не похвалилъ дурное, хотя бы сдѣланное высокопоставленнымъ лицомъ, никогда ни на кого не клеветалъ, и не принималъ участія ни въ какой интригѣ. Всѣ его уважали, не всѣ любили, и многіе опасались и стѣснялись его, особенно тѣ, у которыхъ было „рыльце въ пуху“.

Помню я, однажды, онъ былъ особенно въ ударѣ и разсказывалъ намъ разныя происшествія изъ своей молодости. Вдругъ одна молодая, шаловливая дама сказала: — Дядюшка, разскажите намъ какое-нибудь свое похожденіе. Были ли вы когда-нибудь пьяны?

Неодобрительный ропотъ раздался со стороны тетушекъ. Дядю покоробило, но онъ скоро успокоился и сказалъ:

— Хорошо, я разскажу вамъ всю правду. Это было во время первой турецкой войны. Я долженъ былъ наблюдать за земляными работами; цѣлый день я простоялъ на палящемъ солнцѣ; я не смѣлъ отлучиться никуда, не ѣлъ и не пилъ до заката солнца. По окончаніи работъ, на обратномъ пути въ лагерь, меня зазвали товарищи въ свою палатку и предложили мнѣ вина. Не подумавъ, что я отощалъ за цѣлый день, я выпилъ сразу двѣ или три рюмки и тотчасъ почувствовалъ, что голова моя кружится. Мнѣ стало ужасно стыдно; я боялся, что товарищи замѣтятъ, что я пьянъ; я скорѣй простился и поспѣшилъ въ свою палатку. Тамъ я подъ какимъ-то предлогомъ отослалъ своего денщика, боясь, чтобы онъ не замѣтилъ, что я нетвердъ на ногахъ, съ нѣкоторымъ трудомъ самъ раздѣлся и скорѣе улегся. Вотъ это былъ первый и послѣдній разъ въ жизни, что я былъ пьянъ.

Всѣ пристыженно молчали. Не того ожидала смѣшливая молодежь. Можетъ быть, невольно племянники сравнили дядину молодость со своей и застыдились, хотя бы на минуту. Эту прямоту, искренность и душевную чистоту цѣнилъ въ дядѣ Императоръ Николай I, самъ рыцарь въ душѣ, любившій правдивость въ окружающихъ. Онъ назначилъ дядю воспитателемъ къ своимъ тремъ старшимъ внукамъ. Нельзя было найти лучшаго руководителя для молодыхъ великихъ князей. Высокое сознаніе долга и горячая любовь къ родинѣ стараго наставника отозвалась особенно на Великомъ Князѣ Александрѣ, будущемъ Императорѣ Александрѣ III. Онъ на всю жизнь привязался къ благородному старику и впослѣдствіи охотно дѣлился съ нимъ заботами и мыслями своими.

Не было въ дядѣ ни лести, ни заискиванія, но не могло быть болѣе горячей, искренней преданности своему Монарху и его семьѣ. Онъ, будучи уже маститымъ старцемъ, ѣздилъ иногда во дворецъ въ церковь и оставался тамъ завтракать, при чемъ любовался царскими дѣтьми, шутилъ съ ними и дома любилъ повторять ихъ слова; въ его спальнѣ, въ рамкѣ, висѣли бумажныя фигурки, которыя вырѣзали и наклеили для него маленькіе Великіе Князья Николай и Георгій. Подъ его немного строгой военной выправкой и нѣсколько сухомъ, формальномъ обращеніи скрывалось самое гуманное сердце, отзывчивое на всякое добро. Богатствомъ своимъ онъ пользовался, какъ истинный христіанинъ—на благо ближнихъ, много помогалъ бѣднымъ родственникамъ, много воспитывалъ по разнымъ заведеніямъ сиротъ, много поддерживалъ бѣдняковъ. Много и злоупотребляли его простотой и щедростью и вымогали у него

пособія совершенно не нуждающіеся въ помощи люди. Жилъ онъ хотя богато, но не роскошно и далеко не все тратилъ, что получалъ. Онъ держалъ двѣ пары чудныхъ лошадей и при нихъ трехъ кучеровъ. Въ домѣ была масса прислуги: два повара съ кухоннымъ мужикомъ и пять или шесть лакеевъ, между которыми были распредѣлены домашнія работы. Одинъ былъ ламповщикомъ, другой буфетчикомъ, третій выѣзднымъ, четвертый камердинеромъ, пятый цирульникомъ и т. д. Всѣ живущіе у него въ домѣ родственники собирались къ пяти часамъ за общій обѣдъ. Но и всѣ остальные родственники и пріятели могли являться къ обѣду безъ приглашенія. Обѣдъ состоялъ изъ пяти блюдъ. Бутылка краснаго и бутылка бѣлаго вина обносилась вокругъ стола. Но при обиліи всего, никогда не допускалось за дядинымъ столомъ излишества или шикарства особенно дорогими и рѣдкими яствами и питіемъ. Раза два въ годъ онъ дѣлалъ особенно изысканный обѣдъ для членовъ одного комитета, предсѣдателемъ котораго онъ состоялъ. Къ этому дню готовились особенно тщательно; тетя Катя, ведшая его хозяйство послѣ смерти его жены, подолгу совѣщалась съ нимъ. (Обыкновенно онъ не вмѣшивался въ ея распоряженія). Покупалась живая стерлядь, и тетя ходила на кухню, чтобы убѣдиться, что она дѣйствительно живая; это былъ единственный случай, когда я видѣла, что тетушка была на кухнѣ. Потомъ выбирались какія-нибудь primeurs, т. е. рѣдкія по времени года овощи и особенно хорошее вино. Молодежь на эти обѣды не допускалась, исключая насъ, живущихъ въ домѣ.

Кромѣ этого, дѣлался парадный обѣдъ въ Николинъ день, когда вся семья отъ мала до велика собиралась чествовать именинника. Но и тутъ царствовала умѣренность и сравнительная простота. Зато въ концѣ года оставалась значительная сумма денегъ, которая откладывалась въ пользу какого-нибудь любимаго назначенія. Помню я, какъ любилъ старикъ заниматься распредѣленіемъ своихъ доходовъ. Утромъ, бывало, тетя Катя поднималась съ нами въ третій этажъ, въ его частныя комнаты. Онъ принималъ насъ въ халатѣ; тетушка собственноручно варила ему кофе на спиртовой лампочкѣ; ему подавали къ нему нѣсколько ломтиковъ булки и крошечный кусочекъ масла. Этого ему было довольно до самаго обѣда.

Позавтракавши, звали Михайлу, цирульника, особеннаго довѣреннаго дяди. Онъ снималъ со стѣны карту, подъ которой скрывалось отверстіе замка въ несгораемый стѣнной шкапъ. Оттуда вынимали кипу разныхъ бумагъ, тетушка брала ножницы и отрѣзала купоны, а дядя ходилъ по комнатѣ и, весело улыбаясь, разсказывалъ, сколько онъ отложилъ въ прошедшій годъ, сколько

надѣется отложить въ нынѣшній и на что назначаетъ свои сбереженія. Ни сестры, ни племянники не были забыты. Но кромѣ того оставалась значительная сумма, назначенная на благотворительныя дѣла. Эта сумма росла съ каждымъ годомъ, и по мѣрѣ того дядя измѣнялъ свое духовное завѣщаніе.

Въ двѣ церкви, при двухъ имѣніяхъ, назначался капиталъ, процентами котораго должны были пользоваться священники этихъ особенно бѣдныхъ приходовъ. Огромный капиталъ былъ назначенъ для пріобрѣтенія земли, на которую предполагалось переселить крестьянъ одного изъ его имѣній въ черноземной полосѣ, взявшихъ при освобожденіи своемъ сиротскій надѣлъ и потому сильно бѣдствовавшихъ впослѣдствіи. (Сиротскимъ надѣломъ назывался минимумъ земли, взявъ который крестьяне освобождались отъ платежа выкупной ссуды. Это соблазнило крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и они отказались отъ полнаго надѣла, а потомъ имъ пришлось горько раскаяться въ этомъ).

А сколько ежедневно тратилось изъ дядиной кассы на добрыя дѣла! Тетушка имѣла право брать и раздавать кому и сколько почитала нужнымъ. Если требуемая сумма была нѣсколько значительна, то тетушка все-таки не смотрѣла на это разрѣшеніе, являлась къ дядѣ и просила его позволенія, при чемъ подробно разсказывала, куда и какъ требовалось расходовать такую-то сумму, и всегда получала тотъ же отвѣтъ: Бери, бери, Катенька, или даже: да дай ужъ побольше! И тетушка сіяла, а потомъ приходила разсказывать, какую радость доставили дядины деньги. Тихое удовольствіе разливалось при этомъ на красивомъ лицѣ кроткаго старика.

Единственною роскошью, которую онъ себѣ позволялъ, была игра въ карты. Но и при этомъ онъ не терялъ душевнаго равновѣсія. Разъ въ недѣлю, въ семь часовъ, онъ надѣвалъ мундиръ и ѣхалъ въ Англійскій клубъ. Тетушка приносила ему бумажникъ съ пятью стами рублей. Въ клубѣ встрѣчался онъ съ нѣсколькими знакомыми, тоже, какъ онъ, пожилыми и спокойными людьми; покалякавъ о томъ, о семъ, они садились за *свой* привычный столъ и мѣрно и спокойно играли установленное число *партій*. Въ двѣнадцать часовъ онъ былъ уже дома. Тетушка ждала его въ кабинетѣ и выслушивала повѣствованіе о его удачахъ или неудачахъ. Потомъ результатъ записывался въ записную книжку. И удивительно, подсчетъ многихъ лѣтъ показалъ совершенный балансъ прихода и расхода, такъ что въ концѣ его жизни онъ оказался въ выигрышѣ на 500 рублей.

Иногда за нимъ присылали изъ дворца камерлакея, и тогда его

камердинеръ, толстый, сѣдой Кондратій, торжественно объявлялъ: Государь Императоръ просятъ Васъ къ восьми часамъ играть въ карты. Мы, дѣти, съ затаеннымъ восторгомъ глядѣли тогда, какъ дядя облекался въ свой самый новый мундиръ и ѣхалъ къ Государю. Но и оттуда онъ возвращался рано. Тетушка никогда не ложилась, не дождавшись его.

Тетя Катя была высокая, худощавая старушка, съ строгимъ выраженіемъ лица, въ гладкомъ, прилегающемъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ съ длинными развѣвающимися лентами. Она держалась необыкновенно прямо, говорила медленно и внимательно. Всѣ ее боялись, не исключая и ея сестеръ, которыя очень дорожили ея мнѣніемъ. Мы, дѣти, трепетали передъ ея строгимъ взглядомъ и скучали, слушая ея длинныя нравоученія. Никто изъ насъ не догадывался, что подъ этой наружной строгостью и доктринерствомъ крылось горячее сердце, наболѣвшее одиночествомъ, неудовлетворенное жизнью и страстно тоскующее по отвѣтному чувству. Потомъ уже, гораздо позже, я узнала, что тетушка очень страдала отъ сознанія, что вся молодежь семьи ее больше боялась, чѣмъ любила. Судьба отказала ей въ семейныхъ радостяхъ, а въ душѣ ея былъ огромный запасъ любви, самоотверженія и нѣжности.

Брату своему она посвятила всю свою жизнь. Она выходила изъ дому только, когда онъ былъ занятъ чтеніемъ или когда выѣзжалъ въ клубъ. Остальное время она или занималась распоряженіями по хозяйству, сводила счеты, что особенно трудно давалось ей, или сидѣла съ работой около дяди.

И онъ любилъ ее, хотя болѣе эгоистической любовью. Онъ нуждался въ ея присутствіи, какъ дитя нуждается въ нянѣ. Гдѣ Екатерина Васильевна?—былъ первый вопросъ его, если ея хотя полчаса не было въ комнатѣ.

Такъ онъ нуждался въ ея нѣжной заботѣ, что пережилъ ее только нѣсколькими мѣсяцами. Жизнь его потеряла все содержаніе, душа его не находила своей поддержки, какъ ни старались оставшіяся сестры окружать его всевозможнымъ вниманіемъ.

Насъ, дѣтей, она любила горячо, вмѣшивалась въ наше воспитаніе, часто читала намъ строгія нравоученія и восторженно излагала намъ свои идеалы: строгое, неуклонное исполненіе долга, служеніе Богу и родинѣ и самоотверженіе.

Въ случаяхъ какихъ-нибудь нравственныхъ провинностей доставалось не только маленькимъ, но и взрослымъ. Тетушка приглашала виновнаго въ свой кабинетъ, запиралась съ нимъ и отчитывала долго и основательно.

Прямота и правдивость, характеризовавшія всю эту семью,

дошли у нея до высшей степени и были предметомъ цѣлаго ряда юмористическихъ анекдотовъ.

Однажды пріятельницы моихъ тетушекъ въ шутливой бесѣдѣ начали сравнивать людей съ разными животными, проводя параллель между свойствами тѣхъ и другихъ. Тетя Катя замѣтила, что всѣхъ людей можно раздѣлить на двѣ категоріи, собакъ и кошекъ, т. е. людей прямыхъ и вѣрныхъ своему долгу, и людей хитрыхъ и коварныхъ. Но что воспитаніе можетъ привить обратныя качества, такъ что собака, воспитанная кошкой, будетъ имѣть нѣкоторый кошачій оттѣнокъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказала одна остроумная дама, Catherine можно назвать дворовой собакой (Un chien de cour élevé par un chien de cour).

Эту неуклонную прямоту испыталъ на себѣ даже Императоръ Александръ II.

Государь имѣлъ обыкновеніе раза два—три въ зиму посѣщать бывшаго воспитателя своихъ сыновей. Обычай требовалъ, чтобы члены семьи удалялись и оставляли наединѣ посѣщаемаго съ высокимъ посѣтителемъ. Но однажды Государь такъ быстро вошелъ, что тетушка не успѣла во-время скрыться. Государь, всегда любезный и привѣтливый, просилъ ее остаться. Говорили о погодѣ, холодной и непріятной, о большомъ количествѣ больныхъ въ городѣ. Государь сказалъ, что ужъ давно чувствуетъ себя нехорошо, кашляетъ, но перемогается. Тетушка выпрямилась, какъ она всегда дѣлала, когда собиралась выразить свои чувства.

— Ваше Величество! воскликнула она. Какъ можете Вы быть такимъ неразумнымъ! Вы должны беречься; подумайте, Вы обязаны передъ Россіей заботиться о своемъ здоровьѣ. Ваши силы, Ваша жизнь принадлежатъ Вашему народу. Обѣщайте мнѣ, что Вы будете серьезно лѣчиться и сидѣть дома, пока не поправитесь.

Государь улыбнулся и обѣщалъ беречься. Съ тѣхъ поръ, когда онъ пріѣзжалъ къ дядѣ, онъ всегда просилъ позвать Екатерину Васильевну, а когда встрѣчался съ нимъ, то спрашивалъ о ея здоровьѣ „Я никогда не забуду, какъ она меня отчитала“, говаривалъ онъ, смѣясь.

Тетушка была пламенной патріоткой и намъ, дѣтямъ, проповѣдывала любовь къ родинѣ и жизнь въ пользу нашихъ братьевъ.

Она участвовала въ одномъ благотворительномъ обществѣ, давала уроки въ пріютѣ бѣдныхъ дѣтей и ѣздила на общія собранія членовъ, откуда всегда пріѣзжала крайне возбужденная; дядя ласково выслушивалъ ея длинныя, подробныя повѣствованія и шутя замѣчалъ, что Катенькинъ чепецъ всегда сидитъ на боку, когда она возвращается изъ собранія, вѣрно оно было очень бурно.

Тетушка давала въ пріютѣ уроки Закона Божія и въ пламенныхъ словахъ изливала передъ дѣтьми свою горячую любовь къ Богу и къ родинѣ, приглашая и ихъ отдаться высокому служенію. Къ сожалѣнію, она говорила языкомъ слишкомъ высокимъ и ученымъ для своихъ неразвитыхъ слушателей, которые врядъ ли оцѣнили ея возвышенныя чувства и еще менѣе усвоили себѣ ея великодушные порывы. Послѣдніе годы я стала предметомъ ея особенной любви и заботы, благодаря маленькой школѣ, которую я основала въ деревнѣ для крестьянскихъ дѣтей. Родители моихъ учениковъ вовсе не дорожили грамотностью и отпускали дѣтей очень неправильно, иныхъ даже только по воскреснымъ днямъ и то потому, что ребята сами очень рвались ко мнѣ. Неправильныя занятія, конечно, давали очень не блестящіе результаты, но все же это было начало. Теперь, черезъ тридцать лѣтъ, мои бывшіе ученики обучаютъ своихъ дѣтей сами, или нанимаютъ для нихъ учителя каждую зиму въ складчину, т. к. еще не имѣютъ въ своей деревнѣ настоящей школы.

Обстановка моей импровизованной классной была очень невыгодна: комнатка была крошечная, холодная, а подъ конецъ уроковъ становилось въ ней такъ душно и жарко, что приходилось открывать дверь и впускать немного чистаго воздуха.

Тетушка принимала самое живѣйшее участіе въ моемъ предпріятіи. Она снабжала меня книгами и учебными пособіями, шерстью и матеріей, чтобъ обучать дѣвочекъ кройкѣ, шитью и вязанью; она выпросила у дяди маленькій фисгармоніумъ, чтобъ обучать дѣтей пѣнію. Она интересовалась мельчайшими подробностями моихъ занятій, требовала подробно характеристики отдѣльныхъ дѣтей, описанія ихъ домашняго быта. Она принимала участіе въ ихъ радостяхъ и горестяхъ, въ ихъ бѣдности и въ ихъ успѣхахъ. Она вязала имъ сама косынки и шарфы, чтобы облегчить имъ хожденіе въ школу зимою. Она даже разъ дала мнѣ денегъ на покупку коровы въ бѣдную семью, лишившуюся единственной коровы.

Однажды ей пришло на мысль, что было бы очень полезно обучать дѣвочекъ стряпнѣ.

„Мужья, писала она мнѣ, часто оттого недовольны дома, что жены нехорошія хозяйки; если жена съумѣетъ устроить домъ уютно, сварить вкусно и экономно, то мужъ будетъ имѣть къ ней больше любви и уваженія“.

Напрасно увѣряла я ее, что сама не умѣю стряпать, что у меня нѣтъ въ комнатѣ плиты и что изъ того малаго времени, которое дается ребятамъ на обученіе грамотѣ, невозможно еще удѣлить часть на изученіе кулинарнаго искусства. Все было напрасно; мысль засѣла крѣпко. Я получила чугунный котелокъ, сковороду и значи-

тельное число крупъ, макаронъ и т. п. Нечего было дѣлать, надо было уступить непрактичной затѣѣ тетушки. Кое-какъ спихивали мы чугунчикъ въ печь, варили перловый супъ или манную кашу, что доставляло огромное удовольствіе моей неизбалованной публикѣ. Супъ съѣдался при веселой болтовнѣ, и получалось что-то вродѣ пикника, хотя и вовсе не достигающаго цѣли, намѣченной тетушкой. Все же она осталась мною довольна. Какъ сердечно она относилась къ моему предпріятію, покажетъ слѣдующее письмо, которое такъ характерно, что перевожу его цѣликомъ съ французскаго, (тетушка не свободно писала по-русски).

„Дорогая племянница! Вчера я ходила покупать кое-что для себя въ гостиный дворъ, сильно озябла и устала. Пришла домой, напилась чаю и легла на кровать, чтобы отдохнуть и согрѣться. Тутъ вспомнила я, какъ ты зябнешь въ своей неудобной комнаткѣ—и мнѣ стало стыдно своего эгоизма, стыдно, что мнѣ хорошо и тепло, и что я давно не озаботилась о томъ, чтобы облегчить тебѣ исполненіе твоихъ обязанностей. Я поспѣшила сегодня отправиться опять въ гостиный дворъ и запаслась тамъ разными вещами, которыя я считала полезными для тебя, и тотчасъ отправила тебѣ ящикъ. Рада буду по крайней мѣрѣ этимъ способствовать высокой цѣли, которой ты служишь. Горячо любящая тебя тетка“.

Совсѣмъ особое впечатлѣніе производилъ великій постъ въ этомъ домѣ. Дядя всегда говѣлъ на первой недѣлѣ, а съ нимъ говѣла вся семья. Два раза въ день въ домѣ была служба. Въ десять часовъ, въ убранной для этого случая столовой, собиралась вся семья; дамы были въ черныхъ платьяхъ; на всѣхъ лежалъ какой-то особенный отпечатокъ не то озабоченности, не то сосредоточенности. Въ одномъ углу ставился столикъ, замѣняющій аналой; на немъ горѣли въ высокихъ подсвѣчникахъ толстыя восковыя свѣчи; со стѣны снимался образъ снятія со Креста, писанный какимъ-то итальянскимъ маэстро.

Старикъ-священникъ приходилъ съ псаломщикомъ и шестью пѣвчими. Дядя становился въ дверяхъ зала, прислоняясь къ косячку; трудно ему было отстоять всю службу, однако онъ никогда не садился.

Насъ, дѣтей, ставили впереди. Позади собиралась вся прислуга. Тетушка молилась страстно, восторженно; мы часто наблюдали за сосредоточеннымъ выраженіемъ ея лица. Она забывала все кругомъ, она жила въ другомъ мірѣ, который ей давалъ все, въ чемъ отказывалъ ей настоящій міръ. Служба продолжалась около часу, потомъ всѣ собирались въ кабинетѣ дяди и вмѣстѣ пили чай съ миндальнымъ молокомъ или вареньемъ изъ черной смородины. Какое-то торжественное настроеніе было разлито вокругъ; даже стро-

гій камердинеръ Кондратій, котораго я очень боялась, былъ добрѣе и мягче обыкновеннаго. Дѣти молча сидѣли по угламъ и старались быть серьезными и важными, какъ большіе. Вечеромъ въ девять часовъ богослуженіе повторялось. Тетушка и мамаша говорили съ нами на религіозныя темы или читали намъ книжки духовнаго содержанія, готовя и насъ и себя самихъ къ исповѣди.

Въ субботу вечеромъ пріѣзжалъ къ дядѣ его духовникъ, придворный священникъ. Помню я жуткое чувство, которое охватывало всю душу.

Дядя просилъ у всѣхъ прощеніе, даже у насъ, маленькихъ, что̀ ужасно насъ смущало, потомъ первымъ удалялся. По его возвращеніи уходила тетушка; она оставалась особенно долго и возвращалась всегда заплаканная и необыкновенно мягкая. Мы, глядя на нихъ, дивились, что за грѣхи могли имѣть эти люди, по нашему мнѣнію не имѣвшіе никакого несовершенства. Для насъ пріѣзжалъ нашъ законоучитель. И теперь еще трепетъ охватываетъ при воспоминаніи, какъ мы по очереди входили въ завѣтную комнату.

Отецъ Дмитрій такъ торжественно говорилъ о необходимости покаянія для христіанина, объ очищеніи души, о приближеніи ея къ Богу, о стремленіи къ совершенству. Онъ приглашалъ внимательно вглядѣться въ свою внутреннюю жизнь въ свѣтѣ Божіемъ, разбиралъ всѣ недостатки по заповѣдямъ, сводя ихъ всѣхъ къ одному— недостатку любви къ Богу.

Сознаніе своего недостоинства, глубокая печаль о своихъ грѣхахъ и жажда обновленія охватывала душу. Потомъ онъ давалъ высказаться, выслушивалъ дѣтскія признанія: невниманіе къ молитвѣ, ссора съ братьями, недостатокъ почтенія къ матери, неправда, сказанная когда-то, все припоминалось, все онъ терпѣливо выслушивалъ, давалъ совѣты, какъ исправиться. Потомъ читалъ разрѣшительную молитву и отпускалъ. Боже, какъ легко было, выходя отъ него, точно тяжелое бремя сняли съ плечъ! Весь этотъ вечеръ и большіе и малые сидѣли молча, или читали про себя какую-нибудь духовную книгу. Какъ-то страшно было сказать или подумать что-либо, могущее нарушить душевную чистоту, съ которой завтра хотѣлось предстать передъ чашей Господней. Даже братецъ Вася, черноглазый шалунъ, сидѣлъ молча и не дерзалъ играть.

На слѣдующее утро всѣ вставали рано; тетушка одѣвалась въ бѣлое платье и была особенно торжественна. Подавали двѣ кареты. Въ одной ѣхалъ дядя съ тетушкой, въ другую садились мы и тетя Вѣра съ своей дочерью. Маленькаго братца, который еще не исповѣдывался, привозили къ Херувимской, чтобъ онъ не утомился. Пріоб-

щались всегда въ церкви Пажескаго корпуса. Этотъ день всѣ были въ какомъ-то приподнятомъ настроенiи, дѣти не ссорились, не шумѣли, и тихая радость была написана на всѣхъ лицахъ.

Тетушка постилась весь постъ, но дядѣ не позволяла этого. Первую, четвертую и послѣднюю недѣлю постились всѣ, и дядя и дѣти. При этомъ не допускалось того извращенiя, которое встрѣчается въ нѣкоторыхъ богатыхъ семействахъ, гдѣ постъ обращается въ своего рода лакомство и по случаю поста выдумываются особенно изысканныя кушанья.

На страстной до четверга опять бывали богослуженiя въ домѣ; въ четвергъ вечеромъ читались двѣнадцать Евангелiй дома, чтобы не утомлять дядю долгимъ стоянiемъ въ церкви. Мы очень любили это чтенiе, для котораго намъ раздавали толстыя восковыя свѣчи. Особенно же интересовала насъ вербная всенощная, на которой мы получали вербы съ высокими, краснощекими херувимчиками, которые, равно какъ и свѣчи, мы долго потомъ сохраняли.

Съ пятницы начинали ѣздить въ церковь. Плащаницу всегда выносили четыре старые генерала, между ними и дядя, всѣ бывшiе директора Пажескаго корпуса. Горячее религiозное чувство тетушки дѣйствовало увлекательно на всѣхъ. Она молилась съ страстнымъ восторгомъ, со слезами, совершенно отрываясь отъ всего окружающаго; къ выносу Плащаницы она привозила живыхъ цвѣтовъ и стклянку съ душистымъ масломъ, которое она выливала на ноги Распятаго и походила на одну изъ мироносицъ, стоявшихъ у гроба Спасителя.

Въ субботу мы красили яйца. Тети Катя и Вѣра покупали у своей модистки шелковыхъ тряпочекъ, которыя расщипывали на корпiю, завертывали въ нее яйца и тогда варили ихъ; получались очень пестрые и разнообразные оттѣнки. Красили и чернилами, и луковыми „перьями“, т. е. очистками. Такихъ разнообразныхъ красокъ для крашенiя яицъ, какiя имѣемъ мы теперь, тогда не знали.

Всѣ принимали участiе въ крашенiи яицъ, исключая дяди, который, заложивъ руки въ карманы, улыбаясь, наблюдалъ за забавой молодежи. Дядя любилъ, когда около него было людно и весело; когда молодежь хохотала и шутила, онъ нерѣдко тоже смѣялся и любилъ приговаривать: comme c'est drôle quand on a dix huit ans. (Какъ смѣшно, когда восемнадцать лѣтъ).

Послѣ обѣда всѣ ложились отдыхать, чтобы бодрѣе отстоять заутреню. Въ 11 часовъ, всѣ въ бѣлыхъ платьяхъ, дѣти, трепещущiя отъ волненiя, собирались въ залу. Дядя, какъ генералъ-адъютантъ, долженъ былъ встрѣчать Пасху во дворцѣ; насъ же въ двухъ каретахъ везли въ Пажескiй корпусъ. Ничто не можетъ

сравниться съ ощущеніемъ, съ которымъ входили мы въ церковь въ эту ночь, съ которымъ наблюдали за всѣмъ, что дѣлалось: какъ уносили Плащаницу, одѣвали свѣтлые покровы, зажигали люстры; какъ духовенство собиралось съ крестами и хоругвями, за ними пѣвчіе, пажи и всѣ присутствующіе съ горящими свѣчами. Насъ не пускали за крестнымъ ходомъ, боясь сквозняковъ, и какъ же мы рвались за нимъ, съ какимъ біеніемъ сердца прислушивались къ удаляющемуся пѣнію. Тихо, грустно, какъ плачъ мироносицъ, звучали мотивы молитвъ; шествіе трогалось изъ церкви по огромнымъ заламъ и корридорамъ Корпуса; двери затворялись; вдали замирали послѣдніе звуки; но вотъ они опять заслышались, и все ближе, ближе. Жутко, томительно ждать! И вдругъ громко, радостно, у самой двери раздается: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!“ и откликается во всѣхъ сердцахъ и повторяется все громче и громче. Дверь распахивается и по церкви разливается ликующій плачъ и много разъ повторяется; радостно откликаются на него сердца всѣхъ присутствующихъ.

Настаетъ перерывъ. Священникъ христосуется съ прихожанами, родные и знакомые между собою. Тетя Катя особенно нѣжно, почти восторженно цѣлуетъ насъ.

Ѣдемъ домой. Въ столовой накрытъ столъ, на которомъ стоятъ ветчина, телятина, пасха, яица и много разныхъ холодныхъ кушаній. Подаютъ чай, и всѣ разговляются, весело и шумно болтая въ ожиданіи хозяина дома, который опаздываетъ, такъ какъ долженъ поздравить Государя и разговѣться за его столомъ. Около трехъ часовъ пріѣзжаетъ и онъ, веселый и усталый, христосуется со всѣми и прямо уходитъ спать. Идемъ и мы, но долго, долго не спится, все чудится радостное „Христосъ воскресе“, и видятся сотни горящихъ свѣчей.

На другой день тетя Катя дарила насъ шеколадными и фарфоровыми яичками. Цѣлое утро приходили родные и знакомые поздравлять дядю и тетю.

Цѣлый сонмъ бѣдняковъ атаковалъ прихожую со своими поздравленіями и выпрашиваніями; иные приносили въ подарокъ какую-нибудь дрянную вышивку, кружева или письмо на цвѣтной бумагѣ, писанное вычурнымъ языкомъ, въ надеждѣ тронуть сердце тетушки и вырвать отъ нея лишнюю подачку.

У подъѣзда и у воротъ стояли двѣ—три старушки въ старомодныхъ салопахъ, съ потертымъ сакъ-вояжемъ въ рукѣ, и ждали, не выѣдетъ ли генералъ на прогулку, чтобъ при выходѣ выпросить у него рублика три—четыре.

Тетя Катя проводила все утро въ чтеніи писемъ и прошеній

этихъ бѣдныхъ и въ распредѣленіи суммъ, назначенныхъ на удовлетвореніе ихъ нуждъ. Это было очень несимпатичное занятіе. Никто не умѣлъ отличать настоящей нужды отъ назойливости и обмана разныхъ бездѣльниковъ и дармоѣдовъ; давалось много, но безъ довѣрія и безъ дѣйствительнаго участія. Иногда посылали дворецкаго ревизовать, правда ли нуждается просящій, но и это не ко многому вело. Бывали даже очень непріятныя объясненія съ бѣдными, приходилось выслушивать порядочныя дерзости.

Веселѣе было тетушкѣ надѣлять учениковъ и ученицъ своего пріюта, которыхъ она знала лично и въ нужды которыхъ входила со всей теплотой своего великодушнаго сердца. Надзирательница пріюта приводила дѣтей къ тетушкѣ на поздравленія и сама тоже получала очень сердечный пріемъ.

Съ новыми вѣяніями мои милые старики пробовали считаться, но это плохо удавалось имъ. Реалистическое направленіе не вязалось съ тѣми идеалами, въ которыхъ ихъ воспитали и которыми питалась душа ихъ. Имъ не пришлось сталкиваться съ дѣйствительной жизнью, какъ, напримѣръ, пришлось моей матери; они остались при томъ рыцарски-сантиментальномъ духѣ, въ которомъ выросли. Новые писатели, Достоевскій и Левъ Толстой, были имъ непонятны и приводили ихъ въ ужасъ. Ихъ нельзя было и касаться. Но, несмотря на нѣкоторую узкость ихъ, столько было искренности, тепла и дѣйствительнаго рыцарства въ ихъ міросозерцаніи, что какъ-то и не хотѣлось разрушать его болѣе реальными образами.

Въ семидесятыхъ годахъ въ Петербургѣ появился молодой философъ Владиміръ Соловьевъ. Онъ читалъ публичныя лекціи о Богочеловѣчествѣ. Молодежь толпами сходилась его слушать. Въ первый разъ съ каѳедры раздавалась защита Слову крестному, вопреки общему направленію невѣрія. Чтенія эти вызывали бурные споры и пренія. Очень заинтересовались ими и дядюшка и тетушка, и рѣшили ѣздить на эти чтенія. Странный контрастъ представляли между пестрой передовой молодежью, длинноволосыми студентами безъ крахмальнаго бѣлья и курсистками съ короткими волосами и синими очками (въ которыхъ тогда полагался особенный отпечатокъ учености),—эти два почтенные старика—бѣлый, какъ лунь, генералъ и строгая, чопорная старушка въ бѣломъ чепцѣ и шелковой пелеринѣ. Внимательно, напряженно слушали они, что говорилъ молодой ученый о Христѣ, Котораго такъ горячо любили они. Но скоро убѣдились они, что не по силамъ имъ слѣдовать за мыслью оратора.

— Знаешь, Катенька, сказалъ дядя:—останемся мы дома. Не для

насъ онъ читаетъ. Пусть молодежь старается, ищетъ Бога путемъ умозрѣнія. Намъ доказательствъ не надо. Мы и такъ вѣримъ и нашей вѣры никто у насъ не отниметъ.

Дорогіе старики! ихъ давно уже нѣтъ на этомъ свѣтѣ. Не дожили они до бурнаго настоящаго, съ его ломкой прошлыхъ понятій, съ его неустановившимся будущимъ.

Новыя настали вѣянія; новое поколѣніе спѣшитъ къ новымъ цѣлямъ, отрицая „то, что было". И благо имъ, что они не видятъ этого; они не могли бы перенести...

Но неужели же высокія понятія о чести, о родинѣ, о чувствѣ долга, воодушевлявшія ихъ, были только фикціи старомодныхъ романтиковъ отживающаго поколѣнія? Нѣтъ, твердо вѣримъ, что мѣняется только форма. Суть же, содержаніе остаются незыблемы; истинны идеалы, которымъ они служили, и въ новомъ поколѣніи найдутся благородныя души, которыя будутъ продолжать ихъ дѣло.

Какой науки вы преимущество предъ всѣми прочими даете?

У сына сидя, окруженъ ученостью, со стыдомъ на свое незнаніе смотрю; вспомнилъ онъ мнѣ нынче о Пиѳагорѣ, который мимоходомъ сказать по моему мненію отмѣнный человѣкъ и не могу согласится чтобы приписуемое ему мнѣніе толь безразсудное, о переходѣ нашихъ душъ, было точно такъ имъ преподаваемо какъ оное сказываютъ: человѣкъ, который толь истинное понятіе имѣлъ о Богѣ, человѣкъ который толь почитаемъ былъ своими современниками, своими учениками, человѣкъ такой не можетъ имѣть, говорю я, толь смеха достойнаго мненія какъ сказываютъ, мненія о толь важномъ предмѣтѣ какъ наша душа: но оставимъ сіе и посмотримъ, что Пиѳагоръ требовалъ отъ желающихъ быть его учениками? пятилѣтнее молчаніе; тяжкая сія петимья дѣлаетъ честь терпенію людей того времяни, которую оные выдерживали но и служитъ также доказательствомъ что познаніи которые Пиѳагоръ потомъ многочисленнымъ своимъ ученикамъ сообщалъ, были достойны толь строгаго искуса. Вижу что тѣ которые меня слушаютъ дивятся какое отношеніе имѣетъ то, что я сказалъ съ отвѣтомъ который я долженъ дать на заданный вопросъ. Всякой, надѣюсь со мною согласенъ, что знаніи добрую душу украшаютъ, дѣлаютъ ее способнейшую образовать въ добрѣ себѣ подобныхъ, злой же душѣ науки даютъ острыи ножи искоренять въ своемъ и другихъ сердцахъ последніи остатки добра. Все не отвѣтъ на вопросъ! вотъ онъ, наука по моему мнѣнію первейшая, единая достойная главнейшаго вниманія человѣка есть наука познанія самого себя, она единственно

насъ увѣряетъ въ неисчисленныхъ нашихъ недостаткахъ, она намъ подаетъ познанїе о милосердїи Творца нашего, по собственному опыту узнаемъ въ какой тесной связи мы находимся съ непостижимымъ симъ существомъ и сїе только можетъ насъ щастливыми здѣлать; наука сїя, скажутъ мнѣ, ни на какой каѳедрѣ не преподается, и следственно въ число наукъ не можетъ быть помѣщена, чтоже назову я Теологїю какъ главнейшую науку? ой, ой, вздохнувъ изъ глубины сердца вопїю: Спаситель нашъ Iисусе Христе, единый настоящїй учитель буди намъ милостивъ! а паче тѣмъ, которые хотятъ возбудить въ сердцахъ собратїевъ своихъ настоящую къ тебѣ любовъ, дать ли преимущество Философїи? нѣтъ, какъ она преподается то она служитъ часто искоренїю имяни которое она себѣ присвоила. Юриспруденцїа? со вздохомъ скажу нужная наука. Врачебная наука, обѣ онѣ служутъ доказательствомъ жестокаго паденїя чадъ Святейшаго и всемогущаго Отца; признавъ себя таковымъ же нещастнымъ, даю я по своему расположенїю между всѣми науками преимущество полной наукѣ хозяйства, на которую когда бы мнѣ время и лѣты позволяли я бы съ охотою посвятился, не съ темъ только намеренїемъ чтобъ умножать жатвы, сенокосы, леса, скотоводство, по правиламъ большой части хозяевъ, но чтобъ удобрять всякїе хозяйственные заведенїи, а чтобъ лучше въ ономъ успѣть старался бы приобрести сверьхъ обыкновенныхъ познанїй, познанїе Физики, нужную часть для сего предмета Химїи, Механики и Гидраулики, въ надеждѣ чрезъ то сдѣлатся совершеннымъ хозяйномъ и заведенїями своими, умножая и распространяя изобилїе, дѣлить съ нуждающими прїобретенное именїе, и давъ себя подъ полное управленїе отцу моему небесному, вести себя во всемъ какъ чаду его пристойно въ угодность Ему.

(Написано дѣдомъ моимъ и списано со всѣми особенностями его ороографїи).

Для чего надобно знать исторїю и какъ ей обучаться?

Я признаться ни когда о семъ не разсуждала, а училась исторїи чтобъ знать и не думая о ея пользѣ, однако слыхала и читала мненїе другихъ и присвоила себѣ оное къ оправданїю желанїя моего знать исторїю. Говорятъ, что полезнейшее знанїе есть познанїе человѣковъ а сїе доставляется чрезъ познанїе исторїи которая вписывая дѣянїи людей всякаго рода и во всякихъ положенїяхъ, показываетъ намъ сердце человѣковъ со всѣми его страстями и слабостями, и раскрываетъ оные гораздо лучше нежели обращенїе людей, которые всегда болѣе или менѣе отъ другихъ скрываютъ

свои чувства, а часто и самихъ себя обманываютъ имѣя о себѣ со всѣмъ ложное мненіе. Зная же по исторіи характеръ людей подобныхъ людямъ нашихъ временъ, зная причину ихъ дѣяній и сравнивая ихъ съ дѣяніями нашихъ современниковъ, узнаемъ разположеніе сихъ последнихъ, можемъ предвидить слѣдствіи оныхъ а иногда находясь въ такихъ обстоятельствахъ что должны сами дѣйствовать или совѣтовать другимъ въ важномъ дѣлѣ, пользуемся намятнымъ, заимствуя у предковъ нашихъ то чего намъ недостаетъ, для чего я и думаю что познаніе исторіи еще гораздо нужнее для властителей и полководцевъ нежели для частныхъ людей, однако и для сихъ оно можетъ быть полезно, ибо они чрезъ оное могутъ познакомится съ истиннымъ состояніемъ человѣческаго рода, съ непостоянствомъ щастія сей земли, съ нищетой и перемѣнчивостью всѣхъ мирскихъ выгодъ, и чрезъ то утвердиться въ сей истиннѣ что всѣ труды наши должны единственно обращаться къ пріобретенію того блаженства которое послѣ смерти будетъ награжденіемъ добродѣтели, и котораго ни случай ни человѣки у насъ отнять не могутъ.

(Написано бабушкой-иностранкой).

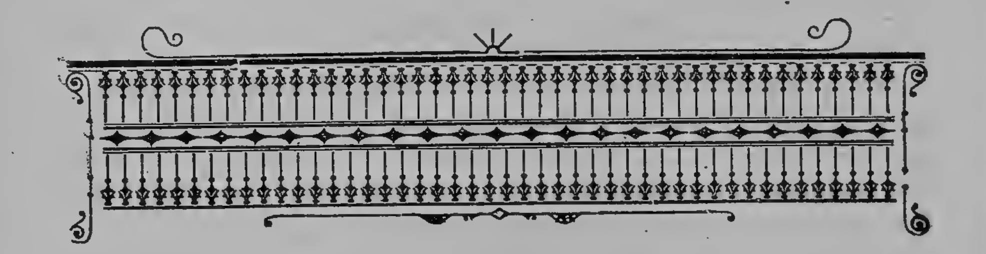
Quel est le défaut le plus insupportable?

Il suffit d'imaginer un défaut quelconque pour avoir l'idée d'une chose insupportable, car ils le sont tous plus ou moins, mais il n'y en a pas selon moi de plus difficile à supporter, que les caprices. Pour tout autre défaut, surtout lorsqu'il se trouve dans une personne qui a d'ailleurs des qualités aimables, on peut trouver les moyens d'éviter ou de diminuer les effets désagréables qui en résultent; avec une personne querelleuse, on cherche à éviter les disputes, on ne la contredit pas, on est de son avis, quand on peut, ou du moins on se tait; avec les gens emportés on prend garde de ne point exciter leur colère et quand elle est allumée, en leur montrant de la douceur, le regret de les avoir fachées, on les ramène bien vite; enfin il n'est presque pas de défaut que la patience, la complaisance, la douceur ne viennent à bout de rendre supportable; mais il n'en est pas de même des caprices, aucune prévoyance, aucune précaution ne sauraient nous mettre à l'abri des désagrémens que ce défaut vous fera souffrir si un sort malheureux vous force à passer votre vie avec une personne qui y est sujette; c'est souvent lorsque vous vous y attendez le moins, lorsque vous l'avez le moins mérité, quand vous avez mis tous vos soins à lui plaire, qu'elle vous fait sentir tout le poids de l'humeur subite qui

lui a pris sans aucun sujet. Il n'y a pas moyens de connaitre les gouts des personnes de ce caractère, car elles en changent tous les jours et une petite contrariété inévitable suffit pour leur faire trouver insoutenable aujourd'hui ce qui leur plaisait hier. Une personne comme cela vous reçoit à bras ouverts et une heure après vous boude sans que vous puissiez, en deviner la raison. Les prévenances loin de diminuer son humeur, ne font souvent qu'augmenter son caprice; une personne sujette à ce défaut est incapable de complaisance, puisqu'elle est trop peu maitresse d'elle même pour plier sa volonté à celle d'autrui et si dans son bon moment elle se trouve dans une société ou elle veut bien ceder aux désirs des autres, vous n'étes jamais sur qu'elle se soutienne jusqu'à la fin dans cette heureuse disposition, puisqu'un rien peut tout changer et lui faire vouloir justement le contraire. Que je plains ceux qui sont obligés de vivre avec de pareilles gens et que je plains plus encore les malheureux qui se laissent aller à ce vilain défaut qui les rend insupportables aux autres et à charge à eux mêmes.

С. Б.

Изъ прошлаго деревни.

(Воспоминаніе).

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ пришлось мнѣ поселиться въ одной изъ малороссійскихъ губерній, гдѣ я купилъ небольшое имѣніе, состоящее изъ нѣсколькихъ кусковъ земли, разбросанныхъ вокругъ большого села Ф.

Имѣніе это принадлежало когда-то, въ цѣломъ его составѣ, довольно крупному владѣльцу П., который, по разсказамъ, былъ человѣкъ недюжиннаго ума, большой энергіи, хорошій хозяинъ и такой же воспитатель своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, между которыми, рядомъ съ грамотностью, процвѣтали всякія искусства (мастерства). Въ мое время въ этомъ большомъ селѣ, состоящемъ чуть не изъ тысячи душъ, можно было встрѣтить и хорошихъ плотниковъ, столяровъ, слесарей, механиковъ до лудильщиковъ самоваровъ включительно. Все это обучалось на счетъ своего владѣльца, который на свой счетъ содержалъ соотвѣтствующія мастерскія и учителей инструкторовъ. Память о себѣ онъ оставилъ среди крестьянъ хорошую, а, умирая, оставилъ вполнѣ благоустроенное имѣніе тремъ своимъ сыновьямъ, людямъ уже семейнымъ, служащимъ, по обычаю старыхъ дворянскихъ традицій, въ военной службѣ. Подѣлившись этимъ имѣніемъ, поселились они въ деревнѣ, но, не приспособившись къ дѣлу сельскаго хозяйства, черезъ нѣсколько уже лѣтъ разорились окончательно. Земли ихъ, обремененныя чрезмѣрными долгами, проданы были съ торговъ. У двухъ изъ братьевъ остались только усадьбы съ нѣсколькими десятинами земли при нихъ. У старшаго изъ братьевъ осталась еще отцовская усадьба съ огромнымъ полутораэтажнымъ домомъ и небольшими каменными службами при немъ, а у млад-

шаго небольшой домъ стариннаго типа домовъ помѣщика средней руки съ такими же остальными постройками. Земля младшаго брата была куплена съ торговъ однимъ отставнымъ полковникомъ польскаго происхожденія, бывшимъ воспитателемъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ. Полковникъ построилъ себѣ усадьбу съ „вентиляціоннымъ домомъ", какъ выражался онъ, гдѣ свѣжій воздухъ имѣлъ первенствующее значеніе. Высокія досчатыя стѣны этого дома съ положеннымъ на нихъ тонкимъ слоемъ глины, съ огромными венеціанскими окнами, чуть не до потолка, съ отсутствіемъ передней съ параднаго хода, когда дверь изъ комнаты, служащей и для гостей и спальней самого полковника, выходила прямо во дворъ, строеніе это въ зимнюю стужу представляло изъ себя нестерпимо холодное помѣщеніе. Холодный зимній вѣтеръ, какъ говорится, „ходуномъ ходилъ" по комнатамъ. Температура тогда въ спальнѣ полковника падала до нуля, и борода его, какъ говорили потомъ мнѣ, примерзала къ подушкѣ. Полковникъ воздвигъ остальныя хозяйственныя постройки-мазанки и переѣхалъ съ семьею своею въ имѣніе это, чтобы на лонѣ природы отдохнуть отъ трудовъ своихъ. Немного лѣтъ, прожитыхъ въ имѣніи этомъ, не дали бывшему воспитателю того покоя, который представляла въ воображеніи его жизнь сельскаго хозяина. Вѣчные споры, нелады съ сосѣдними мужиками, антагонизмъ между нимъ и бывшимъ имѣнія этого владѣльцемъ, который не могъ выносить того, что полковникъ „сидитъ" на его землѣ, дѣлали жизнь для него и безпокойной, и непріятной до высшей степени, и полковникъ объявилъ имѣніе въ продажу. Вотъ это-то имѣніе и купилъ я, предоставивъ полковнику право проживательства въ немъ въ теченіе извѣстнаго срока уже по совершеніи купчей крѣпости; самъ же я отъ времени до времени наѣзжалъ въ это имѣніе. Наѣзды свои я совершалъ со станціи ж. д. на извозчикѣ.

Въ одну изъ такихъ обратныхъ моихъ изъ имѣнія этого поѣздокъ извозчикъ мой обратился ко мнѣ съ просьбой разрѣшить ему взять совмѣстно со мною „какого-то барина"—дачника одного изъ братьевъ П. Я согласился.

Въ поданномъ къ крыльцу дома извозчичьемъ экипажѣ уже сидѣлъ довольно тощій господинъ съ небольшою клинообразною сѣдою бородкою. Надвинутая на лобъ его шляпа „котелокъ" бросала тѣнь на его худое, блѣдное лицо, уже сильно испещренное морщинами; большіе глаза его изъ-подъ темныхъ нависшихъ бровей смотрѣли куда-то вдаль. Онъ какъ-бы не замѣчалъ приближенія моего къ экипажу.

Я обратился къ нему съ привѣтствіемъ, назвавъ свою фамилію. Господинъ этотъ сдѣлалъ движеніе въ мою сторону и, протягивая

мнѣ свою худую руку, отрекомендовался мнѣ отставнымъ чиновникомъ, не помню какого-то вѣдомства, назвавъ при этомъ свою фамилію. Пожавъ другъ другу руки, я усѣлся съ нимъ рядомъ, чтобы держать свой путь на станцію Г.

Прекрасное раннее лѣтнее утро не соотвѣтствовало, повидимому, настроенію души моего случайнаго попутчика.

Надвинувъ еще больше свою шляпу на лобъ, сидѣлъ онъ какъ-то угрюмо, мрачно, затягиваясь безпрерывно своею толстою папиросою, которую одну за другою вынималъ онъ изъ бокового кармана своего сильно уже поношеннаго пальто цвѣта гаванна. Отбрасывая отъ себя докуренную уже папиросу, онъ снова зажигалъ другую, словно въ этомъ дыму табачномъ хотѣлъ разсѣять свои мрачныя думы.

Въ молчаніи мы проѣхали уже нѣсколько верстъ, когда незнакомецъ мой, повернувшись ко мнѣ всѣмъ своимъ тощимъ туловищемъ, заговорилъ со мной.

— Вы что же, новый владѣлецъ имѣнія этого?

— Да,—утвердительно отвѣтилъ я ему.—А вы?—въ свою очередь спросилъ я его.

— Я былъ, къ счастью, не долгимъ обывателемъ-дачникомъ сосѣда вашего, господина П., съ которымъ, какъ слыхалъ я, вы еще не успѣли познакомится, и съ которымъ, если угодно вамъ, я могу познакомить васъ, чтобы вы имѣли, такъ сказать, нѣкоторое представленіе о вашемъ будущемъ сосѣдѣ.

Меня это очень заинтересовало, и я охотно согласился слушать своего попутчика.

— Разскажу вамъ по порядку,—началъ мой собесѣдникъ,—какъ я попалъ въ эти захолустныя мѣста, куда тридцатипятиверстное разстояніе отъ станціи ж. д. приходится на мужичьей клячѣ ѣхать чуть не цѣлый день.

— Я одесситъ, гдѣ и началъ и закончилъ свою тридцатипятилѣтнюю службу въ одномъ изъ казенныхъ учрежденій. Чиновъ я невеликихъ и по рангу моему и пенсію таковую получаю. Мнѣ, одинокому, старому холостяку, едва приходится сводить концы съ концами, а ужъ о какихъ-то тамъ дачныхъ поѣздкахъ и рѣчи быть не могло. Живя на окраинѣ города, въ лѣтнее время и пыли и жары, вотъ какъ иной разъ захочется и простора деревенскаго и чистаго воздуха полей...

Прочиталъ я въ одной изъ мѣстныхъ газетъ, что живетъ въ такой-то губерніи, въ имѣніи своемъ, нѣкій великій благодѣтель, что и нашему брату, отставному чиновнику, обрѣсть можно тамъ на лѣтнее время и пріютъ и комфортъ всякій, и все это дается

благодѣтелемъ даромъ, изъ человѣколюбія... Пріѣзжай, молъ, живи и наслаждайся... Къ твоимъ услугамъ и хорошій деревенскій столъ, и катанье на лодкахъ, и охота на всякую дичь, и рыбныя ловли, и все прочее. Прочиталъ я въ газеткѣ этотъ призывъ благодѣтеля еще далеко до весны; по газетному адресу написалъ я владѣльцу письмецо, заранѣе уже поблагодаривъ его за благодѣянія, которыя сулилъ онъ нашему брату-голышу. Владѣлецъ не замедлилъ отвѣтить мнѣ, что все написанное въ газетѣ—сущая правда. Сталъ я со своей убогой пенсіи копить деньжонокъ, чтобы хватило проѣхать туда и обратно,—жизнь вѣдь тамъ, по газетному сообщенію, ничего не стоила. Много мѣсяцевъ пришлось мнѣ перебиваться, какъ говорится, съ хлѣба на квасъ...

Нужно вамъ сказать, что все дѣтство мое проведено было мною въ деревнѣ среди простора степей южной Россіи. Отецъ мой былъ владѣльцемъ довольно крупнаго имѣнія Х—ской губерніи, но, женившись вторично на красавицѣ изъ бѣдныхъ дворянъ, онъ все свое состояніе оставилъ нашей мачехѣ съ ея двумя дѣтьми, прижитыми ею отъ отца моего, а намъ съ сестрою, дѣтямъ его отъ перваго брака, ничего не оставилъ. Сестра еще малою дѣвочкою умерла, а я съ шестнадцатилѣтняго возраста пошелъ служить. Отецъ въ это время уже умеръ, и я, какъ видите, съ ранняго возраста лишился и ласки родительской и помощи матеріальной...

Долгая тридцатипятилѣтняя служба нелегкаго труда и забота о насущномъ кускѣ хлѣба—оставили слѣдъ на здоровьи моемъ. Почувствовалъ я это, когда ушелъ уже на покой. Такъ бываетъ съ выработанною, заѣзженною клячею: запряженная въ телѣгу, она не замѣчаетъ и искалѣченныхъ, подорванныхъ ногъ своихъ и обезсиленнаго тяжкимъ трудомъ тѣла своего; какъ-бы по инерціи она двигается вмѣстѣ со своею тяжестью и поставленная уже въ свое стойло почувствуетъ она тогда всю немощь, всю слабость своего надорваннаго здоровья: то ляжетъ, то встанетъ, то подберетъ ноги подъ себя, то опять ихъ вытянетъ..., то протянетъ свою тонкую шею, то голову приложитъ къ животу и... глубоко, глубоко вздохнетъ... Я наблюдалъ это не разъ. Не знаю, удачно ли, но я часто себя сравниваю съ этакимъ животнымъ... Впрочемъ, я отвлекся отъ своей первоначальной мысли.

Впечатлѣніе дѣтства оставило неизгладимый слѣдъ въ душѣ моей. Мнѣ казалось, что я снова, на старости лѣтъ, заживу, хотя и временно, тою былою жизнью юнаго возраста... и не могу выразить вамъ того состоянія души моей, когда я сѣлъ въ поѣздъ, чтобы ѣхать въ обѣтованную землю.

Дорога со станціи ж. д. до сего мѣста, какъ уже и вамъ извѣстно

не коротка. Проѣхать тридцатипятиверстное разстояніе въ жарѣ и пыли, да еще на мужичьей повозкѣ, гдѣ все нутро изъ тебя вытрясетъ, не легко, но, проѣзжая среди казачьихъ малороссійскихъ хуторковъ, съ ихъ симпатичными бѣленькими хатками-мазанками, среди этихъ „и млинковъ, и гайковъ и вишневыхъ садковъ“ отрадно какъ-то становилось на душѣ, и я, какъ бы незамѣтно, доѣхалъ до цѣли своей поѣздки.

На порогѣ обветшавшаго уже крыльца встрѣчаетъ меня широкоплечій господинъ высокаго роста, съ большою продолговатою сѣдою бородою, съ надѣтой на немъ ситцевой блузой, подпоясанной ремешкомъ, въ ботфортахъ. Первое, что господинъ этотъ любезно предупредилъ меня, чтобы я былъ остороженъ, такъ какъ ступеньки крыльца не совсѣмъ исправны и чтобы, восходя по нимъ, я придерживался бы больше краевъ ихъ, а не середины.

— Бывали случаи нападенія,—произнесъ господинъ этотъ своимъ густымъ басомъ, глядя на меня въ упоръ изъ-подъ своихъ еще темныхъ, густыхъ бровей. Подавая мнѣ свою руку, господинъ этотъ отрекомендовался мнѣ владѣльцемъ имѣнія.

— Вы, конечно, обо мнѣ, думаю, много слыхали,—ведя меня подъ руку въ домъ, произнесъ владѣлецъ. — О моей культурной миссіи среди неразвитого, темнаго народа, который я стараюсь всячески развивать; о моихъ благотворительно-гуманныхъ начинаніяхъ; объ идеѣ моей, которую я первый примѣнилъ здѣсь на дѣлѣ—устройство лѣтняго, каникулярнаго пріюта для слабыхъ, болѣзненныхъ дѣтей школьнаго возраста, для физическаго развитія которыхъ имѣются у меня всякія приспособленія; пріюта и для взрослыхъ интеллигентовъ, здоровье которыхъ требуетъ отдыха на чистомъ воздухѣ, а не въ тѣсныхъ, душныхъ улицахъ города. Все это, думаю, извѣстно вамъ и по газетамъ, гдѣ и я пописываю. Послѣднія слова владѣлецъ произнесъ какъ-то многозначительно, склонивъ голову немного на бокъ, словно онъ самъ прислушивался къ словамъ своимъ. Лицо же его при этомъ словѣ „я“ изобразило самодовольную улыбку.

Чего, чего только не наговорилъ онъ мнѣ, ведя меня по цѣлой амфиладѣ громадныхъ почти пустыхъ комнатъ съ изрѣдка попадавшимися въ нихъ ветхими стульями, безногими столами припертыми къ стѣнкѣ и съ полуразвалившимися диванами. Дошли мы съ нимъ до одной изъ комнатъ, на дверяхъ которой была прибита визитная карточка съ иниціалами владѣльца, съ золотою короною надъ ними, символизирующею происхожденіе владѣльца.

Послѣ довольно большихъ усилій дверь открылась, и мы вошли въ большую, свѣтлую комнату, съ длинными библіотечными пол-

ками вдоль стѣны, съ громаднымъ, некрашеннаго дерева, письменнымъ столомъ, съ единственнымъ стуломъ, стоявшимъ передъ нимъ, и съ широкою, двухспальною кроватью.

— Комната эта—святая святыхъ для меня, — пояснилъ владѣлецъ.—Она бываетъ свидѣтелемъ и моихъ тяжелыхъ думъ, и свѣтлыхъ мыслей—въ ночи безсонныя. Здѣсь отдыхаю я и отъ трудовъ своихъ, здѣсь я черпаю и вдохновенія свои... Вотъ они—свидѣтели моихъ сокровенныхъ думъ, собесѣдники мои въ долгія осеннія ночи, — сказалъ владѣлецъ, указавъ на груду книгъ и журналовъ, валяющихся въ безпорядкѣ на полкахъ шкафа.—Я вѣдь не чуждъ,—продолжалъ онъ,—и литературы. Здѣсь вы найдете,—указывая на массу газетъ, сложенныхъ въ кучу на полу,—и статьи мои о воспитаніи дѣтей школьнаго возраста.—При этомъ владѣлецъ началъ подробно развивать свою мысль на этотъ счетъ. Слова его сыпались какъ изъ рога изобилія. Ушинскій, Спенсеръ чередовались съ другими именами до Бокля включительно... Я чувствовалъ, что голова моя кругомъ уже пошла, что дальше выдержать я уже не могу, что усталый, голодный, я уже перестала разбираться въ этихъ ученыхъ трактатахъ... Я не выдержалъ и въ изнеможеніи опустился на кровать, а владѣлецъ, стоя предо мною, продолжалъ все цитировать ученыхъ авторовъ, то похваляя ихъ, то критикуя ихъ. Солнце уже опустилось за горизонтъ, а рацеямъ этимъ и конца не предвидѣлось, если бы не случилось нѣчто неожиданное.

Со стороны сада услыхали мы сначала одинъ, а потомъ другой выстрѣлы... Ораторъ мой мгновенно прервалъ свою рѣчь и затѣмъ, какъ бы что-то обдумавъ, бросился къ выходу изъ комнаты, увлекая и меня за собою.

Мы шли скоро по густымъ заросшимъ аллеямъ этого заброшеннаго парка, пока не увидѣли на одной изъ аллей группу молодыхъ людей обоего пола, о чемъ-то шумно разговаривающихъ между собою. Отъ группы этой отдѣлилась одна молодая особа, которая, почти подбѣжавъ къ намъ, сообщила, что произошла дуэль между двумя молодыми людьми, такимъ-то и такимъ-то, изъ-за госпожи К., молодой, довольно красивой дѣвицы какихъ-то не то фельдшерскихъ, не то акушерскихъ курсовъ. Дуэлистами же были совсѣмъ юные молодые люди, изъ коихъ одинъ былъ студентомъ первокурсникомъ, кажется, нашего университета, а другой—ученикъ техническаго училища. Госпожа К. была не то еврейка, не то молдаванка, какъ казалось мнѣ. Дуэль эта закончилась вполнѣ благополучно, никто ей значенія не придавалъ, относя ее къ шуткѣ молодыхъ людей и дальше, въ теченіе моей недѣльной

жизни тамъ, никакихъ инцидентовъ не происходило. Группа молодежи, замѣтивъ насъ, подошла къ намъ и смѣясь разсказала намъ все происшедшее.

— Господа! — произнесъ нашъ патронъ, обращаясь къ молодежи,—позвольте познакомить васъ съ господиномъ,—онъ назвалъ мою фамилію,—нашимъ новымъ пришельцемъ, человѣкомъ большого ума и высокаго благородства.—Почему онъ меня такъ аттестовалъ—Христосъ его зналъ.—Убѣленный сѣдинами,—продолжалъ дальше владѣлецъ,—умудренный опытомъ житейскимъ, онъ не безполезенъ будетъ въ обществѣ вашемъ, какъ руководитель и менторъ.

— Вашу руку! Вашу руку!—заговорили дѣвицы.

— Руку вашу, коллега!—заговорилъ, прищуривая одинъ глазъ, высокій господинъ съ длинными волосами.

— Вы знаете, что у насъ коммуна,—защебетала очень толстая особа, типа Рубенса, приблизившись ко мнѣ вплотную.—На этихъ началахъ у насъ тутъ все и поставлено.

— Коммуна, коммуна,—заговорили всѣ въ одинъ голосъ.

— Да, да... коммуна-съ, подтвердилъ владѣлецъ. У насъ ничего нѣтъ раздѣльнаго... все общее; „общее"—подчеркнулъ какъ-то особенно выразительно владѣлецъ.

Я былъ не мало удивленъ, пораженъ и особой владѣльца, который казался мнѣ ужъ очень страннымъ, и обществомъ, куда вводили меня, какъ новаго члена его, и всѣми этими эпитетами, которые надавали мнѣ сразу, первый разъ видѣвши меня, и всей этой обстановкой. Удивленіе мое еще болѣе усилилось, когда я, послѣ общей скудной трапезы съ ея обстановкой, гдѣ вилки и ножи большею частью замѣнялись по-просту пальцами, а салфетки старыми газетами, приглашенъ былъ хозяиномъ для ночлега въ большую комнату, почти пустую съ валяющимися по полу матрасами, набитыми чѣмъ-то вродѣ древесныхъ листьевъ. На подоконникѣ этой „общей" спальни стояла небольшая простецкая лампочка съ закопченнымъ стекломъ; въ углу стоялъ небольшой столъ съ умывальнымъ краномъ надъ нимъ; въ промежуткахъ межъ оконъ висѣло громадныхъ размѣровъ старинное зеркало съ надбитымъ угломъ, подъ нимъ стоялъ тоже простой столъ съ ночными принадлежностями подъ нимъ кустарнаго производства; большое малороссійское полотенце, висѣвшее надъ зеркаломъ, какъ украшеніе, дополняло эту странную обстановку комнаты, которая служила, какъ я потомъ убѣдился, и общей спальней, и будуаромъ для дамъ.

Я съ удивленіемъ началъ оглядываться по сторонамъ и съ неменьшимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на владѣльца.

— Желаніе молодежи...,—какъ бы понявъ меня, подсказалъ мнѣ хозяинъ.—Общая спальня и все прочее...—захихикалъ онъ, какъ-то себѣ подъ носъ.—И я это вполнѣ понимаю,—уже серьезно сказалъ онъ.—A la guerre—comme à la guerre... На лонѣ природы—должно быть все естественно, натурально... Здѣсь ничто не должно напоминать городскую жизнь съ ея давящею тѣснотою, съ ея шаблонной обстановкой. Здѣсь сама натура, простая, непринужденная, и какъ это по душѣ пришлось молодежи...

— Всѣ они, какъ могли уже замѣтить и вы, и бодры и веселы... Колонія моя существуетъ уже не первое лѣто, и я покажу вамъ—сколько уже писемъ получилъ я, писемъ умиленно-восторженныхъ, признательныхъ. Впрочемъ, не отъ одной молодежи. Живали у меня люди и вашего возраста, и всѣ они съ большою признательностью уѣзжали отъ меня.

— Какъ примѣръ—владѣлецъ припомнилъ себѣ одну пожилую уже даму, которая пріѣхала къ нему съ разстроенными нервами, съ разбитымъ здоровьемъ, и какъ она потомъ оправилась, окрѣпла, помолодѣла и душой и тѣломъ.

— Это тщедушное, изможденное, несчастное существо, какимъ она пріѣхала ко мнѣ, — пояснялъ владѣлецъ — уже чрезъ мѣсяцъ была и здорова, и бодра, и весела... Повѣрите ли, что дама эта уже къ концу мѣсяца, прожитаго ею у меня, взапуски бѣгала съ молодежью, участвуя во всѣхъ играхъ ихъ. Въ этомъ и заключается идея моя — предоставить такую обстановку, гдѣ каждый могъ бы свободно, непринужденно чувствовать себя; гдѣ между членами общества не было бы различія въ возрастѣ и желаніяхъ. Усталый мозгъ, работой непосильной ослабленное тѣло — должны снова воспрянуть въ моемъ убѣжищѣ... Вопросы политическаго, соціальнаго характера не должны имѣть мѣста въ этомъ мѣстѣ отдыха. Взаимная любовь, взаимное уваженіе, взаимная непринужденность, свобода воли, свобода дѣйствій — вотъ тѣ принципы, которые положилъ я въ основу своего общежитія.

Я улыбнулся... но улыбнулся я не этимъ красивымъ словамъ вдохновленнаго оратора, какимъ онъ былъ въ данный моментъ, а той метаморфозѣ, которая произошла съ пожилой дамой,бѣгающей взапуски съ молодежью.

— Вы улыбаетесь... Вы этому не вѣрите,—замѣтилъ владѣлецъ. Поживите—увидите и на себѣ испытаете все это,—убѣжденно закончилъ владѣлецъ.

— Ну-съ, какъ вамъ нравится такая идея молодежи?—спросилъ меня владѣлецъ, указывая на всю эту обстановку.

— Для молодежи—да, но мнѣ хотѣлось бы чего-нибудь болѣе уединеннаго.

Желаніе мое было исполнено, и мнѣ отвели въ мезонинѣ дома маленькую комнатку, выходящую окнами въ садъ. Здѣсь я и расположился на ночлегъ на постланномъ на полу матрасѣ, доставленномъ мнѣ изъ общей спальни. Усталый и отъ дороги, и отъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ впечатлѣній, я заснулъ крѣпкимъ сномъ, а когда проснулся, то восходящее солнце уже бросало свои горячіе лучи въ окна моей комнаты, и я, наскоро одѣвшись, вышелъ въ садъ. Пошелъ я по узенькой тропинкѣ, ведущей книзу. Я спустился къ мѣсту, заросшему густымъ тростникомъ; глаза мои искали ту рѣку, которая, по газетному сообщенію, предоставлялась въ наше распоряженіе; фантазія рисовала мнѣ и катанье на лодкѣ, и рыбную ловлю, и прекрасное купанье. Тщетно я искалъ эту рѣку и, опечаленный неудачею своею, я возвратился во дворъ, гдѣ встрѣтилъ очень старенькую, съ припухшими глазами и хриплымъ голосомъ женщину. Эта женщина, какъ я потомъ убѣдился, была единственной прислугой владѣльца, исполняя обязанности и кухарки, и горничной, и дворника. На вопросъ мой— не можетъ ли старуха указать мнѣ рѣчку, она удивленно посмотрѣла на меня, не понимая моего вопроса. Я снова повторилъ его.

— Річки? якой річки? та у насъ іи и въ заводи нема,— отвѣтила мнѣ хохлушка.

— А какъ же, бабушка, въ газетахъ было пропечатано про рѣку?

— Э ні, мабуть (вѣроятно) шось не такъ. У насъ іе озерявина, о тамъ, де болото, та и та літомъ высмага (высыхаетъ).

— Ну, а рыба тамъ водится?

— Та де вона возьмется. Тамъ сами жабы (лягушки) водятся.

Слова старухи прямо поразили меня. Полное противорѣчіе съ газетнымъ сообщеніемъ во всемъ. Все замѣченное мною навело меня на неотрадныя мысли. У меня явилось желаніе уѣхать сейчасъ обратно домой, но затраченныя на поѣздку деньги нужно же было какъ-нибудь использовать. Я рѣшилъ пока остаться и поподробнѣе поразспросить старуху.

Узналъ я, что „панъ“ ея очень бѣденъ, ничего у него нѣтъ, кромѣ этихъ полуразрушеннаго дома, запущеннаго парка, немного болота и той озерявины, гдѣ водились сами жабы; что было у него когда-то и хозяйство большое, и всякіе достатки, и прислугъ много, и всякій комфортъ въ домѣ, а теперь остались, по выраженію этой же старухи, сами „злыдни“. Узналъ, что зимою онъ живетъ

впроголодь, а лѣтомъ питается на счетъ дачниковъ, что эти дачники даютъ старухѣ въ складчину деньги, и на нихъ старуха закупаетъ у бабъ на селѣ всякую снѣдь. Словоохотливая старуха поразсказала мнѣ и еще многое, чего я никакъ уже не ожидалъ, и я понялъ тогда, что мы всѣ собравшіеся сюда, люди разнаго положенія, возраста—введены были въ заблужденіе, благодаря газетной рекламѣ. Молодежи, конечно, подобная жизнь на какихъ-то коммунистическихъ началахъ могла и по вкусу прійтись, но мнѣ, человѣку, какъ выразился владѣлецъ, „умудренному опытомъ и убѣленному сѣдинами", жизнь такая не могла быть по вкусу, и я, проживши въ этомъ хаосѣ съ недѣлю, уѣзжаю обратно далеко не съ признательностью въ душѣ. За этотъ короткій промежутокъ времени мнѣ приходилось иной день и поголодать, такъ какъ старуха, эта универсальная прислуга, имѣла большую склонность къ спиртнымъ напиткамъ, а по-просту—къ водкѣ, и были дни, когда она возвращалась съ села, какъ говорится, безъ заднихъ ногъ, и тогда нѣкоторые изъ молодежи отправлялись сами добывать себѣ пищу какую, а деньги, полученныя старухой на провизію, такъ и значились за нею, какъ безвозвратная ссуда.

— Да... странный человѣкъ этотъ господинъ П., началъ опять мой попутчикъ послѣ нѣкотораго молчанія. Маньякъ, изъ такого сорта людей, которые, одержимые до извѣстной степени маніей не свойственнаго имъ величія, стремятся имя свое сдѣлать интереснымъ, замѣтнымъ... Краснобай, фразеръ и даже не очень и умный, человѣкъ этотъ вообразилъ себя нѣкіимъ геніемъ, который можетъ внести въ жизнь человѣческую нѣчто новое, раньше небывалое. Воспитавъ въ себѣ извѣстную опредѣленную имъ идею, онъ убѣжденно увѣровалъ въ нее и фантастическое, совершенно не осуществимое въ силу разныхъ жизненныхъ условій, вообразилъ онъ какъ нѣчто реальное и уже осуществленное, т. е. приложенное уже къ жизни. Этимъ я объясняю себѣ всѣ его нелѣпыя пустыя публикаціи, противорѣчащія тому, что есть на самомъ дѣлѣ. Этимъ я объясняю и всѣ его и дѣйствія, и поступки, идущіе въ полный разрѣзъ со словами его... Мыльный пузырь—вотъ тотъ, что выпускаютъ дѣтишки изъ соломенки... Выпущенный изъ нея—онъ такъ красиво, величественно поднимается въ высь, онъ такъ красиво отражаетъ въ себѣ всѣ радужные цвѣта преломленныхъ въ немъ лучей солнца, и какъ ничтоженъ онъ дѣлается при прикосновеніи къ нему—разлетается въ прахъ, будто его и не было. Однако я увлекся, а вотъ уже и станція скоро.

Вдали замѣтенъ уже былъ дымокъ приближающагося поѣзда. Извозчикъ нашъ все энергичнѣе началъ понукать своихъ уже до-

вольно уставшихъ лошадокъ, и мы въ одно время съ поѣздомъ подъѣхали къ станціи. Дороги наши шли въ противуположныя стороны. Мой поѣздъ подошелъ раньше, и я, взявъ наскоро билетъ, распрощался со своимъ случайнымъ попутчикомъ. Отъ него я получилъ довольно полное представленіе о моемъ столь близкомъ сосѣдѣ, и въ душѣ своей я тогда же рѣшилъ не наносить ему обычнаго сосѣдскаго визита прежде, чѣмъ я не поразспрошу про него и еще у кого-нибудь и главнымъ образомъ у сельскаго батюшки, который, соприкасаясь такъ близко со своими прихожанами, всегда могъ знать всю, что называется, подноготную ихъ жизни. Чрезъ мѣсяцъ уже у меня состоялось знакомство съ нимъ, когда онъ былъ приглашенъ мною отслужить молебенъ въ домѣ по случаю моего водворенія тамъ.

Громаднаго роста, съ плечами въ косую сажень, съ окладистою вьющеюся сѣдою бородою, съ густою шевелюрой черныхъ, но уже съ сильною просѣдью волосъ на головѣ, съ умнымъ, проницательнымъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ—человѣкъ этотъ при знакомствѣ съ нимъ производилъ впечатлѣніе какого-то средневѣковаго легендарнаго витязя, которому не доставало только соотвѣтствующихъ доспѣховъ въ видѣ шлема и проч.

— Въ этомъ домѣ пришлось быть мнѣ всего одинъ разъ,—переступая порогъ дома, произнесъ батюшка своимъ густымъ басомъ. Вашъ предшественникъ, какъ католикъ, недолюбливалъ нашего брата православнаго попа и относился ко мнѣ, если и не враждебно, то и не совсѣмъ дружелюбно. Я нанесъ ему тогда чисто дѣловой визитъ и съ тѣхъ поръ я не былъ... Очень, очень радъ водворенію вашему здѣсь, и давай Богъ, чтобы вамъ жилось здѣсь и радостно, и безпечально. Мира, всего міра и благодати Божьей пожелаю Вамъ и съ этимъ моимъ душевнымъ словомъ и приступимъ къ молитвѣ.

Молебенъ начался. Послѣ окончанія его я предложилъ батюшкѣ отобѣдать съ нами, на что онъ охотно согласился. На предложеніе мое—выпить чего-нибудь передъ ѣдою батюшка наотрѣзъ отказался.

— Не пью. Бросилъ уже нѣсколько лѣтъ, а прежде пилъ и даже изрядно. Со мною былъ одинъ случай въ жизни моей, случай, чуть не закончившійся для меня очень печально, и съ тѣхъ поръ я и бросилъ. Тогда я состоялъ настоятелемъ церкви въ М. уѣздѣ. Бѣдный, совершенно убогій приходъ тотъ отличался особеннымъ пристрастіемъ къ пагубному напитку. Пили водку тамъ всѣ поголовно—и старъ, и младъ, и женщины, и дѣвки.

Еврей, содержащій въ селѣ томъ постоялый дворъ и корчму,

уже чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ „дѣла“ своего нажилъ изрядное состояніе, и вотъ мнѣ, тогда еще юному, только что надѣвшему рясу священника, человѣку дали приходъ этотъ. Съ лучшими возвышенными порывами молодости я взялся усердно и горячо искоренять въ народѣ его пагубную страсть. И съ церковнаго амвона, и въ частной бесѣдѣ я старался вразумить народъ и наставить его на путь истины. Жена моя въ этомъ дѣлѣ была моимъ вѣрнымъ помощникомъ. Много лѣтъ боролись мы съ этимъ народнымъ бѣдствіемъ, и дѣло будто начало налаживаться, какъ умираетъ подруга моей жизни, и остался я съ пятью малыми дѣтьми одинокій... Тоска тяжелая, безысходная томила душу мою, и прежде здоровый и тѣломъ и духомъ я сталъ слабѣть въ борьбѣ съ постигшимъ меня несчастіемъ... Я чувствовалъ тогда, какъ духъ бодръ уходитъ отъ меня, какъ безволіе и малодушіе беретъ верхъ надъ силою разсудка... и я разрѣшилъ.

— Пійте, батюшка, горілку (водку), пійте, якъ и мы пьемо,— говорили мнѣ мужики—пійте, и за гірьку долю, пійте и за счастье...—И я сталъ пить.

— Исцѣли меня, Благость предвѣчная! Исцѣли мои раны сердечныя!—повторялъ я не разъ слова молитвы... но рана моя слишкомъ глубока была и не поддавалась заживленію... Я пилъ, чтобы забыться, и долго бы я это дѣлалъ, если бы случай, о которомъ я упомянулъ, не заставилъ меня придти въ себя. Объ этомъ я разскажу вамъ когда-нибудь на досугѣ, а теперь спрошу васъ—какъ чувствуете вы себя въ болотахъ нашихъ? Я не думалъ, что вы купите имѣніе это и, обратись вы ко мнѣ—я бы никогда не посовѣтывалъ вамъ сдѣлать это. И мѣсто сырое, болотистое, нездоровое, неудобное, да и сосѣдство наипаче того, а хорошій сосѣдъ— великое дѣло.

— А вотъ и кстати о сосѣдствѣ, батюшка.—Я разсказалъ ему про свою поѣздку съ дачникомъ и все то, что слыхалъ я отъ дачника этого.

— Да! это такъ,—отвѣтилъ батюшка.—Человѣкъ пустой, но съ большимъ самомнѣніемъ и къ тому же большой кляузникъ. Владѣя перомъ, онъ, за неимѣніемъ средствъ къ жизни, обратился въ какого-то деревенскаго писаку, ходатая по разнымъ крестьянскимъ дѣламъ; за какой-нибудь десятокъ яицъ, али за курицу, пишетъ онъ мужикамъ всякія прошенія, жалобы и проч. Все это ведетъ ни къ чему, но мужики вѣрятъ ему и наипаче силѣ написанной имъ бумаги. Состояніе отъ отца получилъ хорошее, да провелъ его самымъ безразсуднымъ способомъ. Дачниковъ теперь завелъ... Да что много говорить,—поживите—увидите сами. Былъ

онъ у насъ и церковнымъ старостою, но я замѣтилъ непорядки въ отчетности денегъ и предложилъ обществу выбрать другого; за это онъ меня невзлюбилъ и сталъ писать на меня всякіе доносы, кляузы. Писалъ и инспектору народныхъ училищъ, а наипаче владыкѣ, который не разъ вызывалъ меня для объясненій и только благодаря моему стихотворству владыка положилъ гнѣвъ на милость и оставилъ меня на мѣстѣ.

— Какому стихотворству?—поинтересовался я узнать.

— Да видите ли, я немного поэтъ. И сколько разъ въ жизни поэзія эта выручала меня изъ всякихъ бѣдъ моихъ. Когда я священнослужительствовалъ въ М. уѣздѣ, приходъ тамъ, какъ я уже и докладывалъ вамъ, былъ очень убогій. Брать съ бѣднаго народа было и нечего, и грѣшно, и я, обремененный большою семьею, таковую же и нужду претерпѣвалъ. Стали подростать дѣти, и нужда еще болѣе увеличилась. Тщетно я просилъ владыку перевесть меня въ лучшій приходъ, и только когда я написалъ ему прошеніе въ стихахъ, изобразивъ въ нихъ картину своей жизни, владыка внялъ моей просьбѣ и далъ мнѣ вотъ этотъ приходъ, гдѣ я обрѣтаюсь и понынѣ. Второй разъ въ жизни моей поэзія выручила меня изъ бѣды, когда я долженъ былъ объясняться съ владыкой по поводу многократныхъ донесеній на меня сосѣда вашего, господина П. Я преподнесъ владыкѣ басню, гдѣ господинъ П. изображенъ волкомъ, а я воломъ.

— Да..., и знаете что, басня эта на владыку произвела сильное впечатлѣніе. Пересталъ вѣрить кляузамъ господина П. Но господинъ этотъ и послѣ того не унимался. Ѣздилъ самолично къ владыкѣ. Просилъ его удалить меня съ занимаемаго мною прихода и представилъ ему даже подписи на этотъ счетъ отъ нѣкоторыхъ крестьянъ, клевретовъ своихъ. Владыка, какъ сказывали мнѣ, обошелся съ нимъ сурово и даже, какъ сказывалъ мнѣ секретарь, просилъ его оставить его, владыку, въ покоѣ... Да! человѣкъ этотъ не важный. Поживите—убѣдитесь сами,—закончилъ батюшка.

Послѣ и батюшкинова отзыва я уже окончательно рѣшилъ визита сосѣду моему не наносить и вообще держать себя отъ него на почтительномъ разстояніи, несмотря на предупрежденіе моего предшественника, который совѣтовалъ мнѣ всячески быть предупредительнымъ и любезнымъ по отношенію этихъ братьевъ сосѣдей моихъ, такъ какъ народъ, молъ, „опасный и мстительный“.

— Если вы не будете заискивать въ нихъ, они будутъ дѣлать вамъ массу непріятностей,—убѣждалъ меня старый полковникъ. Словамъ полковника я не придалъ тогда значенія, а потомъ въ продолженіе четырехлѣтней моей жизни въ этомъ имѣніи, мнѣ не разъ

приходилось убѣждаться въ правотѣ словъ моего предшественника.

Братья вступили со мною сразу во враждебныя отношенія, стараясь всякимъ способомъ „выкурить“ меня изъ этого имѣнія. Возстановляли противъ меня крестьянъ, распускали про меня всякіе нелѣпые слухи и проч. Борьба шла не прямо—въ открытую, а какъ-то исподтишка, неуловимо: то кто-то дворовыхъ собакъ перетравитъ, то кто-то лошадь на лугу подстрѣлитъ, то кто-то дохлую кошку въ колодезь броситъ..., но кто именно—доказательствъ на лицо не было, а молва указывала на младшаго изъ братьевъ, который со своимъ сыномъ-подросткомъ всегда отличались, какъ говорилъ мнѣ батюшка, озорничествомъ. Явнаго врага не видно было, и тѣмъ несноснѣе становилась жизнь среди враждебнаго лагеря. Рѣшилъ я терпѣть всѣ эти невзгоды до случая, когда я буду увѣренъ въ томъ, кто дѣлаетъ мнѣ всѣ эти непріятности. Случай вскорѣ и представился.

Изъ уничтоженныхъ кѣмъ-то всѣхъ моихъ дворовыхъ собакъ осталась только одна. Собака эта была очень цѣнна. Вывезенная еще щенкомъ изъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири, она унаслѣдовала отъ предковъ своихъ всѣ лучшія качества своей породы. Стойкая, выносливая къ зимней стужѣ, она, несмотря на трескучіе морозы, на снѣжную метель, всю ночь, бывало, сидитъ среди двора, прислушиваясь къ малѣйшему шороху: то на скотный дворъ побѣжитъ, то къ конюшнѣ навѣдается, то кругомъ дома обѣжитъ и, провѣривъ, что все обстоитъ благополучно, сядетъ опять на свое мѣсто среди двора и затянетъ опять свое монотонное:—гавъ, гавъ... Кромѣ того это умное животное оказалось еще способнымъ, понятливымъ къ запряжкѣ. Одинъ изъ служащихъ у меня мальчиковъ-подростковъ легко подучилъ ее запрягаться въ санки и пользовался ею для подвоза топлива къ дому и зерна на сушилку. Животное это охотно исполняло свою обязанность и съ нетерпѣніемъ ждало того момента, когда мальчикъ отвяжетъ его отъ столба, къ которому она привязывалась на день, и возьметъ ее для работы. Хохликъ мой прямо таки привязывался къ этому животному, питалъ къ нему особенно нѣжныя чувства и иначе не называлъ его, какъ „товарищъ мой“.

И по своей породистости, и по своимъ достоинствамъ это бѣлое косматое существо съ маленькими остроконечными ушками, съ типичнымъ косматымъ хвостомъ, закрученнымъ бубликомъ, со своими черными, какъ уголь, небольшими глазами, съ его остроконечной мордой было очень дорого для меня; утрата животнаго этого была незамѣнимой потерей. Братья сосѣди мои знали это, и одинъ изъ

нихъ задумалъ уничтожить его и съ этой цѣлью искалъ только удобнаго случая.

Открылась въ селѣ нашемъ обыденная весенняя ярмарка. Наѣхало много и торговаго народа, нашло много и празднаго хулиганствующаго, бродячаго. Разгулъ, какъ водится въ такихъ случаяхъ, пошелъ, что называется, во всю. Толпы празднаго народа всю ночь ходили по улицѣ около дома то съ пѣснями, то съ криками... Случай былъ подходящій, чтобы убить животное, свернувъ поступокъ этотъ на кого-нибудь изъ этихъ пришлыхъ людей.

Около полуночи, когда во дворѣ все, какъ говорятъ хохлы, „обиспало", я услышалъ на улицѣ два выстрѣла одинъ за другимъ. Я по чутью бросился изъ комнатъ во дворъ розыскать своего „сибиряка". Мѣсто его около столба было пусто и на зовъ мой „товарищъ" не откликался; а на утро мнѣ сообщили, что сибирка лежитъ убитая на улицѣ въ канавѣ и сообщили также, что собака убита однимъ изъ братьевъ П.

Я подалъ жалобу мировому судьѣ.

На судъ явился не самъ отвѣтчикъ, а старшій братъ по довѣренности отъ него.

Свидѣтельскими показаніями фактъ убійства собаки младшимъ изъ братьевъ былъ установленъ и, прежде постановленія рѣшенія судья предложилъ сторонамъ помириться.

Я не соглашался, требуя уплаты за животное, но деньги тѣ просилъ взыскать съ отвѣтчика въ пользу земскаго арестнаго дома.

Судья постановилъ соотвѣтствующее рѣшеніе.

— Я не ожидалъ такого рѣшенія, оно противорѣчитъ моему нравственному чувству,—сказалъ господинъ П., поднимаясь со своего мѣста и принявъ соотвѣтствующую позу.—Я по природѣ своей альтруистъ, а здѣсь идетъ дѣло объ удовлетвореніи только одного эгоистическаго чувства. Животное, приносившее пользу только одному лицу, становилось вреднымъ для цѣлаго общества и какъ вреднаго члена общества удаляютъ изъ своей среды, такъ и вредное животное удаляютъ съ улицы. Мораль здѣсь ясна.

При словахъ этихъ господинъ П. вынулъ изъ кармана записную книжку и сталъ цитировать изреченія древнихъ философовъ о морали, особенно подчеркивая нѣкоторыя мѣста изъ нихъ.

— При чемъ тутъ мораль,—замѣтилъ судья. Здѣсь дѣло идетъ о вознагражденіи одного лица на счетъ другого.

— Нѣтъ, именно мораль, не унимался господинъ П., и если бы судья былъ проникнутъ ею, то онъ не постановилъ бы такого вопіющаго рѣшенія.

Судья едва сдерживалъ себя, но, пересиливъ себя, произнесъ:—

„Если вы находите рѣшеніе мое неправильнымъ, вы можете обжаловать его въ двухнедѣльный срокъ, получивъ отъ меня копію рѣшенія“.

— Обжаловать!—отвѣтилъ господинъ П.,—нѣтъ, этого я не сдѣлаю... Какъ корреспондентъ многихъ журналовъ и газетъ,—при этихъ словахъ онъ круто обернулся ко мнѣ,—предамъ я все это гласности. Да.., именно гласности, которая одна только можетъ вывесть изъ мрака къ свѣту всѣ уродливыя явленія нашей жизни.

— Довольно, довольно,—уже не сдерживая себя, сказалъ судья, задвигавшись какъ-то нервно на стулѣ. Все это къ дѣлу не относится... Еще разъ предлагаю сторонамъ помириться.

Двадцать пять рублей, присужденныхъ судьею за убитое животное, привели врага моего въ большое замѣшательство. Такъ какъ денегъ у братьевъ не водилось, а добыть ихъ у кого-либо, хотя бы у тѣхъ же дачниковъ, представлялось очень затруднительнымъ, то „мораль“ г-на П. свелась къ тому, что онъ сталъ меня просить прекратить это дѣло за примиреніемъ сторонъ. Я протянулъ ему руку.

Пріѣхавши домой, я засталъ тамъ батюшку, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ меня.

— Ну, какъ... познакомились?

— Да..., познакомился.

— Ну, что.., каковъ гусь?

— Какой-то странный господинъ, отвѣтилъ я.

— И болѣе того, замѣтилъ батюшка. Прямо вредоносенъ...

— А онъ-то и проводилъ на судѣ мораль на счетъ вредоносныхъ членовъ общества.

— Ого! на счетъ всякихъ моралей онъ великій мастеръ. Краснобай.., ужъ какъ разведетъ свою мораль, такъ только уши развѣшивай. Конечно, насъ съ вами этимъ онъ не удивитъ, а вотъ на прочій людъ, наипаче простой народъ, дѣйствуетъ и зѣло. Мужикъ вообще, а нашъ малороссъ особливо, по природѣ своей крайне недовѣрчивъ, а ему вѣрятъ, и слова его рѣчей дѣйствуютъ на нихъ. Прошлое лѣто въ саду своемъ онъ подстрѣлилъ одну тутъ бабу, Маріей Прудченковой звали ее... Баба полѣзла на дерево обрывать ягоды, онъ ее замѣтилъ, да и всадилъ ей зарядъ изъ ружья. Но зарядъ былъ изъ мелкой дроби, бекасинника, угодилъ онъ ей въ мягкія части тѣла..., поранилъ ее только, а вреда существеннаго не нанесъ. Ну, баба давай кричать, выть...; собрались мужики—къ отвѣту тянуть его, и что же?—вывернулся; сказалъ, что стрѣлялъ онъ въ шпаковъ, а не бабу; да такъ разсказалъ убѣдительно, что

мужики и повѣрили ему, да еще и бабу ругать стали, что лазитъ по чужимъ садамъ.

— Да..., моралистъ..., но мораль его дѣйствуетъ развращающимъ способомъ на людей. Вѣдь вотъ чему онъ учитъ:—„любовь, говоритъ, какъ даръ свыше, должна быть свободна во всѣхъ ея проявленіяхъ“.—А отсюда у него, какъ это ни странно, вытекаетъ и свобода дѣйствій, поступковъ и свободный взглядъ на внѣбрачное сожительство... Мнѣ, какъ духовному пастырю, всѣ эти его философствованія крайне не нравятся, что я открыто и высказываю и за что онъ наипаче не взлюбилъ меня. Моралистъ..., а мораль-то его сводится къ тому только, чтобы поучать молодежь „свободной любви“, а молодежь, и наипаче дѣвицы, прямо въ восторгѣ отъ него.

— Была у насъ здѣсь сельская учительница, Вѣрой Степановной ее звали. Дочь когда-то состоятельныхъ, но обѣднѣвшихъ родителей, нынѣ уже умершихъ, эта стройная, красивая, молодая дѣвушка лѣтъ 17—18, прямо со школьной скамьи прислана была въ школу нашу. Съ великимъ усердіемъ принялась она за дѣло обученія и воспитанія дѣтей. Умная, религіозная, дѣвушка эта имѣла хорошее нравственное вліяніе на школьниковъ своихъ, которые любили ее всѣми силами своей дѣтской души. Мы вмѣстѣ съ народомъ нахвалиться не могли нашею молодою учительницею. Дѣло это шло такъ года два. Упала ли у нея прежняя энергія, или другая какая причина была, но молодое это существо стало скучать. Міръ простого человѣка съ его взглядами, нравами, обычаями были всетаки чужды ей; она начала тяготиться своимъ одиночествомъ, стала искать подходящаго для себя общества... и оно нашлось для нея и въ лицѣ дачниковъ, и въ лицѣ самого „моралиста“.

— Какой умный, развитой, начитанный человѣкъ, — какъ-то разъ сказала она мнѣ про него, познакомившись съ нимъ въ школѣ, куда пришелъ онъ послушать ея преподаваніе.

— Бойтесь волка въ овечьей шкурѣ, — сказалъ я ей, но слова его „умной“ рѣчи, его ласкающее обращеніе съ нею завладѣли уже воображеніемъ этого молодого существа, и слова мои, какъ понялъ я, стали гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Я сталъ замѣчать, что учительница наша уже не съ такимъ рвеніемъ занимается съ дѣтьми, уже по временамъ стала и манкировать уроками, а потомъ съѣхались дачники, вступила и она въ круговоротъ ихъ жизни, а съ отъѣздомъ ихъ переѣхала въ домъ „моралиста“. Наступила зима съ ея обычною школьною жизнью, но для школы она уже не существовала. Походила въ школу что-то съ мѣсяцъ, другой, да и совсѣмъ прекратила занятія. И слава ея, какъ талантливой учительницы, разсѣялась, какъ утренній туманъ послѣ восхода свѣтила

небеснаго. А жаль и велико прискорбно стало и за нее саму, какъ многоспособную и многообѣщающую особу, и за ея искалѣченную жизнь. Слыхалъ я потомъ, что она, проживши у него что-то съ годъ, исчезла съ нашего горизонта.

— Поразсказалъ бы я вамъ и еще кое-что, да пора мнѣ уже и „до лясу“, какъ любилъ выражаться вашъ предшественникъ.

Батюшка сдѣлалъ уже движеніе къ выходу, но я его остановилъ, предложивъ ему одинъ вопросъ, который меня занималъ всю дорогу, и отвѣтъ на него меня очень интересовалъ.

— Не сумѣете ли, батюшка, объяснить мнѣ — почему на судѣ онъ отрекомендовался мнѣ Николаемъ Николаевичемъ старшимъ?

— А видите ли, у него есть сынъ того же имени. Старикъ съ женою своею жилъ плохо. Она уже много лѣтъ какъ бросила его, удалившись, какъ сказывали, отъ сего грѣховнаго, суетнаго міра въ одинъ изъ монастырей. При немъ остался тогда мальчикъ лѣтъ 7—8, единственный ребенокъ отъ его законнаго сожительства. Мальчикъ выросъ, обратился уже въ юношу, и стало въ домѣ два Николая Николаевича. Такъ и въ письмахъ обозначали—Н. Н. старшему, Н. Н. младшему. Со временемъ, будучи уже совершенно взрослымъ молодымъ человѣкомъ, младшій покинулъ свой отчій домъ, поступивъ, какъ сказывали, въ труппу какихъ-то странствующихъ артистовъ, а съ уходомъ его прекратилось и различіе наименованій, а почему онъ нынѣ такъ отрекомендовался вамъ—Христосъ его знаетъ. Больше для важности, изъ подражанія великимъ особамъ. Психопатъ..., чистой пробы,—закончилъ батюшка, прощаясь со мною.

На другой день посланный отъ „старшаго“ принесъ мнѣ цѣлую кипу какихъ-то книгъ и газетъ съ короткимъ письмомъ отъ него такого содержанія:

„М. Г.! Отъ вчерашняго знакомства съ Вами—къ сожалѣнію въ камерѣ судьи,—я понялъ, что я имѣю дѣло съ просвѣщеннымъ и гуманнымъ, въ силу отношеній Вашихъ къ меньшему брату, человѣкомъ. Гордыня духа не свойственна Вамъ. Умъ и душа Ваши, въ соединеніи съ Вашей симпатичной наружностью, произвели на меня наилучшее впечатлѣніе. Я не смотрю на людей сквозь призму увеличительнаго стекла, а понимаю ихъ такъ, какъ они есть на самомъ дѣлѣ. Меня называютъ послѣдователемъ незабвеннаго Льва Николаевича, но „о непротивленіи злу“ я понимаю нѣсколько иначе, что Вы и замѣтите изъ статей моихъ въ научномъ отдѣлѣ присылаемыхъ при этомъ Вамъ газетъ.

Вашъ Н. Н. П.

NB. Мои дачники просятъ Васъ отпускать имъ хлѣбъ и молоко,

по примѣру Вашего предшественника, по цѣнѣ 2 к. фунтъ печенаго хлѣба и 10—15 к. кувшинъ молока".

Бѣговыя дрожки уже были поданы мнѣ, чтобы ѣхать въ поле, и я приказалъ кухаркѣ своей принять этотъ ворохъ старыхъ газетъ. Сварливая старуха, доставшаяся мнѣ по наслѣдству отъ предшественника моего, какъ-то косо, недружелюбно поглядѣла на свертокъ и, вырвавъ его изъ рукъ посланнаго, бросила ихъ на свою кровать, проговоривъ: — „опять начавъ лазыте со своими газетами, мовъ (будто) шо и путне (стоющее)"; а когда возвратился я съ поля и потребовалъ посылку, то ея не оказалось, такъ какъ кухарка моя сейчасъ же послѣ моего отъѣзда вручила ее обратно посланному. На мое замѣчаніе — зачѣмъ она это сдѣлала, старуха отвѣтила мнѣ: — „а шо-жъ..., мышей только будемъ разводыть его газетами".

Мнѣ такъ и не удалось познакомиться съ научными статьями своего сосѣда, такъ какъ, отнеся такое невниманіе къ его таланту ко мнѣ лично, онъ больше ничего не присылалъ мнѣ изъ своихъ сочиненій. Послѣ разговора съ дачникомъ и батюшкой меня не тянуло къ нему. Я могъ только со стороны наблюдать и жизнь самого „моралиста" и его колоніи, которая становилась для меня какою-то сомнительною, благодаря частому посѣщенію ея полицейскимъ начальствомъ, съ приставомъ включительно.

— Политики какой я тамъ не обрѣлъ,—сообщилъ мнѣ какъ-то становой приставъ, заѣхавшій ко мнѣ,—а на счетъ любви—дѣло тамъ у нихъ обстоитъ гладко. Въ такомъ родѣ и реляцію я отписалъ господину исправнику. Одна изъ дѣвицъ и меня, старика, присоглашала въ свою коммуну, этакая проказница, ей-Богу! Я-бы уже и не ѣздилъ—соблазнъ одинъ, да что дѣлать—служба. Приказъ: поѣзжай, да осмотри, да опроси..., а что тутъ и спрашивать, коли одинъ тамъ фильтръ (флиртъ) завелся; да еще и тебя тамъ профильтруютъ такъ, что и косточекъ своихъ не соберешь...—закончилъ словоохотливый приставъ, послѣ нѣсколькихъ рюмокъ водки, выпитыхъ имъ во время закуски.

Мнѣ ужасно надоѣла эта пустая болтовня подвыпившаго пристава. Мнѣ и по дѣлу нужно было скоро уѣзжать изъ дому, а тутъ господинъ этотъ со своимъ „фильтромъ". На помощь мнѣ явилась дѣвушка-прислуга, сказавъ, что лошади готовы.

— Да... пора и мнѣ, засуетился приставъ,—и съ этими словами поднялся со своего стула, чтобы ѣхать дальше.

Заносѧ ногу на ступеньку своей брички, онъ упалъ на землю и, садясь снова въ нее, проговорилъ мнѣ: „это со мною случается

второй разъ. Всѣ случаи въ моей жизни бываютъ со мною по два раза. Два раза рождался, — такъ въ метрическихъ записяхъ значится,—два раза вѣнчался, два раза тонулъ, два раза...", но ямщикъ не далъ договорить приставу, ударилъ по лошадямъ, зазвонилъ оглушительно колокольчикъ, и приставъ, держа все время руку подъ козырекъ, выѣхалъ со двора. Вслѣдъ за нимъ уѣхалъ и я.

Возвратившись домой, я засталъ тамъ цѣлую кипу всякой корреспонденціи, доставленной мнѣ со станціи ж. д. почтаремъ моимъ. Среди нея были и письма, адресованныя на имя моего сосѣда.

Между ними было одно открытое письмо, обратившее мое вниманіе своею надписью на адресѣ: станція такая-то, такой-то ж. д. Его Свѣтлости, князю Н. Н. П.

— Что за притча?—подумалъ я.—Вѣдь онъ же не княжескаго роду, а тутъ еще и „Свѣтлости". Имя и отчество и фамилія—его, но при чемъ же тутъ „Свѣтлость"? Содержаніе письма, вѣроятно, подумалъ я, объяснитъ мнѣ это недоразумѣніе.

Мелкимъ, женскимъ почеркомъ было написано.

„М. Г. князь Н. Н.! Въ № (такомъ-то) газеты (такой-то) я прочла, что Вы, князь, съ чисто гуманною цѣлью устроили въ усадьбѣ имѣнія своего безплатный пріютъ-школу для дѣтей школьнаго возраста. Я бы очень желала помѣстить на лѣтнее каникулярное время на Ваше попеченіе сына моего — мальчика 10 лѣтъ. Если у Васъ еще имѣются свободныя мѣста, то сообщите, князь, чѣмъ премного обяжете меня". Дальше слѣдовала подпись.

Я прямо руками развелъ отъ удивленія. Два года я уже проживалъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ господиномъ П. и ни о „свѣтломъ" происхожденіи его, ни о какой-то школѣ-пріютѣ я не слыхалъ. Письмо я передалъ по назначенію.

Прошло, вѣроятно, съ недѣлю времени. Сидѣли мы въ палисадникѣ, выходящемъ на улицу. Невысокая рѣшетка отдѣляла улицу отъ нашего садика, такъ что и мы свободно видѣли всѣхъ проходящихъ и проѣзжающихъ по улицѣ и можно было видѣть и насъ, находящихся въ палисадникѣ.

Солнце уже склонялось къ горизонту, когда увидѣли мы ѣдущій шагомъ извозчичій экипажъ; въ немъ сидѣли двѣ дамы съ мальчикомъ. Дамы нерѣшительно оглядывались по сторонамъ, словно онѣ чего-то или кого-то разыскивали. Увидѣвъ насъ, сидящихъ въ палисадникѣ, извозчикъ остановился и что-то шепнулъ дамамъ.

— Будьте такъ любезны,—обратилась къ намъ одна изъ дамъ,— не можете ли сказать намъ—какъ проѣхать къ господину Н. Н. П?

Я указалъ дорогу.

— А не знаете ли—можемъ мы разсчитывать тамъ на гостепріим-

ство и удобный ночлегъ, такъ какъ возвращаться на станцію уже поздно?.

— А поѣсть намъ тамъ дадутъ?—обозвался мальчикъ.

— А сѣна дадутъ тамъ для коней?—спросилъ извозчикъ.

— Хотя деревня,—отвѣтилъ я путешественникамъ,—находится, по обычаю, на особомъ положеніи гостепріимства, но въ данномъ случаѣ, какъ мнѣ извѣстно, такого гостепріимства, о которомъ вы запрашиваете меня, вы тамъ не найдете. Ни удобствъ ночлега, ни сытнаго ужина, ни сѣна для лошадей тамъ не найдется.

— Ну, а какъ же быть намъ?—заговорили всѣ разомъ.

— Милости просимъ къ намъ,—отвѣтилъ я. У насъ подночуете, а завтра утромъ вы и побываете тамъ.

Послѣ нѣкотораго замѣшательства дамы согласились на наше предложеніе.

— Жена инспектора Х-ской гимназіи,—отрекомендовалась дама постарше.—Это моя бонна, а это сынокъ мой. Здоровья онъ слабаго. Нужны ему и чистый воздухъ, и хорошее питаніе, и физическія упражненія... Мы съ мужемъ уѣзжаемъ на два мѣсяца на одинъ изъ заграничныхъ курортовъ и сына своего хотѣли бы пристроить такъ, чтобы онъ могъ съ пользою для своего здоровья провесть это время. Вашъ князь все это предоставляетъ дѣтямъ, какъ пишетъ онъ въ газетахъ. Вотъ, не угодно ли вамъ прочитать.

Дама вынула изъ саквояжа своего № Губернскихъ Вѣдомостей и, подавая мнѣ, прибавила:—„вотъ вы тутъ все найдете“.

— Я прямо удивленъ и пораженъ, сударыня, сказалъ я, прочитавъ извѣщеніе моего сосѣда.—До этого времени я только зналъ, что къ нему съѣзжается молодежь для лѣтняго пребыванія, а о школѣ для дѣтей я положительно ничего не слыхалъ. Если бы школа, о которой идетъ рѣчь въ газетѣ, открылась на-дняхъ только, то и тогда священникъ нашъ зналъ бы объ этомъ, такъ какъ онъ всегда находится въ курсѣ дѣлъ, касающихся моего сосѣда. Быть можетъ, что и онъ проглядѣлъ это, своего рода, событіе... Завтра отправитесь къ нему и убѣдитесь въ правильности сообщенія.

Утромъ вся эта компанія отправилась пѣшкомъ къ сосѣду моему, а, возвратившись отъ него, инспекторша сообщила мнѣ, что „ничего подобнаго у него нѣтъ“, что онъ только объ этомъ мечтаетъ.

— Пусть, говоритъ, сынъ вашъ остается у меня и положитъ начало осуществленія моей великой идеи.—Но, помилуйте, заявила дама, могу ли оставить сына при такой ужасной обстановкѣ. Я вѣдь вообразила себѣ, что сынъ мой будетъ жить въ имѣніи у состоятельнаго помѣщика, гдѣ онъ будетъ окруженъ и заботливостью, и удобствами, и комфортомъ, а упражняясь физическимъ трудомъ на чи-

стомъ воздухѣ, будетъ набираться и силъ и здоровья. Я думала, что князь, вельможа...

— Да съ чего вы, сударыня, взяли, что онъ князь? спросилъ я у наивной дамы, которая повѣрила, и такъ легко, газетной рекламѣ.

— Да какъ же? такая фамилія только бываетъ княжеская. И только князья могутъ развивать такъ далеко свою благотворительность. И было написано такъ хорошо, такъ все ясно, что я и повѣрила... Мой мужъ инспекторъ гимназіи. На его попеченіи сотни дѣтей и вдругъ—такой обманъ, такой обманъ..—волновалась дама. Все это я предамъ гласности, напишу опроверженіе въ той же газетѣ и ужъ раздѣлаю его, этого, съ позволенія сказать...—Отъ волненія жена инспектора не могла подобрать соотвѣтствующаго эпитета для моего бѣднаго сосѣда и съ этимъ и уѣхала.

Въ одно изъ слѣдующихъ воскресеній, послѣ обѣдни, я зашелъ къ батюшкѣ на „чашку чая". Разсказалъ я ему про визитъ инспекторши и весь этотъ разговоръ съ нею послѣ посѣщенія ею господина П.

— Какъ же это такъ, что я не освѣдомленъ былъ объ этомъ, удивился батюшка. Должно быть, старуха его опять запила и на село не ходитъ, а то вѣдь она—нашъ неизмѣнный репортеръ. Ну, однако, куда нашъ „князь" хватилъ. Помѣстить въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ такого большого города, какъ Х., вотъ этакое-то „приглашеніе". Нѣтъ, этотъ номеръ у него не пройдетъ, а вотъ на счетъ танцъ-класса, такъ, кажется, дѣло у него тамъ обстоитъ иначе.

— Какого танцъ-класса?—полюбопытствовалъ я.

— Да развѣ вы не слыхали? Да? Ну такъ поразспросите у вашей бывшей горничной Маріи Гайдебуровой. Она частенько мимо же вашихъ оконъ ходитъ къ нему на уроки. Поговорите-ка съ нею, она можетъ многое вамъ поразсказать. Съ дачниками у него что-то не ладится, да и полиція ужъ очень напираетъ на него; того и гляди, что съ дачниками произойдетъ крахъ. Со школой-пріютомъ, очевидно, тоже не ладится дѣло, но вотъ онъ и придумалъ новое дѣло—поставлять крестьянскихъ дѣвицъ въ какое-то увеселительное заведеніе города Одессы, а предварительно сталъ обучать ихъ танцевальному искусству и пріятному, обходительному обращенію съ мужчинами. Завелъ у себя что-то вродѣ танцъ-класса. Сказываетъ, что преподавательницею этого милаго искусства состоитъ одна изъ дачницъ одесситокъ. Женщина, какъ сказываютъ, нрава и взгляда свободныхъ. Туда учиться ходитъ не одна Гайдебурова, но и еще кое-кто изъ дѣвицъ нашего села. Я уже и батькамъ ихъ нотацію читалъ на счетъ ихъ дочекъ, да и не знаю—поможетъ ли это.

Я ужасно заинтересовался этимъ новымъ дѣломъ моего сосѣда и съ нетерпѣніемъ ждалъ момента увидѣть мою бывшую горничную и поразспросить у нея подробности этой затѣи „моралиста".

Марія Гайдебурова—дѣвушка высокая, стройная, съ толстою длинною русою косою, съ темными бровями на румяномъ лицѣ, производила впечатлѣніе довольно красивой дѣвушки. Лѣтъ была она 19. Прослужила она у насъ что-то около году и по невѣдомой для насъ причинѣ ушла, а теперь эта невѣдомая причина стала ясна.

Изъ опроса своей ворчуньи кухарки я узналъ правду: „дівчата ходятъ до него (П.) танцовати яку-то катрель (кадриль), да пісень якихъ-то співаты (пѣть), не нашихъ простыхъ, а паньскихъ, шо бъ уміли вони співаты (пѣть) по благородному".

Старуха моя передала, какъ потомъ выяснилось, вѣсти очень правдоподобныя, такъ какъ на второй же день послѣ разговора моего со старухой проходилъ я вечеромъ по нашей улицѣ и услыхалъ гдѣ-то вдали, вблизи усадьбы П., пѣніе знакомаго мнѣ голоса бывшей нашей горничной.

Она пѣла тихо и за отдаленностью разстоянія нельзя было разслышать словъ, но по мѣрѣ приближенія ея къ усадьбѣ моей, слова пѣсни той становились все яснѣе, и я уже отчетливо услыхалъ: „не страдать, а любить я готова тебя". На этомъ голосъ ея оборвался, а потомъ грустная мелодія пѣсни снова возобновилась, и опять услыхалъ я послѣднія слова ея: „мнѣ не жить одной, безъ тебя, другъ ты мой".

Голосъ снова замолкъ и съ большею силою возобновился уже на мотивъ какой-то веселой, забубенной пѣсни.

Дѣвушка замѣтила меня.

Опустивъ глаза внизъ, немного согнувшись, она старалась пройти мимо меня съ видомъ скромности, невинности... Я остановилъ ее.

— Отъ Н. Н.? прямо предложилъ я ей вопросъ.

— Дда..—отвѣтила она тихо, съ опущенными, по обыкновенію, глазами внизъ.

На этотъ разъ мнѣ не удалось получить отъ нея отвѣта на интересующіе меня вопросы, а уже не скоро, послѣ цѣлаго ряда встрѣчъ и разговоровъ съ нею я узналъ, что дѣйствительно она ходитъ къ нему брать уроки танцевъ и пѣнія, и что посулилъ онъ ей большую будущность и славу въ Одессѣ, гдѣ она будетъ зарабатывать и деньги большія.

— Да и еще говорилъ мнѣ, поясняла она: при твоей красотѣ, да при твоемъ голосѣ, да развѣ тебѣ мѣсто въ деревнѣ, гдѣ гибнутъ таланты въ жизни безпросвѣтной. Слова эти, такъ по вкусу

пришедшіяся молодой дѣвушкѣ, произвели на нее, очевидно, сильное впечатлѣніе, и она ихъ, какъ видно, заучила наизусть, не давая, конечно, себѣ яснаго представленія о понятіяхъ—„талантъ“ и „жизнь безпросвѣтная“.

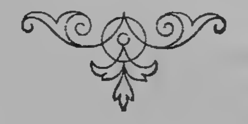
Мнѣ стало ужасно жаль этой молодой дѣвушки, вступающей такъ охотно и такъ безотчетно на ложный путь. Все ея существо было проникнуто стремленіемъ къ жизни лучшей, безъ труда и нужды, къ жизни—гдѣ и слава, и богатство сулилось ей. Охваченная этимъ чувствомъ, стремилась она на этотъ торный путь, и ни въ чьихъ, конечно, силахъ было остановить ее.

Потомъ я слыхалъ, что она съ одною изъ дачницъ уѣхала таки въ Одессу; а еще позднѣе отецъ ея съ радостью сообщалъ сосѣдямъ своимъ, что дочка его много денегъ зарабатываетъ въ Одессѣ и „мнѣ прислала уже двадцать пять рублей“..

— Ну, а двухъ мнѣ таки удалось задержать,—сказалъ мнѣ батюшка въ одну изъ встрѣчъ съ нимъ.—Батьки ихъ все-таки послушали меня и не пустили ихъ туда. Да... что подѣлаешь... ужъ очень соблазнъ великъ. Денегъ, сказываютъ, Марія много шлетъ домой. Вѣдь это такой аргументъ, что мужичку и не совладать съ нимъ. Соблазнъ великъ —не въ мѣру.

— Ну, слава Богу, наступило уже затишье, ибо дачники стали ужъ разъѣзжаться по домамъ, а тамъ наступитъ зима, „моралистъ“ останется одинъ, и ужъ ему будетъ тогда не до „танцъ-классовъ“....

М. С—ъ.

Свиданіе съ Маццини.

Въ то время, къ которому относится моя встрѣча съ Маццини, я проводилъ большую часть моего времени въ Гейдельбергѣ, усердно работая въ лабораторіи Бунзена и слушая лекціи Кирхгофа по нѣкоторымъ отдѣламъ теоретической физики. Наука всецѣло увлекала меня, а политика скорѣе отталкивала, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ въ то время ее проповѣдывали тогдашніе корифеи нашего движенія. Конечно, я былъ, какъ и большинство моихъ современниковъ, горячій сторонникъ представительной формы правленія и мирнаго разрѣшенія нашего вѣкового спора съ Польшей. При этомъ, сколько я себя помню, я всегда враждебно относился къ такъ называемому соціальному движенію, то есть насильственному разрѣшенію соціальнаго вопроса, вполнѣ сочувствуя вмѣстѣ съ тѣмъ всякому успѣху

Отъ Редакціи.

Авторъ воспоминаній Владиміръ Ѳедоровичъ Лугининъ, участвовалъ въ Севастопольской кампаніи въ качествѣ офицера, только что выпущеннаго изъ артилерійскаго училища, которое окончилъ первымъ ученикомъ. По окончаніи Севастопольской войны, онъ поступилъ въ артилерійскую академію, которую окончилъ тоже блистательно. По выходѣ изъ академіи, на военной службѣ оставался, однако, не долго, а выйдя въ отставку, уѣхалъ за границу, для спеціальнаго изученія химіи. Къ этому пребыванію за границей и относится упомянутый разсказъ „Свиданіе съ Маццини“. Впослѣдствіи онъ получилъ въ Россіи степень почетнаго доктора химіи и былъ довольно продолжительное время профессоромъ Московскаго университета по термохиміи.

Теперь онъ—почтенный старикъ—проживаетъ, по болѣзни, за границей, гдѣ, насколько позволяетъ здоровье,—продолжаетъ занятія химіей.

Ред.

кооперативнаго движенія. Эти нѣсколько словъ я принужденъ привести для разъясненія послѣдующаго разсказа, сущность котораго, впрочемъ, мало касается меня лично, въ немъ приводится лишь описаніе моего свиданія съ однимъ изъ создателей современной Италіи, съ Мацццини.

Упоминая о современныхъ дѣятеляхъ русскаго движенія, я долженъ оговориться относительно одного изъ нихъ, а именно—Александра Ивановича Герцена, съ которымъ я уже давно былъ знакомъ, въ то время, къ которому относится настоящій разсказъ. Личность Герцена имѣла на меня всегда огромное обаятельное вліяніе. Я говорю о личности, а не о теоріяхъ его, съ которыми я никогда не могъ согласиться. Меня увлекала его благородная чистая личность, его художественная рѣчь и въ общемъ благородный протестъ противъ господствовавшаго тогда у насъ произвола.

Очень понятно поэтому, что я пользовался всякимъ случаемъ для свиданія съ Герценомъ для того, чтобы провести нѣсколько вечеровъ съ нимъ, слушая его обаятельную рѣчь. Университетскіе порядки Гейдельбергскаго университета дѣлали свиданія эти возможными, благодаря продолжительнымъ вакаціямъ, которыми прерывалось преподаваніе въ университетѣ, весною и осенью. Я это время обыкновенно проводилъ въ Лондонѣ, гдѣ жилъ Герценъ, и оставался тамъ нѣсколько недѣль, а однажды даже записался на это время въ лабораторію Гофмана, который преподавалъ химію въ Лондонской горной школѣ. Одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Лондонъ совпалъ съ появленіемъ тамъ знаменитаго Бакунина, только что бѣжавшаго изъ Сибири. Посѣщая очень часто Герцена, у котораго Бакунинъ бывалъ чуть ли не каждый день, я, очевидно, не могъ не познакомиться съ нимъ, но впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, было совершенно противоположно тому, которое всегда производилъ на меня Герценъ. Ни изящной личности, ни увлекательной рѣчи Герцена я не находилъ у Бакунина. Я находилъ у него всѣ особенности узкаго сектанта, озлобленнаго жизнію, но, какъ казалось мнѣ, совершенно неспособнаго имѣть вліяніе на сколько-нибудь развитаго человѣка. Что касается до меня, то если бы не престижъ долгихъ пережитыхъ страданій въ тюрьмахъ Саксоніи, Австріи и, наконецъ, Россіи, то я, конечно, очень скоро удалился бы отъ него. Между разными особенностями Бакунина мнѣ въ самомъ началѣ нашего знакомства указывали на его страсть утилизировать для цѣлей своей пропаганды всякаго человѣка, съ которымъ онъ сталкивался. Особенность эту мнѣ вскорѣ пришлось испытать на себѣ. Послѣ немногихъ дней знакомства онъ вздумалъ предложить мнѣ отправиться на Кавказъ изучить настроеніе тамошнихъ войскъ

нашихъ въ политическомъ отношеніи. Когда онъ дѣлалъ мнѣ это предложеніе, онъ совершенно не зналъ, какъ я отношусь къ политической дѣятельности и даже къ какому направленію принадлежу и вообще, желаю ли я принимать участіе въ активной политической дѣятельности. Онъ зналъ только, чрезъ Герцена, что я воспитывался въ одномъ изъ военно-учебныхъ заведеній Петербурга. Я, разумѣется, самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергъ это предложеніе Бакунина. Но этимъ предложеніемъ утилизировать меня для своихъ революціонныхъ цѣлей дѣло не окончилось, и, встрѣтивъ меня черезъ нѣсколько дней, онъ сдѣлалъ мнѣ новое предложеніе, которое меня очень соблазнило. На этотъ разъ дѣло шло не о русскомъ революціонномъ движеніи, не о братьяхъ славянахъ, въ то время излюбленныхъ дѣтищахъ Бакунина, а объ участіи въ ожидаемомъ новомъ покушеніи Гарибальди высадиться гдѣ-нибудь въ южной Италіи и двинуться на Римъ. Оказывалось, что ему нужны были офицеры, особенно артиллеристы, и таковыхъ вербовалъ ему жившій тогда въ Лондонѣ Маццини. Мысль примкнуть къ экспедиціи Гарибальди меня чрезвычайно соблазняла, какъ по дѣлу, которому я готовъ былъ служить, такъ и благодаря имени Гарибальди. Но исполненію этого проекта представлялось очень серьезное препятствіе, а именно—недостатокъ денегъ. Какъ я уже упоминалъ, я пріѣхалъ въ Лондонъ на время вакацій Гейдельбергскаго университета и взялъ съ собою только незначительное количество денегъ, какое было нужно для кратковременнаго пребыванія; къ тому жъ деньги эти были уже на исходѣ. А для того, чтобъ выписать денегъ изъ Петербурга, требовалось довольно продолжительное время, по крайней мѣрѣ двѣ недѣли; ѣхать же къ Гарибальди надобно было спѣшно—черезъ два, много три дня. Бакунинъ, впрочемъ, отнесся къ этому затрудненію очень легко. Увѣривъ меня, что Герценъ ссудитъ меня нужными деньгами, благо, онъ давно знаетъ меня, что терять нечего времени и что завтра же надобно отправиться къ Маццини. Не помню, по какой причинѣ мы не могли въ тотъ же вечеръ переговорить съ Герценомъ о нужныхъ мнѣ деньгахъ и объ условіяхъ, на которыхъ я желалъ сдѣлать у него заемъ, по всей вѣроятности его въ это время не было дома. Во всякомъ случаѣ я повѣрилъ увѣреніямъ Бакунина, и на другой день мы отправились къ Маццини, котораго Бакунинъ предупредилъ о цѣли нашего посѣщенія. Маццини, когда я былъ представленъ ему, имѣлъ видъ бодраго, далеко не стараго человѣка, очень сухощавъ, держался чрезвычайно прямо и вообще имѣлъ видъ, нѣсколько напоминавшій отставного военнаго, какіе довольно часто встрѣчаются за границей, особенно во Франціи. Онъ все время говорилъ на фран-

цузскомъ языкѣ, на которомъ объяснялся совершенно свободно, и, на сколько я могъ замѣтить, безъ всякаго акцента. Говорилъ онъ скорѣе медленно, а не какъ южанинъ-италіанецъ. Бакунина онъ встрѣтилъ очень любезно, какъ хорошаго знакомаго. Меня—также очень любезно, особенно когда я объяснилъ ему мое желаніе посильно служить дѣлу Италіи, подъ знаменами великаго Гарибальди, но что въ настоящее время я не могу еще взять опредѣленнаго обязательства, по причинѣ, не зависящей отъ моей воли; а именно—препятствіемъ, какъ я надѣюсь, временнымъ, является недостатокъ денегъ, но что Бакунинъ положительно обѣщалъ мнѣ доставить нужную небольшую сумму, и не позже завтрашняго дня, а слѣдовательно для того, чтобы дать ему положительный отвѣтъ, я просилъ у него нѣсколько часовъ времени. Тутъ Маццини прервалъ меня, сказавъ: Такъ мы и будемъ говорить о Вашей поѣздкѣ пока условно; а пока объясню Вамъ, въ чемъ будетъ состоять Ваше порученіе. Васъ же прошу только хранить пока въ тайнѣ то, что я сообщу Вамъ. Затѣмъ онъ подробно сообщилъ мнѣ тотъ маршрутъ, которымъ я долженъ былъ слѣдовать, для того чтобы достичь мѣста высадки Гарибальди. Для этого я долженъ былъ сперва отправиться въ Миланъ, чтобы передать записку отъ Маццини бывшему диктатору Римской республики 1848 года Аурелію Саффи и получить отъ него подробное указаніе того пути, которымъ я долженъ былъ слѣдовать, для того чтобы присоединиться къ высаживавшемуся уже отряду Гарибальди, о которомъ въ то время у Маццини были только смутныя свѣдѣнія. Въ заключеніе Маццини вручилъ мнѣ краткую записку къ Саффи, въ которой, если я не ошибаюсь, онъ упоминалъ о какихъ-то пушкахъ, которыя должны были быть при отрядѣ Гарибальди. Этимъ окончилась дѣловая часть нашего разговора. Но вслѣдъ за нимъ онъ разсказалъ намъ, то есть Бакунину и мнѣ, чрезвычайно интересный эпизодъ, который и побудилъ меня сообщить всѣ эти замѣтки. Вопреки своей обычной сдержанности, онъ разсказалъ намъ, что во время Восточной войны онъ получилъ отъ Императора Николая Павловича предложеніе начать политическое движеніе въ Ломбардо-Венеціанскихъ областяхъ Австріи. Не знаю точно, къ какому времени это предложеніе относится, но, очевидно, что Императоръ Николай уже предчувствовалъ въ Австріи противника и готовилъ ему диверсію.

Одно условіе, поставленное Императоромъ Николаемъ Павловичемъ для ссуды Маццини очень значительной суммы, кажется, нѣсколькихъ милліоновъ, было—чтобы движеніе имѣло характеръ монархическій, и на этомъ условіи все дѣло не состоялось. Маццини ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы предполагаемое движеніе имѣло рес-

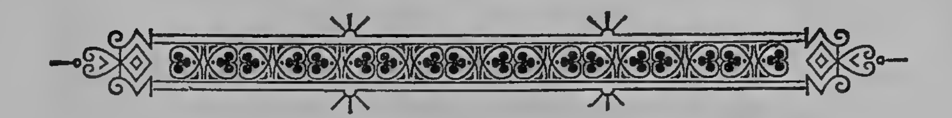
публиканскій характеръ, а Императоръ Николай напротивъ соглашался оказать поддержку Маццини только въ томъ случаѣ, если оно будетъ сдѣлано въ пользу монархіи, именно—Савойскаго дома. Онъ ставилъ это необходимымъ условіемъ, несмотря на то, что враждебныя отношенія Сардиніи уже выяснились. На этомъ дѣло и разстроилось. Маццини говорилъ намъ, что онъ не имѣлъ никакого предубѣжденія противу дѣйствія совмѣстно съ Императоромъ Николаемъ, и что онъ готовъ былъ бы дѣйствовать, съ кѣмъ угодно, лишь бы это было въ пользу Италіи и противъ коренныхъ враговъ Италіи, противъ Австріи и папы.

Маццини окончилъ свой любопытный разсказъ, назвавъ и того главнаго агента, чрезъ котораго всѣ эти переговоры происходили; это былъ знаменитый въ то время итальянскій пѣвецъ, теноръ итальянской оперы въ Петербургѣ, Тамберликъ. Мое первое впечатлѣніе, услышавъ это имя, было удивленіе, но короткаго размышленія было достаточно для того, чтобы согласиться съ Маццини, что выборъ Тамберлика тайнымъ агентомъ при этихъ переговорахъ, требовавшихъ полной тайны и большой ловкости, былъ очень удаченъ.

Къ этому же долженъ добавить, что какъ личность Маццини, такъ и та обстановка, при которой онъ разсказалъ намъ этотъ эпизодъ, совершенно исключаютъ возможность какой-либо неправды. Таково было впечатлѣніе, которое онъ произвелъ и на Бакунина. Я долженъ добавить, что предполагавшаяся экспедиція не могла состояться, вслѣдствіе недостатка денегъ. Герценъ ихъ не далъ, объясняя свой отказъ самою ненужностію поѣздки, о чемъ разсказалъ въ посмертныхъ своихъ сочиненіяхъ. Я долженъ былъ отправиться къ Маццини вторично и возвратить ему данные имъ мнѣ документы.

В. Лугининъ.

Севастопольскія воспоминанія.

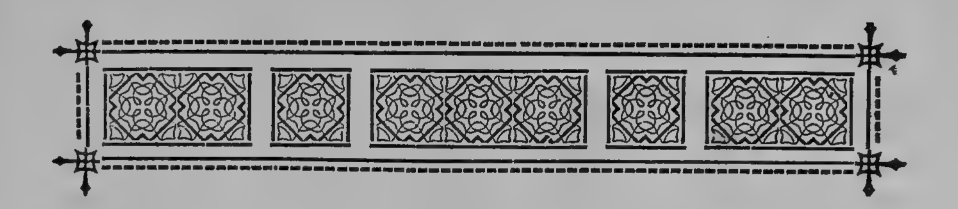
1853 г.

Въ теченіе мая, іюня, іюля и начала августа изъ артиллерійскаго главнаго управленія командировали въ Севастополь по одному офицеру въ распоряженіе начальника артиллеріи, генерала Шейдемана, въ качествѣ ординарца, срокомъ на двое сутокъ. Такимъ образомъ и на мою долю выпало дежурить у генерала Шейдемана дни, непосредственно слѣдовавшіе послѣ отбитаго штурма, и я полагаю не безынтереснымъ разсказать маленькій эпизодъ, послѣдовавшій за этимъ славнымъ и, кажется, единственнымъ утѣшительнымъ эпизодомъ геройской обороны. Штурмъ былъ отбитъ раннимъ утромъ, и усиленная пальба почти совершенно прекратилась. Мы возвращались съ генераломъ Шейдеманомъ на нашу главную квартиру недалеко отъ площади. На душѣ было радостно, какъ-то даже празднично, радостно, ибо мы съ успѣхомъ вышли изъ тяжелаго испытанія. Пріятно было и то, что лично мы чувствовали себя въ сравнительной безопасности и могли отдохнуть отъ тяжелыхъ трудовъ. Вдругъ навстрѣчу намъ скачетъ во всю прыть казакъ. Поровнявшись съ генераломъ, онъ осадилъ лошадь и подалъ какую-то бумагу. Генералъ прочелъ ее и, обращаясь ко мнѣ, объявилъ, что на насъ выпала новая бѣда: на одинъ изъ бараковъ, построенныхъ вдоль канала, въ довольно пустынномъ мѣстѣ и въ которомъ обыкновенно хранились снаряды, упала граната; крыша загорѣлась, и всѣмъ снарядамъ, числомъ около 6 тысячъ, грозила гибель. Вскорѣ мы приблизились къ берегу канала, гдѣ находился горящій баракъ. Глазамъ нашимъ представился совершенно пустынный берегъ, занимающаяся крыша досчатаго зданія и отъ времени разрывающіяся гранаты. Средствъ для тушенія никакихъ. Разумный человѣкъ постарался бы спасти ящики со снарядами, а такихъ ящиковъ въ баракѣ было немало, но мой генералъ рѣшился взять

быка за рога. Съ нами было четыре казака. Двухъ онъ взялъ съ собою, а двухъ командировалъ со мною и послалъ меня съ двумя казаками съ приказаніемъ начать тушить крышу съ одного конца, а самъ съ двумя казаками принялся за то же дѣло съ другого конца. Въ усиленіе онъ приказалъ мнѣ, по мѣрѣ силъ, собрать людей съ ближайшихъ улицъ и стараться тушить, чѣмъ попало. Въ концѣ барака было нѣсколько извилистыхъ переулковъ, въ которыхъ въ то время уже была кой-какая жизнь: въ лавкахъ торговали, возлѣ стояли кадки съ квасомъ, и кое-гдѣ бродилъ народъ. Въѣхавши въ одну изъ такихъ улицъ, я обратился къ толпѣ и старался уговорить помочь мнѣ тушить горящую крышу; должно быть, мое рвеніе было такъ сильно, что человѣкъ десять присоединились къ нашей небольшой кучкѣ; опростали нѣсколько чановъ съ квасомъ и двинулись къ выходу изъ кривого переулка на берегъ канала, у котораго все болѣе и болѣе разгорался баракъ. Мы постарались захватить воды изъ канала въ наши кадки и плескали изъ нихъ въ горящую крышу, но, очевидно, безъ всякаго результата. Между тѣмъ пожаръ все усиливался, и осколки все чаще пролетали мимо насъ; наконецъ, случилось неизбѣжное: осколкомъ задѣло одного изъ нашей кучки, онъ растянулся, и въ одно мгновеніе моей кучки какъ бы не стало. И добровольцы и казаки— все исчезло. Мы съ трудомъ подняли раненаго, къ счастію, не особенно опасно, и изъ переулка, откуда начался нашъ походъ, отнесли въ ближній лазаретъ. Послѣ такого неизбѣжнаго результата я съ моими вернувшимися казаками отправился на противуположный конецъ горящаго барака отыскивать генерала. Его эпопея была похожа на мою, но только у него не было раненыхъ. Мы направились домой. На счастье, почти вслѣдъ за нами, къ горящему бараку подоспѣла серьезная сила съ пожарной трубой. Быстро принялись не только тушить крышу, но и освобождать баракъ отъ ящиковъ съ патронами, съ чего и намъ бы слѣдовало начать.

В. Лугининъ.

„Завѣщательныя распоряженія" графа А. А. Аракчеева, собственноручно написанныя на листахъ напрестольнаго Евангелія 1833 года въ Андреевскомъ соборѣ села Грузино.

Въ статьѣ г. С. Никольскаго „Аракчеевская премія" [1]) сказано, что подлинникъ завѣщанія графа А. А. Аракчеева хранится въ Императорской Академіи Наукъ, а копія съ него въ дѣлахъ департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія; между тѣмъ, есть еще вторая копія съ этого завѣщанія, которая собственноручно написана графомъ Аракчеевымъ на листахъ одного напрестольнаго Евангелія въ Андреевскомъ соборѣ села Грузино. Судя по тому, что эта копія написана въ напрестольномъ Евангеліи подъ печатнымъ текстомъ съ обѣихъ сторонъ листа, нужно думать, что графъ Аракчеевъ нарочно такъ сдѣлалъ, чтобы сохранить одну изъ копій со своего завѣщанія, если будетъ потеряна та, о которой говорится въ 17 пунктѣ его завѣщанія.

Копія Аракчеевскаго завѣщанія въ Евангеліи отличается отъ завѣщанія въ статьѣ г. С. Никольскаго тѣмъ, что имѣетъ такое заглавіе:

„Завѣщательное распоряженіе

о

предназначаемой наградѣ за лучшее сочиненіе исторіи царствованія императора всероссійскаго Александра I-го" и такую приписку: „На подлинномъ завѣщаніи хранящемся въ россійской Академіи наукъ и въ копіи находящейся у моего потомка владѣющаго Грузинскою отчиною: высочайшее Его Императорскаго Величества Го-

[1]) „Русская Старина" январь 1910 г. стр. 74—80.

сударя Императора Николая Павловича утвержденіе чрезъ министерство народнаго просвѣщенія слѣдующее: Его Императорское Величество изволилъ изъявить на сіе высочайшее свое согласіе 10 апрѣля 1833 года. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Тайный совѣтникъ Сергѣй Норовъ. Съ подлиннымъ вѣрно: Генералъ Графъ Аракчеевъ; все сіе писано собственною графа Аракчеева рукою“. Кромѣ того, это же Евангеліе интересно еще двумя другими собственноручными записями графа Аракчеева: Высочайшаго доклада о Новгородскомъ Аракчеевскомъ Кадетскомъ Корпусѣ и описанія памятника Императору Александру I въ селѣ Грузино, а также и своимъ оригинальнымъ серебрянымъ окладомъ. Копія Высочайшаго доклада объ Аракчеевскомъ Кадетскомъ Корпусѣ начинается чрезъ 2 страницы послѣ копіи съ Аракчеевскаго завѣщанія. Текстъ этого доклада таковъ: „Высочайше Конфирмованный Докладъ и рескриптъ Императора Николая Павловича на имя графа Аракчеева о внесеніи на проценты суммы для содержанія Кадѣтъ въ Новгородскомъ Кадѣтскомъ Корпусѣ въ 1833 году. Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйшій Государь! Внезапная кончина въ бозѣ почивающаго Императора Александра Благословеннаго опечалило не только наше отечество, но даже и целую Европу помнящую его Благодѣяніе при освобожденіи оной отъ владычества Наполеона, носивши на себѣ все его отеческіе милости и пользовавши полною его довѣренностью по свойству человѣческому Я не предполагалъ возможнымъ пережить сего несчастнаго событія и въ тоже время здѣлалъ распоряженіе о устройствѣ моему Благодѣтелю и Государю памятника въ селѣ моемъ Грузинѣ, какъ мѣстѣ, которое посѣщаемо имъ было десять лѣтъ сряду. Господу Богу угодно было продлить мою жизнь и я наслаждаюсь пріятнымъ исполненіемъ моего желанія, открывая въ нынѣшнемъ году памятникъ моему Благодѣтелю Императору Александру Благословенному. Въ благодарность за сію милость Господа Бога Моего ко мнѣ рабу Его, я имею желаніе призрѣть нѣсколько юныхъ Дворянъ, и посему испрашиваю вашего Императорскаго величества соизволенія и высочайшаго утвержденія на слѣдующія мои предположенія:

1. Въ нынешнемъ году въ день открытія въ Грузинѣ монумента вношу я въ Императорскую сохранную Казну Государственными ассигнаціями 300.000 рублей на вѣчныя времена неприкосновенно.

2. Ежегодные съ онаго капитала проценты 12.000 рублей я назначаю въ Новгородскій Кадѣтскій Корпусъ.

3. Испрашиваю высочайшей вашего Императорскаго величества Милости, приказать по числу всей суммы, сверхъ казеннаго штатомъ опредѣленнаго числа Кадѣтъ, содержать приономъ Корпусѣ

Кадетъ, подъ названіемъ Грузинскихъ, что самое и внесть въ издаваемый штатъ онаго Корпуса.

4. Кадѣтъ содержать во всѣхъ частяхъ наравнѣ со штатными.

5. Въ Кадѣты сіи помѣщаются бѣдные дворяне Новгородской и Тверской губерніи на общихъ правилахъ какія для Новгородскаго Корпуса предписаны будутъ.

6. При жизни моей помѣщеніе сихъ дворянъ представить мнѣ. А по смерти моей наслѣдникамъ моимъ, тому Кто грузинской отчиною владѣть будетъ.

7. Естлиже паче чаянія мною или наслѣдниками моими, не будутъ представлены въ законное время къ опредѣленію дворяне, то назначаются къ опредѣленію губернскими предводителями Новгородской и Тверской губерніи по равному числу изъ Бѣдныхъ дворянъ.

8. Естли въ которомъ году, по какому нибудь случаю будетъ остатокъ процентовой суммы, и равномерно, и всѣ проценты до открытія Корпуса остающіеся присоединятся къ капиталу, дабы оной могъ увеличиться, на случай возвышенія въ ценѣ годового содержанія Кадетъ, или измѣненія въ процентахъ на отданной капиталъ.

9. Въ случае же недостатка годовыхъ съ капитала процентовъ на содержаніе назначеннаго числа пансіонеровъ Кадетъ, то число оныхъ должно быть убавлено по числу суммы, дабы ни въ какомъ случае положенный капиталъ не убавлялся.

10. Переводъ означенныхъ пенсіонеровъ Кадѣтъ изъ губерніи въ высшіе курсы, ежелибы таковой былъ назначенъ производиться на общихъ правилахъ, на казенный счетъ вмѣстѣ со штатными Кадѣтами, гдѣ уже онѣ и поступаютъ на казенное содержаніе.

Естли въ послѣдствіи времени по распоряженію Правительства уничтоженъ будетъ Новгородскій Кадетскій Корпусъ, то основатель сего капитала, всеподданнѣйше испрашиваетъ дабы оной капиталъ былъ на сихъ же самыхъ правилахъ переданъ въ другое военное воспитательное училище, гдѣ должны быть на проценты онаго содержимы бедные дворянѣ означенныхъ Новгородской и Тверской губерній. Высочайшее утвержденіе сего моего желанія, Я сочту себѣ новою вашего Императорскаго величества къ подданому старику милостью, и буду молить Господа Бога, дабы Благословилъ и наставилъ Его премудростью юныхъ Грузинскихъ воспитанниковъ быть безъ лести преданными слугами своему Государю. Пребуду до конца моей жизни съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и преданностью всемилостивейшій Государь Вашего Императорскаго величества вѣрнѣйшій вѣрноподданный графъ Аракчеевъ. Село Грузино 30 августа 1833 года въ день тезоименитства покойнаго Императора Александра Благословеннаго.

На семъ докладѣ послѣдовала собственноручная Императора Николая Павловича слѣдующая надпись: Быть по сему. Николай. Царское Село 30 сентября 1833 года. Вѣрно: генералъ графъ Аракчеевъ.

При семъ докладѣ послѣдовалъ рескриптъ отъ Императора Николая Павловича на имя графа Аракчеева слѣдующаго содержанія: „Графъ Алексѣй Андреевичъ! Съ удовольствіемъ соглашаясь съ желаніемъ Вашимъ по предмету воспитанія въ Новгородскомъ Кадетскомъ Корпусѣ дѣтей дворянъ Новгородской и Тверской губерній на проценты вносимыхъ вами въ Императорскую сохранную Казну на вѣчныя времена 300.000 рублей, Я утвердилъ всѣ предположенія ваши, о семъ въ прошеніи ко мнѣ изъясненныя и повелѣлъ по открытіи упомянутаго корпуса привести оныя въ исполненіе, съ тѣмъ чтобы каждый изъ воспитанниковъ, насчетъ капитала сего содержимыхъ имѣлъ на кровати надпись „Грузинскій воспитанникъ“ и гербъ вашъ. Столь благодѣтельнымъ пожертвованіемъ на пользу общую, вы пріобретете право на мою признательность и мнѣ весьма пріятно изъявить вамъ оную.

Пребывая вамъ всегда благосклонный. На подлинномъ рескриптѣ надписано собственною Его Величества рукою Николай. С.-Петербургъ 4 октября 1833 года. Вѣрно: генералъ графъ Аракчеевъ“.

Далѣе, чрезъ листъ, слѣдуетъ описаніе памятника императору Александру I, сооруженнаго въ селѣ Грузинѣ 19 ноября 1833 года:

„Памятникъ въ память въ Бозѣ почивающему покойному Государю Императору Благодѣтелю моему Александру Благословенному 19 ноября 1833 года.

Три фигуры: вѣра, надежда и милосердіе, поднимаютъ бюстъ Императора, а милосердіе одною рукою коронуетъ Его небеснымъ вѣнкомъ съ сіяніемъ; каждая изъ сихъ фигуръ одною рукою поднимаетъ бюстъ какъ бы желая передать оный небу, и другою держитъ свой отличительный признакъ, какъ-то: вѣра съ таинственнымъ покрываломъ на головѣ и священнымъ именемъ Іеговы на персяхъ, правой рукой обнимаетъ крестъ. Надежда, чистая, съ открытою грудью, и твердая, стоитъ, опершись на свой якорь. Милосердіе имѣетъ вѣнокъ изъ листьевъ гранатоваго дерева, и позади себя стоящую подлѣ ногъ пеликана птицу, почитающуюся истиннымъ образомъ чадолюбія или любви Государя къ своему народу. Милосердіе стоитъ на нѣкоторомъ возвышеніи, дабы она свободно могла возлагать вѣнецъ: равносторонній четыреугольный камень служа для сего, означаетъ въ то же время правильность и неизмѣнность въ ея основаніи. Вѣнецъ, которымъ она коронуетъ состоитъ изъ семи звѣздъ, коихъ лучи сіяютъ на бюстъ Благосло-

веннаго. Внизу сихъ фигуръ на верхней части пьедестала, лежатъ на подушкѣ императорскія регаліи: корона, скипетръ и держава. Сіи регаліи, находясь ниже фигуръ, означаютъ, что онѣ остаются здѣсь въ матеріальномъ мірѣ, а три небесныя добродѣтели, отвсюду однимъ воздухомъ окруженныя, возносятъ бюстъ Благословеннаго. У подножія памятника сидятъ двѣ фигуры: россійскій воинъ и освобожденная Европа, въ печальномъ видѣ обратя взоры свои на возносящійся бюстъ. Россійскій воинъ, на правой сторонѣ бюста сидитъ на опрокинутой мортире, подлѣ коей лежатъ нѣсколько ядеръ; одежду его составляетъ національная русская рубаха, опоясанная двумя воинскими ремнями, обувь—короткія тѣсно переплетенныя сандаліи, оружіе его, шлемъ, мечъ, и за спиною лукъ и колчанъ. Подлѣ него стоитъ щитъ съ гербомъ и девизомъ подданнаго слуги покойнаго императора. По другую сторону пьедестала Европа, со скипетромъ въ рукѣ и съ городовой короной на головѣ, какъ повелительница надъ другими частями земли нашей, сидитъ на двухъ рогахъ изобилія, опершись лѣвой рукой на лежащій подлѣ нея книги, глобусъ и нѣкоторые инструменты, извѣстные признаки многообразнаго ея плодородія и промышленности и особеннаго просвѣщенія. Одѣяніе ея древнее греческое: хламида на плечахъ означаетъ воинскій духъ обитателей. Освобожденіе ея представлено переломаннымъ ярмомъ, которое она попираетъ ногой. На гранитномъ пьедесталѣ, съ передней стороны, находится высѣченный барельефомъ въ гранитѣ вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ, а въ серединѣ онаго вензель императора Александра I, а подъ нимъ слѣдующая въ гранитѣ высѣченная надпись

„Государю благодѣтелю
по кончинѣ Его“.

На другой сторонѣ гранитнаго пьедестала слѣдующая надпись:

„Отъ подданнаго
въ 1833 году
царствовалъ
25 лѣтъ“.

По открытіи памятника надѣтъ на русскаго воина на цѣпочкѣ бронзовый крестъ, изъ тѣхъ крестовъ, которые въ оный день розданы народу, въ память сего священнаго дѣла, размѣръ памятника: средній пьедесталъ, на которомъ стоятъ 3 фигуры: Вѣра, Надежда и Милосердіе, цѣльный изъ полированнаго гранита величиною въ длину и ширину $2^1/_2$ аршина, вышиною въ 3 аршина весу 700 пудовъ. Оный пьедесталъ и съ двумя таковыми же боковыми возвышенъ со всѣхъ четырехъ сторонъ на трехъ гранитныхъ цѣльныхъ

ступеняхъ. Основаніе сего памятника съ каждой стороны составляетъ 4 сажени; высота онаго съ фигурами 3 сажени. Весъ бронзовыхъ фигуръ: средній 250 пудовъ и обѣихъ боковыхъ, каждая въ 50 пудовъ, всего 350 пудовъ".

Окладъ Евангелія, помимо своей художественной работы, замѣчателенъ еще своими превосходными финифтевыми образками, различными надписями и арматурами, напоминающими кончину императора Александра I-го.

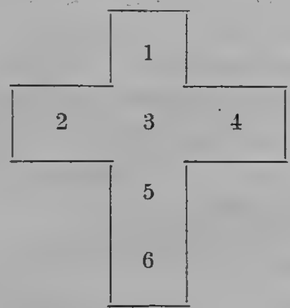
Верхняя доска оклада гладкая и полированная съ 5 большими финифтевыми образками въ рамкахъ изъ тонкаго бордюра, при чемъ бордюръ средняго образка шире другихъ и иного рисунка; кромѣ того, всѣ образки окружены еще тонкимъ бордюромъ; образки расположены такъ: средній больше другихъ и продолговатой формы; на немъ изображена копія съ картины Леонарда-де-Винчи „Тайная Вечеря"; на остальныхъ образкахъ квадратной формы изображены 4 евангелиста, сидящіе на облакахъ, со своими символами; евангелисты Іоаннъ и Матѳей надъ „Тайной Вечерей", а Лука съ Маркомъ подъ ней. По самому краю верхней доски идетъ широкій и красивый бордюръ: на доскѣ, между среднимъ узкимъ бордюромъ и крайнимъ широкимъ находятся слѣдующія чеканныя изображенія: сверху и снизу образковъ буква $\frac{А}{І}$ съ императорской короной наверху (иниціалъ имени Императора Александра I), справа и слѣва средняго образка по два пылающихъ факела, перевитыхъ лентой и опущенныхъ внизъ въ знакъ печали, надъ факелами римскія цифры XI, подъ ними арабскія: 19 (эти цифры обозначаютъ день и мѣсяцъ кончины Императора Александра I: 19 ноября). По угламъ доски находятся 4 двуглавыхъ орла съ полуопущенными крыльями и съ императорской короной надъ головами; въ правой лапѣ орлы держатъ опущенные пылающіе факелы, а въ лѣвой приподнятые лавровые вѣнки. (Двуглавые орлы въ такомъ видѣ тоже обозначаютъ печаль).

Нижняя доска оклада гладкая и полированная съ широкимъ бордюромъ, какъ на верхней доскѣ, по краямъ и 4 ножками по угламъ. По срединѣ доски накладной четырехконечный вызолоченный крестъ латинской формы съ 6 крупными финифтевыми образками различныхъ святыхъ въ ростъ, превосходной работы, въ круглыхъ золоченыхъ рамкахъ изъ красиваго бордюра, а средній образокъ, кромѣ того, окруженъ со всѣхъ сторонъ 12 золотыми звѣздами. На каждомъ образкѣ написано названіе его святого, а на крестѣ сбоку образка, или подъ нимъ, смотря по мѣстонахожденію образка, надписи особыхъ дней, памятныхъ почему либо графу Аракчееву, такимъ образомъ празднованіе памяти какого-либо

святого напоминало графу Аракчееву извѣстное событіе, имѣвшее для него особенное значеніе. Подъ самымъ нижнимъ образкомъ и его подписью, на концѣ креста, изображенъ херувимъ и подъ нимъ двѣ переплетающіяся лавровыя вѣтви, перевязанныя лентой. По обѣ стороны креста, въ нижнихъ углахъ оклада, нацированы: справа надпись:

Графъ Алексѣй
Аракчеевъ
въ Грузинской
Соборъ
въ 1833 году,

Слѣва большой гербъ графа Аракчеева, и подъ крестомъ надпись: чистаго серебра 20 ф. 36 зол. Образки и надписи на крестѣ расположены такимъ образомъ, (для наглядности прилагаю чертежъ креста, обозначая образки № и выписывая ихъ названія и надписи подъ чертежемъ).

№ 1. Святой Спиридонъ, епископъ Тримифунтскій, внизу надпись: „12 декабря 1777 года".

№ 2. Святой Өеофанъ исповѣдникъ, справа надпись: „12 марта 1801 года".

№ 3. Святые Александръ Невскій и Алексѣй, митрополитъ Московскій, внизу надпись: „30 августа/5 октября".

№ 4. Святой пророкъ Авдій, слѣва надпись: „19 ноября 1825 года".

№ 5. Зачатіе святого пророка и крестителя Господня Іоанна (изображено явленіе архангела Гавріила пророку Захаріи въ храмѣ), внизу надпись: „23 сентября 1769 года".

№ 6. Святые: священномученикъ Януарій, мученикъ Александръ и священномученикъ Өеодоръ, внизу надпись: „21 апрѣля 1834 года".

Всѣ вышеприведенныя надписи съ обозначеніемъ чиселъ, мѣсяцевъ и лѣтъ должны напоминать о слѣдующихъ событіяхъ, особенно знаменательныхъ для графа Аракчеева:

№ 1. 12 декабря 1777 года—рожденіе Императора Александра I.

№ 2. 12 марта 1809 года—присоединеніе Финляндіи къ Россіи.

№ 3. 30 августа — именины Императора Александра I. 5 октября—именины графа Аракчеева.

№ 4. 19 ноября 1825 года—кончина Императора Александра I.

№ 5. 23 сентября 1769 года—рожденіе графа Аракчеева.

№ 6. 21 апрѣля 1834 года.—Послѣдняя надпись, очевидно, вырѣзана не самимъ графомъ... Это дата смерти всесильнаго когда-то временщика!

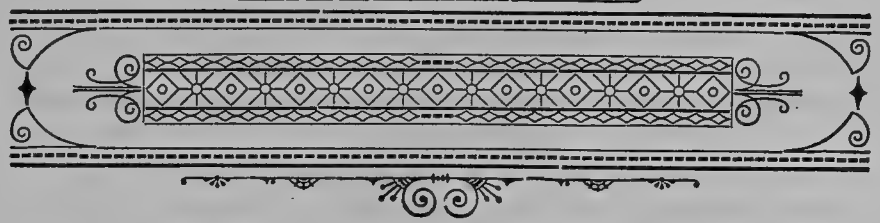
Корешокъ Евангелія тоже гладкій и полированный съ такимъ же бордюромъ по краямъ, какъ на обѣихъ доскахъ переплета, но раздѣленный поперечнымъ бордюромъ на 5 частей съ слѣдующими чеканными изображеніями: вверху и внизу корешка по двуглавому орлу, подъ верхнимъ орломъ и надъ нижнимъ по Всевидящему Оку въ сіяніи, потомъ римская цифра XI, ниже ея пара опущенныхъ и пылающихъ факеловъ, перевитыхъ лентой, сверху и снизу ихъ по георгіевскому кресту съ сіяніемъ и наконецъ арабская цифра 19. Оба орла, факелы и цифры совершенно тождественны съ таковыми же на верхней доскѣ переплета евангелія.

Застежки у Евангелія гладкія.

Изъ описанія оклада ясно видно, что онъ сдѣланъ въ память кончины Императора Александра I 19 ноября 1825 года и въ память открытія памятника Императору Александру I въ селѣ Грузино 19 ноября 1833 года.

На нижней доскѣ оклада за послѣднимъ листомъ текста книги былъ сдѣланъ секретный карманъ, нынѣ разорванный, въ которомъ хранились важные государственные документы; документы эти по смерти графа Аракчеева, по Высочайшему повелѣнію Императора Николая I, были взяты графомъ Клейнмихелемъ, нарочно для этого командированнымъ Государемъ въ Грузино, и доставлены въ Петербургъ. Что это были за документы, остается тайной и до сихъ поръ; въ Грузинѣ говорятъ, что графъ Клейнмихель, прискакавъ изъ Петербурга, прошелъ прямо въ соборъ, разорвалъ карманъ, взялъ документы и опять ускакалъ въ Петербургъ. До „освободительнаго движенія“ 1905 года евангеліе это лежало на аналоѣ у могилы графа Аракчеева въ головахъ и было доступно для осмотра всякому посѣтителю храма, ибо на евангеліи нѣтъ драгоцѣнныхъ камней, но теперь оно убрано въ ризницу, помѣщающуюся на хорахъ Андреевскаго собора.

Н. А. Лашковъ.

Письмо И. Д. Якушкина къ Михаилу Яковлевичу Чаадаеву[1]).

19-го іюня.

Очень ты меня порадовалъ своимъ письмомъ мой старый и добрый другъ. Твой почеркъ напомнилъ мнѣ былое, и я увѣрился изъ строкъ твоихъ, что если бы мы какимъ нибудь образомъ увидѣлись съ тобой, то намъ не пришлось бы знакомиться вновь. Здоровье мое все еще довольно плохо, на ногахъ множество ранъ и въ тѣлѣ никакой силы, несмотря на это пора ѣхать, и я на дняхъ собираюсь пуститься въ дальній путь.

---

[1]) Михаилъ Яковлевичъ Чаадаевъ (1792—1866), братъ знаменитаго философа Петра Яковлевича Чаадаева, съ 1834 года жилъ безвыѣздно до самой своей смерти въ родовой вотчинѣ Чаадаевыхъ селѣ Хрипуновѣ, Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Въ своемъ добровольномъ изгнаніи велъ дневникъ, незначительная часть котораго сохранилась. Изъ записи въ дневникѣ отъ 28 декабря 1854 г. мы узнаемъ, что существовалъ особый пакетъ съ перепиской двухъ друзей, но въ бумагахъ, оставшихся послѣ Мих. Як., его не оказалось. Надо полагать, что пакетъ погибъ въ годъ смерти жены Мих. Як. Ольги Захаровны Чаадаевой († 1893 г.), когда обширная библіотека Мих. Як. была расхищена. Только небольшую часть бумагъ Чаадаева удалось спасти мѣстному священнику Александру Алексѣевичу Вилкову. Такимъ образомъ изъ всей переписки М. Я. Чаадаева съ И. Д. Якушкинымъ уцѣлѣло лишь нынѣ печатаемое письмо Якушкина.

См. Сборникъ т. VIII Нижегородской Архивной Комиссіи, гдѣ помѣщены „Матеріалы для біографіи М. Я. Чаадаева“.

Князь Андрей Звенигородскій.

Вячеславъ мнѣ сопутствуетъ, онъ поступилъ на службу въ Восточную Сибирь и его начальникъ Ник. Ник. Муравьевъ [1]) позволилъ ему остаться со мной до моего выздоровленія. Старшій этотъ сынъ гоститъ у меня уже слишкомъ три мѣсяца, и если я доѣду до Иркутска, то и тамъ мы поживемъ съ нимъ вмѣстѣ. Прошлою осенью Евгеній пріѣзжалъ ревизовать межевую часть Западной Сибири и онъ прожилъ со мной около двухъ мѣсяцевъ. Оба мои сыновья добрые неглупые ребята и къ тому же довольно образованные, и я очень былъ доволенъ, что съ ними познакомился. У Вячеслава огромная память, но онъ не помнитъ своего пребыванія въ Ярославлѣ, когда и ты былъ тамъ съ ними вмѣстѣ [2]). Тебѣ, пожалуй, покажется глупо съ моей стороны признаніе, что я и до сихъ поръ вспоминаю съ особенно пріятнымъ чувствомъ то, что ты проводилъ жену и дѣтей моихъ въ Ярославль и прожилъ съ ними тамъ почти мѣсяцъ. Тебѣ можетъ и не въ догадъ, что ты въ этомъ дѣлѣ совершилъ прекрасный подвигъ, совершенно достойный тебя.

Но довольно на этотъ ладъ, а то чего добраго ты и въ самомъ дѣлѣ на меня прогнѣваешься. Ты пишешь, что не очень понимаешь, какъ это случилось, что мои финансы и финансы моихъ сыновей въ плохомъ состояніи, но что за то положеніе жуковскихъ крестьянъ удовлетворительно. Постараюсь объяснить тебѣ это дѣло вкратцѣ. Принявши Жуково [3]) въ управленіе, я уменьшилъ господскую пашню

---

[1]) См. книгу „Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій" Ивана Барсукова.

Кн. А. З.

[2]) Объ этой поѣздкѣ Михаила Яковлевича Чаадаева въ Ярославль И. Д. Якушкинъ не позабылъ упомянуть и въ своихъ „Запискахъ". На стр. 109 мы читаемъ: „Дежурный г-лъ Потаповъ зналъ всякій разъ, когда требовался фельдъегерь для перемѣщенія насъ изъ крѣпостей въ Сибирь, и всякій разъ извѣщалъ объ этомъ мою тещу; но кого именно повезутъ изъ насъ, онъ и самъ не зналъ. По этой причинѣ семейство нѣсколько разъ пріѣзжало изъ Москвы въ Ярославль; первоначально оно пробыло тутъ мѣсяцъ въ томительномъ ожиданіи меня; потомъ опять жена моя съ дѣтьми, въ сопровожденіи знакомой дамы и короткаго моего пріятеля Михаила Яковлевича Чаадаева, пріѣзжала въ Ярославль и они въ продолженіе почти мѣсяца напрасно ожидали моего прибытія". „Записки И. Д. Якушкина" М. 1908 г.

Князь А. Звенигородскій.

[3]) Село Жуково—имѣніе И. Д. Якушкина Смоленской губерніи Вяземскаго уѣзда.

Кн. А. З.

на половину и половину эту обработывалъ вольнонаемными работниками и собственными своими средствами; такое распоряженіе облегчило крестьянъ и независимо отъ нихъ должно было современемъ, по моему расчету, дать мнѣ порядочный доходъ.

Единственный способъ жуковскихъ крестьянъ добывать деньги на заплату податей и покупку необходимаго въ домѣ состоянія въ добываніи извести, которая на мѣстѣ почти нипочемъ, и въ извозѣ зимой; но эти средства сами по себѣ ничтожныя часто оказывались недостаточными, особенно когда урожаи хлѣба бывали скудны. Въ первый годъ моего управленія я набралъ двѣнадцать мальчиковъ, которыхъ обучивши грамотѣ, я отвезъ въ Москву и роздалъ въ ученье мастерствамъ наиболѣе требуемымъ моими сосѣдями помѣщиками. Послѣ меня распоряженія мои остались въ прежней ихъ силѣ: мальчиковъ продолжали съ согласія ихъ родителей отдавать въ разныя мастерства. Въ этомъ случаѣ мой расчетъ оказался очень вѣрнымъ. Обучившіеся мастерству, возвратясь во-свояси, имѣли возможность не отлучаясь изъ дому добывать деньги и быть полезными своимъ семействамъ. Теперь жуковскіе крестьяне сами отдаютъ своихъ сыновей учиться грамотѣ и мастерствамъ. Послѣ меня Надежда Николаевна [1]) нѣжно пеклась о жуковскихъ крестьянахъ, зная что тѣмъ сдѣлаетъ мнѣ пріятное. И теперь въ Жуковѣ ни одного нѣтъ бѣднаго семейства, и есть крестьяне очень зажиточные, торгующіе или которые берутъ подряды на десятки тысячъ, тогда какъ при началѣ моего управленія этимъ имѣніемъ оно было въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ немъ считалось по ревизіи 12-го года 126 мужскихъ душъ, по послѣдней ревизіи ихъ оказалось 185, Но собственное мое хозяйство послѣ меня пришло въ совершенный упадокъ; по кончинѣ жены моей [2]) остались долги, для уплаты которыхъ необходимо было заложить Жуково. Теперь оно на оброкѣ,

---

[1]) Надежда Николаевна Шереметева—теща И. Д. Якушкина. См. ея біографію въ трудѣ Н. Барсукова „Письма Филарета къ Н. Н. Шереметевой". С.-Петербургъ. 1900, а также два ея письма къ Мих. Як. Чаадаеву отъ 1833 г. и 1839 г., напечатанныя въ VIII т. Сбор. Нижегор. Арх. Ком.

Кн. А. З.

[2]) Анастасія Васильевна Якушкина, урожденная Шереметева, скончалась въ 1846 г. Была женщина замѣчательной красоты. Въ память ея И. Д. Якушкинъ открылъ женскую школу въ городѣ Ялуторовскѣ, Тобольской губерніи, гдѣ отбывалъ ссылку.

Кн. А. З.

и крестьяне платятъ 1.200 р. сер., изъ которыхъ 600 идутъ въ опекунскій совѣтъ. Пока я былъ здоровъ, я получалъ отъ Евгенія 300 р. сер. въ годъ, которыхъ для меня было достаточно, но въ нынѣшнемъ году при моей болѣзни расходы мои сдѣлались значительнѣе прежнихъ, и я рѣшился кликнуть кличъ къ моимъ друзьямъ. Благодарить тебя за присланныя тобой мнѣ деньги было бы непристойно.

Прости мой добрый другъ—будь здоровъ и если вздумаешь меня побаловать напиши ко мнѣ въ Иркутскъ на имя Вячеслава. Напиши хоть что-нибудь о своемъ житьѣ бытьѣ. Матвѣй[1]) тебѣ кланяется.

Завтра я выѣзжаю, а когда доберусь до Иркутска Богъ знаетъ.

Письмо это должно было отправиться къ тебѣ въ день моего отъѣзда изъ Ялутуровска, но я внезапно простудился и прохворалъ три недѣли. Теперь я нѣсколько оправился и опять собираюсь въ путь. Если ты получишь мое письмо, которое должно отправиться на другой день моего отъѣзда, то ты будешь уже знать, что я въ

---

[1]) Рѣчь идетъ о декабристѣ Матвѣѣ Ивановичѣ Муравьевѣ-Апостолѣ, который вмѣстѣ съ Якушкинымъ отбывалъ ссылку въ г. Ялуторовскѣ. Михаилъ Чаадаевъ былъ коротко знакомъ съ Матвѣемъ Муравьевымъ. Среди бумагъ М. Я. Ч. сохранилось письмо Матвѣя Муравьева отъ 5 іюля 1823 г. писанное изъ Кронштадта къ Михаилу Чаадаеву въ село Хрипуново, во время проводовъ Петра Яковлевича Чаадаева, уѣзжавшаго за границу. Въ этомъ письмѣ Матвѣй Муравьевъ высказываетъ пожеланія Михаилу Чаадаеву увидаться съ нимъ предстоящей зимой въ Москвѣ. („J'aurai bien voulu que vous ayez l'idée de venir cet hiver à Moscou“). Письмо написано на французскомъ языкѣ, начинается: „S'il n'est permis, monsieur, de me rappeler à notre souvenir... и т. д. Михаилъ Чаадаевъ зналъ также и брата Матвѣя Ивановича Сергѣя Муравьева-Апостола, что можно видѣть изъ имѣющейся въ дневникѣ М. Я. Ч. интересной записи отъ 9 іюля 1856 г.: „Когда въ старину на С.-Петербургскомъ театрѣ игрывали французскіе актеры оперу Deserteur, то одинъ изъ хоровъ исполнялся русскими хористами слѣдующимъ образомъ (слыхалъ отъ Сергѣя Ивановича Муравьева-Апостола):

Oublions jusqu'à la trace
D'un malheur peu fait pour nous.
Quel bonheur! il a sa grace
C'est nous la donner à tous.

Заблеётъ желтый матраса,
Дай маляръ полфунта льну,
Кинь бояръ Илья саврасый,
Сѣна, ладона, картузъ“.

Князь Андрей Звенигородскій.

дорогѣ. Нисколько не сомнѣваюсь въ участіи, которое ты принимаешь во мнѣ; если доѣду благополучно до Иркутска, то оттуда непремѣнно извѣщу тебя о себѣ[1]).

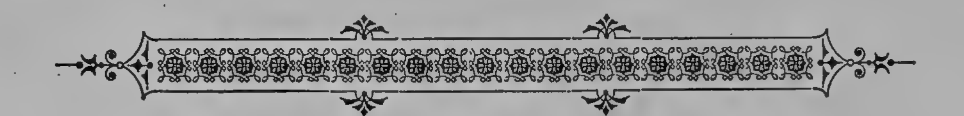
іюля 8-го.

Сообщилъ Князь Андрей Звенигородскій.

[1]) Внизу письма рукою Мих. Як. Ч. написано: „Получено 1854 г. іюля 24 въ с. Хрипуновѣ, изъ Ардатовской Почтовой Конторы (въ конвертѣ съ адресомъ неизвѣстной руки: „Его Высокоблагородію Михаилу Яковлевичу Чаадаеву, Нижегородской губерніи въ г. Ардатовъ, для доставленія въ с. Хрипуново. На конвертѣ не было казен. штемпеля). Этотъ полулистокъ принадлежитъ къ листку почт. бумаги, на которомъ написано письмо съ надписью вверху „19 іюня".

Кн. А. З.

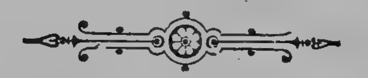
ПРИХОДСКІЕ НРАВЫ ПОЛОВИНЫ XVII ВѢКА.

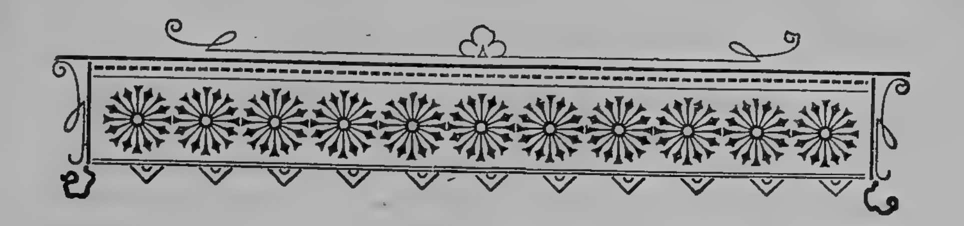
Государю преосвященному Симону архиепископу Вологодцкому и Бѣлозерскому, биютъ челомъ извѣщаютъ Пошехонского уѣзда Великого Государя дворцовой езовой Самосорские волости Покровсково приходу церковной староста Анисимко Ѳедоровъ да Покровские прихожены, кои къ церква Божии радеютъ, того жь Покрова Пресвятѣи Богородицы на бывшаго вдовово попа на Игнатия Максимова и на ево советники и заговорщики и на церковные расколники. И какъ онъ попъ Игнатей былъ у церкви Покрова Пресвятѣи Богородицы, и радения ево не было къ церкви Божіи: стояла бес пѣния в воскресные и в господцкие празники, и в великии постъ мирские люди придемъ к церкви Божиі помолитися, у нево церковново пѣния нетъ: в зимѣ скажетъ за стужею, а в лѣте за рыбной ловлею. Мы, мирские люди, придемъ в празникъ господцкой или в воскресной день к савтрени, а онъ, попъ Игнатей, в реке рыбу продитъ, а пѣния церковнаго нѣтъ, а человѣкъ онъ угрюмой былъ, а диячковъ и пономаревъ, какова миромъ приговоримъ, а онъ, попъ, съ сыномъ и не подпуститъ, а насъ мирскихъ людей ни во что ставилъ, не слушалъ, а какъ в году приидетъ великого Государя, ц. и в. кн. Алексѣя Михаиловича всеа в. и м. и б. Росиі самодерьжца на имяни молебновъ не пѣвал, а въ 174-мъ году марта въ 16 день на празникъ преподобнаго Алексѣя человѣка Божия за Государя, ц. и в. кн. А. М—ча всеа в. и м. и б. Росиі самодержца у нево попа Игнатия молебнаго пѣния не было, а мертвеца похоронялъ и панихиды пѣлъ. А какъ отъ тебя святителя приходили богомольние грамоты къ нему попу тожь и молебнаго пѣния не бывало; мирские сойдутся, и онъ въ бане парится, а намъ, мирскимъ людямъ скажетъ: заздравные молебны на Москве да на городахъ в соборахъ поютъ, и тамо нашеи братии и почесть идетъ. Да онъ

же попъ Игнатей въ церкви ризы и стихари перепортилъ, оплечья посниманы, а рукавы обрѣзаны, а въ миръ не явлено, да казенную книгу Еѳрема продалъ печатную, а денги въ казну не далъ, да другую книгу обиходникъ с собою увезъ. Да какъ у нево попа Игнатия попадья померла, и мы мирские люди, не попомня ево церковнаго нерадѣния о пѣнии, дали было миромъ сыну ево попову Глѣбу выборъ—стать в попы, и онъ Глѣбъ къ тебѣ святителю великому вдвою ставится в попы, и ты великии святитель ево Глѣба не благословилъ в попы, не поставилъ, а церковь Божия стояла пуста бес пѣния. И мирские люди, посовѣтовавъ межь собою, и приговорили к Покрову Богородицы въ попы дьяка Михаила Іванова сына попова, и выборъ ему мирской дали, и ты, великии святитель, пожаловалі ево дьякона Михаила, благословилъ в попы поставилъ. И какъ онъ попъ Михаило пришелъ отъ твоего святительского благословения къ намъ, и онъ, попъ Игнатей, собрався со вои и соведники, а съ церковными расколни, ево попа Михаила и насъ, мирскихъ людей, в церковь не пустилъ и ключей не далъ. И мы мирские люди посылали бить челомъ къ тебѣ великому святителю мирсково человѣка Петрушку Иванова, и ты великии святитель пожаловалъ ево попа Михаила и насъ, приходскихъ людей, далъ свою святительскую грамоту на поповсково старосту Николсково попа Петра—ему попу Игнатию отъ церкви отказать и ключи у нево взять, ево попа выслать въ монастырь на обѣщание да постричь. И онъ, попъ Игнатей, выехалъ въ деревню и с сыномъ своимъ Глѣбомъ и нанасъ, мирскихъ людей, и на отца нашего духовнаго на попа Михаила онъ, попъ Игнатей, съ своими совѣтники стакався и з заговорщики, и пишутъ сыну ево Глѣбу выборъ ложно, и тебѣ, великому святителю, приходя, бьютъ челомъ ложножь. А мы мирские люди про то не вѣдали, что онъ сына своего Глѣба смелъ къ тебѣ великому святителю в попы ставить. А у насъ Покрова Богородицы двумъ попамъ быть не у чево: приходъ не болшей, и преже сего церковь у нихъ стояла бес пѣния. Да люди онѣ упрямые и руками дерзливые: онъ, попъ Игнатей, билъ сосѣда своего крестьянина Гаврила въ празной день послѣ завтрени до полусмерти до крови, да послѣ битья и обѣдню пѣлъ, а сынъ ево поповъ Глѣбъ пришедъ на погостъ въ келию старицу билъ же до полусмерти, и она старица, нанявъ подъ ся подводу и съехавъ къ родимцомъ, послѣ ево Глѣбовыхъ побой в третьи день и в землю пошла. А нынѣ у Божіи церкви Покрова Пресвятѣи Богородицы твоимъ святительскимъ благословениемъ въ церкви просвѣтилось, а служба церковная у отца нашего вседневная, а насъ, прихоцкихъ людей, словомъ Божиимъ на истиный путь наставляетъ.

Государь преосвященный Симонъ, архиепископъ Вологодцкии и Белозерскии, пожалуй насъ, вели наше извѣстие принять и челобитие записать. Государь, смилуйся, пожалуй. *На оборотѣ:* „К сему извѣту Поровской попъ Михаило вмѣсто дидей своихъ духовныхъ руку приложилъ".

Сообщилъ Ив. Суворовъ.

Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера[1].

Изъ Риги мы отправились въ Динабургъ, гдѣ провели день, посвященный конференціи съ мѣстнымъ управляющимъ желѣзной дорогой Фриде, у котораго я и обѣдалъ. Изъ Динабурга мы отправились въ Полоцкъ, гдѣ я провелъ ночь въ вагонѣ. Утромъ я пошелъ осматривать городъ. Въ Полоцкѣ величественный соборъ, изящной архитектуры, въ которомъ находится хорошая картина Сальватора Розы, изображающая мученичество св. Стефана.

Замѣчательно, что вездѣ на Западѣ у насъ церкви отличаются красивой архитектурой, въ стилѣ Rennaissance, остатки западнаго зодчества,—подъ вліяніемъ вѣроятно итальянскихъ архитекторовъ. Многія изъ этихъ церквей напоминаютъ, по стилю, нашу церковь въ Смольномъ монастырѣ, построенную Растрелли.

Изъ Полоцка черезъ Смоленскъ и Рославль мы отправились въ Орелъ. Въ Рославлѣ при желѣзной дорогѣ устроено хорошее техническое училище, которое я осматривалъ. На память моего посѣщенія училища, мнѣ впослѣдствіи прислали небольшой инструментъ, клещи, сдѣланный для меня однимъ изъ учениковъ, на немъ были выгравированы слова „Ученикъ 1 спеціальнаго класса Р. Т. I. Игнатьевъ, Рославль 1879“. При вторичномъ посѣщеніи моемъ Рославля, я взамѣнъ подарилъ Игнатьеву изящный рисовальный приборъ.

Въ Орлѣ мы пробыли нѣсколько дней, посвященныхъ разработкѣ собраннаго дорогою матеріала.

---

[1]) См. „Русская Старина“ августъ 1910 г.

Городъ лежитъ версты три отъ станціи, съ которой онъ соединяется довольно плохою дорогой, хотя и мощеною, что составляетъ большое неудобство, особенно потому, что въ сухую погоду приходилось ѣхать въ облакѣ пыли. Въ настоящее время, со станціи въ городъ идетъ, кажется, удобный трамвай. Самый городъ раскинутъ на большомъ пространствѣ, улицы широкія, какъ площади, красивыхъ строеній не было видно. Вблизи города находится большой городской паркъ, который тогда былъ однако очень запущенъ. Въ Орлѣ оказалась хорошая гостиница, содержавшаяся французомъ, Mr. Totien, въ частномъ домѣ. Гостиница содержалась очень чисто, комнаты были просто, но комфортабельно устроены, а кухня превосходная. Можно было удивляться, что въ губернскомъ городѣ оказалась такая хорошая гостиница. Затѣмъ мы посѣтили городъ Ливны, напоминающій, по красивому мѣстоположенію, нѣсколько австрійскія горныя мѣстечки. Въ гостиницѣ мы очень пріятно пообѣдали на балконѣ съ красивыми видами. Для пріема мѣстнаго купечества, по дѣламъ желѣзной дороги, для насъ было приготовлено помѣщеніе въ думѣ, какъ меня о томъ увѣдомилъ губернаторъ. По прибытіи въ думу, насъ ввели въ присутствіе, гдѣ насъ встрѣтилъ городской голова съ цѣпью на шеѣ, на столѣ стояло зерцало. Вышла довольно курьезная сцена: городской голова, какъ таковой, занялъ въ присутствіи предсѣдательское мѣсто—не понимая, что предсѣдательство принадлежитъ въ засѣданіи такого рода предсѣдателю Высочайше учрежденной Комиссіи. Чтобы не возбуждать споровъ, я сѣлъ просто у стола, съ другими членами Комиссіи; но фактически, разумѣется, взялъ все руководство дебатами въ свои руки; такимъ образомъ оказывался оффиціально предсѣдатель присутствія, на долю котораго выпала молчаливая роль, и дѣйствительный предсѣдатель, не занимавшій предсѣдательскаго мѣста и руководившій преніями.

Изъ Ливны мы отправились въ Брянскъ, чтобы посѣтить оттуда близъ лежащіе Мальцевскіе и Брянскій заводы. Орловская губернія распадается какъ бы на двѣ части, одна половина ея совершенно безлѣсна, другая же богата чудными лѣсами. Въ этой второй половинѣ находились имѣнія Мальцова—Дѣтково, Людиново и Песочное. Посреди этихъ имѣній были раскинуты его многочисленные заводы: вагонный, рельсовый, стеклянный и др.; главнѣйшіе заводы были соединены между собою желѣзной дорогой.

Вотъ какъ типично описываетъ Скальковскій [1]) тогдашній бытъ мальцовской крѣпостной республики:

---

[1]) „Нов. Время“, май 1905,—*„По морю житейскому“*.

„Тогда подъ свѣжими остатками крѣпостного права, его владѣнія, занимавшія значительную часть Жиздринскаго и Брянскаго уѣздовъ, представляли курьезное зрѣлище какой-то крѣпостной республики, государства въ государствѣ. Мальцовъ небольшого роста, крѣпкій старикъ, живой, краснорѣчивый, всѣмъ интересовавшійся, но деспотъ и самодуръ, былъ нѣчто среднее между парагвайскимъ докторомъ Франсіей и гоголевскимъ полковникомъ Кашкаревымъ. Всѣ письма распечатывались, и было организовано шпіонство, а съ другой стороны миѳологическіе нравы...

„Самъ Мальцевъ, какъ и его служащіе, почти всѣ изъ крѣпостныхъ, ходили въ сѣрыхъ казакинахъ и ѣздили на безрессорныхъ экипажахъ, сидя какъ на эшафотѣ, спиною къ кучеру. Все было свое, даже мѣры, „Мальцовская сажень" дѣлилась не на аршины, а на четыре „палки". Въ домѣ была самодѣльная мебель и простота во всемъ. Сыновья закладывали лошадей, дочери доили коровъ.

„Онъ былъ однако въ извѣстной степени прогрессистъ, много читалъ, часто ѣздилъ за границу и привозилъ оттуда техническія новости. Страстью его было устройство новыхъ заводовъ и фабрикъ; въ мое время ихъ насчитывалось 70, большею частью работавшихъ въ убытокъ, была даже выдѣлка вновь открытаго фотогена. Чтобы пополнить дефициты, Мальцовъ ничто не сумнявшеся выпускалъ собственныя бумажки, такъ называемыя „мальцевскія деньги", подъ видомъ квитанцій на полученіе припасовъ изъ его конторы.

„Были квитанціи даже въ 5 рублей, всѣ на картонѣ, грубо сдѣланныя, было не мало и фальшивыхъ, но довѣріе къ генералу было такъ велико, тѣмъ болѣе, что онъ спихнулъ либеральнаго губернатора Арцымовича—что деньгами этими можно было расплачиваться на всѣхъ станціяхъ Калужской губерніи.

„Въ концѣ концовъ мальцевскихъ денегъ было выпущено на три милліона рублей, и правительство ликвидировало ихъ потомъ съ порядочной приплатой, а всего, за свое своеобразное хозяйство, Мальцовъ надѣлалъ чуть ли не 12 милліоновъ руб. долга. Заводы его однако послужили школою, приготовившею огромное мастеровое населеніе, и до сихъ поръ часть ихъ продолжаетъ работать, благодаря превосходному положенію на границѣ земледѣльческой полосы".

Пріѣхавъ въ имѣніе, я представился Мальцеву, и онъ сталъ мнѣ лично показывать свое заводское устройство. Мальцевъ былъ несомнѣнно человѣкъ замѣчательный; нужна была большая энергія и техническое знаніе, чтобы создать и вести такое громадное фабричное дѣло. Но одного этого было не достаточно, нужно было

дѣловое знаніе, а его именно не оказывалось, все дѣло велось совершенно по-помѣщичьи, какъ на это и указываетъ Скальковскій, патріархально—и такое веденіе дѣла не могло не отозваться на немъ. Мальцевъ все болѣе и болѣе расширялъ свое производство, безъ всякаго разсчета, и это между прочимъ должно было повести къ разстройству всего дѣла. При такомъ громадномъ предпріятіи—бухгалтерія находилась у него въ совершенно эмбріональномъ состояніи. Когда я пожелалъ ознакомиться съ его книгами, мнѣ показали застѣнокъ въ одномъ изъ фабричныхъ помѣщеній, въ которомъ на конторкѣ валялось нѣсколько тетрадей съ цифрами; разсчеты съ рабочими происходили чуть ли не на биркѣ. Результатомъ такого веденія дѣла оказалось подъ конецъ совершенное его разстройство, что и повело къ передачѣ всего дѣла въ казенное управленіе.

Особенно красивымъ мѣстоположеніемъ отличалось имѣніе Людиново, лежащее на берегу живописнаго озера, по которому ходилъ пароходъ. Эта мѣстность, окруженная заводами, мнѣ нѣсколько напоминала Нефшатель.

Вернувшись отъ Мальцева въ Брянскъ, я посѣтилъ Брянскій стале-литейный заводъ кн. Тенишева.

На Брянскомъ заводѣ приготовлялась литая сталь по системѣ Бессемера,—производство, которое кн. Тенишевъ, кажется, первый ввелъ у насъ въ Россіи. Процессъ приготовленія литой стали представлялъ чрезвычайно живописное зрѣлище. Все внутреннее помѣщеніе завода находилось въ какомъ-то полумракѣ, среди котораго машинально двигались рабочіе, освѣщаемые отраженіемъ отъ калильной печи. Но вотъ сталь расплавилась, ее спускаютъ изъ горнила печи огненною струею въ большіе глиняные чаны, нѣсколько рабочихъ захватываютъ ихъ длинными рычагами, несутъ къ формѣ и вливаютъ въ нее жидкую сталь. Въ этотъ моментъ происходитъ что-то необычайное, все помѣщеніе завода освѣщается внезапно яркимъ краснымъ свѣтомъ и милліоны искръ разлетаются по всѣмъ направленіямъ. Это такой фейерверкъ, съ которымъ ничто не можетъ сравниться. Это былъ какой-то адъ, въ которомъ, среди краснаго пламени, двигались и орудовали какіе-то гномы...

Въ Брянскѣ мы заключили первую часть нашего путешествія и возвратились въ Петербургъ черезъ Смоленскъ, въ которомъ мы остановились на день. Городъ окруженъ еще старинными стѣнами съ башнями, около которыхъ расположенъ родъ бульвара, представлявшій крайне живописный видъ. Въ Смоленскѣ находится красивый соборъ, также въ стилѣ Rennaissance.

По возвращеніи въ Петербургъ, я провелъ все лѣто у себя въ

деревнѣ въ Захоньѣ. Занятія по разработкѣ собранныхъ въ пути матеріаловъ, прогулки по красивымъ мѣстностямъ, занятіе съ дѣтьми въ школѣ и по временамъ чтеніе крестьянамъ Евангелія, въ праздничные дни—все это представляло очень пріятное и мирное препровожденіе времени. Однажды въ праздникъ утромъ ко мнѣ пришла кучка крестьянъ, прося въ этотъ день Евангеліе не читать, такъ какъ они подгулявши — очевидно въ такомъ состояніи они считали себя недостойными слушать Слово Божіе. Нѣсколько времени спустя ко мнѣ пришли нѣкоторые другіе крестьяне и сообщили, что они положили зарокъ не пить вина, а потому просили почитать имъ, трезвымъ, Евангеліе.

Передъ отъѣздомъ изъ деревни, крестьяне пришли благодарить меня за то, что я въ теченіе лѣта училъ ихъ дѣтей, и сообщили мнѣ, что изъ благодарности они исправили часть дороги, которая проходила по моей землѣ и которую, по земской раскладкѣ, я былъ обязанъ исправить и кромѣ того намѣрены вычистить мой лѣсъ. Это совершенно свободное изъявленіе благодарности доставило мнѣ истинное удовольствіе. Кто знаетъ, какъ крестьяне обыкновенно жадны къ деньгамъ и всегда рады возможности что-либо заработать—тотъ пойметъ нравственное значеніе такого дарового труда, принятаго ими на себя, по собственной иниціативѣ.

Въ срединѣ сентября, я опять съ моею подкомиссіей отправился въ путь тою же дорогою на Орелъ, а оттуда черезъ Елецъ, Ливны, Грязи, Борисоглѣбскъ и Александрово въ Царицынъ, для изслѣдованія Орловско-Грязской и Грязе-Царицынской жел. дорогъ.

Въ Ливнахъ цѣлебныя минеральныя воды, устроенныя, впрочемъ, очень примитивнымъ образомъ; тамъ сохранилось воспоминаніе о Петрѣ Великомъ, который самъ былъ въ Ливнахъ; въ память его посѣщенія, у источника, сколько помню, сооруженъ его бюстъ, или надпись.

Станція Грязи, пунктъ скрещенія нѣсколькихъ дорогъ, какъ уже показывало ея названіе, тонула въ мягкомъ черноземѣ.

На станціи Мордово, передъ Борисоглѣбскомъ, мы застали большіе склады хлѣба, вслѣдствіе залежи, которые мокли подъ дождемъ. Начальникъ желѣзной дороги Кульджинскій обѣщалъ сдѣлать необходимое распоряженіе о доставленіи прикрытія, и дѣйствительно, на обратномъ пути мы увидѣли эти склады значительно уменьшившіеся, покрытые брезентами.

Въ Царицынъ мы прибыли утромъ. Погода была чудная, солнце ярко свѣтило, и передъ нами открылась картина города, совершенно не похожаго на другіе русскіе города, напоминавшаго скорѣе — по своей разбросанности, разнообразію мелкихъ построекъ, широкимъ

улицамъ и площадямъ и поразительному торговому движенію во всѣ стороны—молодые американскіе города. Передъ станціей стоялъ рядъ красивыхъ амбаровъ съ свѣтлыми зелеными крышами для рыбныхъ складовъ. Внизу на рѣкѣ пристань, соединенная вѣткой со станціей желѣзной дороги, по которой постоянно передвигались товарные поѣзда. На самой пристани амбары съ хлѣбомъ, а на рѣкѣ суда разной величины, отъ парохода до мелкихъ шаландъ. Вся эта мѣстность была наполнена рабочимъ людомъ, который таскалъ товары по разнымъ направленіямъ; вездѣ жизнь, вездѣ кипѣло движеніе, шумъ и говоръ—и весь этотъ народъ держалъ себя какъ-то свободно, непринужденно, даже халатно, полиціи было почти не видно — однимъ словомъ, по виду совершенно не русскій городъ.

Въ Царицынѣ мы сѣли на пароходъ для слѣдованія въ Астрахань, такъ какъ мы рѣшились проѣхать въ Баку, для осмотра нефтяныхъ мѣстностей. Въ этой южной части Волга имѣетъ совершенно особенный характеръ. Рѣка чрезвычайно широка и течетъ въ почти пустынныхъ, низменныхъ берегахъ, которые она мѣстами затопляетъ на большое пространство; отъ времени до времени посреди рѣки попадаются острова, покрытые зарослями, на которыхъ ютится масса самыхъ разнообразныхъ дикихъ водяныхъ птицъ, которыя не встрѣчаются въ другихъ мѣстностяхъ Россіи — эта картина напоминала мнѣ поѣздку по Суэцкому каналу въ Египтѣ.

Волжскіе пароходы очень хорошо устроены, помѣщенія удобныя и хорошая кухня. Разумѣется, главная пища стерлядь — эта столь рѣдкая рыба въ Россіи, здѣсь въ изобиліи — намъ подавали за обѣдомъ стерляжью уху, вареную стерлядь, жареную стерлядь...

Въ Астрахани мы пробыли нѣсколько дней. Рыбные и соляные промыслы и торговля съ Персіей — главное занятіе города. Почти всѣ рабочіе калмыки, народъ до крайности бѣдный и загнанный; едва прикрытые дырявыми рубахами, калмыки работаютъ на тоняхъ, на соляныхъ промыслахъ, таскаютъ товары;—по всему было видно, что они во всемъ находятся, какъ низшая раса, въ полномъ подчиненіи у русскихъ.

На другой день мѣстныя власти устроили намъ поѣздку на пароходѣ „Ловецъ“, для осмотра достопримѣчательностей Астрахани; мы посѣтили соляные промысла, калмыцкій храмъ и рыбные промысла, носившіе названіе „Самодѣлки“.

Самое интересное было послѣднее. Тутъ приготовлялась для отправки внутрь Россіи разная рыба. Вдоль рѣки стояли длинные столы, за которыми работала масса дѣвушекъ, всѣ въ бѣлыхъ панталонахъ (для опрятности), въ которыя были засунуты ихъ юбки

и рубашки; онѣ вслѣдствіе того представлялись какими-то курьезными фигурами-пузырями. У каждаго стола была навалена масса еще живой рыбы: бѣлорыбица, осетрина и др.,—всѣ очень большой величины. Эти рыбы клались на столъ одна за другой и тутъ же, еще живыя, вскрывались дѣвушками-работницами, потрошились, разрѣзывались на пласты, солились и складывались въ бочки. Сознаюсь, что такое разрѣзываніе крупной живой рыбы — производитъ довольно непріятное впечатлѣніе. Затѣмъ намъ показывали способъ укладки въ вагоны мелкой рыбы, астраханской сельди, воблы и др. Рыба, тоже живая еще, клалась въ вагонъ рядами, и каждый рядъ покрывался мелко разрубленнымъ льдомъ. Какъ мнѣ говорили, при такой упаковкѣ, рыба доходитъ полу-сонная, полуживая до мѣста назначенія. Какимъ мученіямъ человѣкъ подвергаетъ животныхъ для бо́льшаго удобства своего питанія!

Послѣ осмотра Самодѣлки, мы поѣхали на рыбную ловлю и тамъ на мое имя забросили тоню. Сѣти тащили въ водѣ тоже калмыки. По доставленіи сѣти на берегъ, въ ней оказалась чудная большая стерлядь. Ее тутъ же вскрыли, выпотрошили изъ живой рыбы икру и, посыпавъ солью, предложили ее мнѣ. Столь свѣжей икры мнѣ еще никогда не приходилось кушать, но вся эта операція произвела на меня столь непріятное впечатлѣніе, что я отказался ѣсть эту икру, въ виду еще живой и бившейся около нея рыбы, изъ которой ее добыли.

Осмотрѣвъ затѣмъ городъ, мы вошли въ соборъ, довольно значительной величины, съ трехъярруснымъ, сколько помню, стариннымъ иконостасомъ. Въ церкви съ потолка висѣли два старинныя громадныя темно-бронзовыя или чугунныя, не помню, паникадила-люстры и двѣ золоченыя бронзовыя люстры самаго обыкновеннаго фасона, представлявшія очень неизящный контрастъ. Мнѣ объяснили, что старинныхъ люстръ было четыре, но что двѣ изъ нихъ продали въ ломъ, и за эти деньги пріобрѣли новыя золоченыя люстры. Съ остальными двумя еще не успѣли такъ поступить. Я былъ пораженъ такимъ варварскимъ обращеніемъ съ предметомъ древности, имѣвшимъ несомнѣнно историческое значеніе. Эти люстры должны бы найти мѣсто, если ихъ уже не сохранять въ соборѣ, въ какомъ-нибудь музеѣ.

Изъ Астрахани мы рѣшились отправиться въ Баку для осмотра нефтяныхъ промысловъ. Хотя это не входило прямо въ задачу нашей комиссіи, но осмотръ этой замѣчательной мѣстности, отъ которой насъ отдѣляло только Каспійское море, представлялъ такой интересъ, что мы не могли отказаться отъ желанія посѣтить Бакинскіе промыслы, тѣмъ болѣе, что и въ Баку была уже желѣзная до-

рога, осмотръ которой могъ служить предлогомъ для такой поѣздки.

По мелководью устьевъ Волги въ Астраханскомъ портѣ, морскія суда не могутъ доходить до города. Приходится отправляться изъ Астрахани на рѣчномъ пароходѣ до устья Волги къ мѣсту, называемому „девять футовъ", и тамъ пересѣсть на морской пароходъ.

Мы выѣхали изъ Астрахани ночью; проснувшись утромъ, мы къ удивленію увидѣли, что мы еще въ Волгѣ. Оказалось, что ночью былъ такой туманъ, что нашему пароходу пришлось всю ночь простоять на якорѣ. Только къ вечеру слѣдующаго дня мы причалили къ „девяти футамъ" и застали тамъ ожидавшій насъ пароходъ „Каспій" Каспійскаго товарищества.

Пароходъ оказался небольшой и переполненный особенно палубными пассажирами 3-го класса, такъ что первое впечатлѣніе было не очень привѣтливо. Однако, благодаря любезности капитана, мы скоро удобно устроились. Погода была ясная, но вслѣдствіе предшествовавшей бури, въ морѣ ходила сильная, мертвая зыбь. Это самая непріятная качка. Пароходъ такъ сильно, хотя и медленно качало (кренило) то въ ту, то въ другую сторону, то вдоль, то поперекъ, что концы рей на главной мачтѣ почти прикасались къ горизонту воды. Я не страдалъ отъ морской болѣзни, но все время ощущалъ очень непріятное чувство.

Къ вечеру мы пришли къ Петровскому порту на Кавказѣ. Миніатюрный бассейнъ порта образуется двумя искусственными молами (брекватерами), концы которыхъ представляютъ какъ-бы створныя ворота для входа въ портъ. Издали было видно что, въ портѣ вода совершенно спокойна, но какъ-то не хотѣлось вѣрить, что моментъ,— и качка, отъ которой мы страдали весь день, внезапно прекратится, и вотъ, пройдя ворота, это чудо мгновенно осуществилось; внезапное прекращеніе качки вызвало удивительно пріятное чувство.

Пароходъ долженъ былъ отправиться далѣе въ 5 часовъ утра. Мы съѣхали на берегъ, чтобы погулять по этому маленькому городу, и зашли между прочимъ въ офицерскій клубъ, который произвелъ на насъ очень пріятное впечатлѣніе. Такъ какъ все общество Петровска состоитъ изъ небольшого числа офицеровъ и чиновниковъ, то клубъ служитъ point de réunion всему мѣстному обществу. Помѣщеніе клуба скромное, но чистое и опрятное—и все въ клубѣ носило характеръ порядочности, который не всегда можно застать въ такихъ мелкихъ городахъ.

Мы еще спали, когда пароходъ двинулся въ путь. Погода совершенно прояснилась, качка сдѣлалась гораздо слабѣе, такъ что все слѣдованіе отъ Петровска до Баку оказалось очень пріятнымъ. Мы

прошли мимо Дербента не останавливаясь, такъ какъ у входа въ портъ кипѣли еще довольно сильные буруны,—сильный прибой не позволялъ пристать къ берегу. Въ Дербентѣ нѣтъ устроеннаго порта, и потому нерѣдко случается, что въ свѣжую погоду невозможно съѣхать на берегъ, и пассажирамъ, ѣдущимъ въ Дербентъ, приходится проѣзжать мимо и иногда даже не разъ. Это несомнѣнно большое неудобство, особенно для рабочихъ и неимущаго люда. Въ такихъ случаяхъ капитанъ парохода кормитъ ихъ обыкновенно безплатно, до момента съѣзда на берегъ въ Дербентѣ. Въ числѣ нашихъ третье-классныхъ пассажировъ были также ѣхавшіе въ Дербентъ, и они чуть не плакали, когда мы прошли не останавливаясь мимо Дербента,—имъ пришлось поневолѣ ѣхать въ Баку и ждать обратнаго рейса.

Въ Баку мы прибыли около 4-хъ часовъ дня. Видъ на портъ и городъ очень живописенъ. Чудное южное солнце, лазуревое море—представляли картину отчасти южнаго востока, отчасти Италіи. Одно, что поражаетъ въ Баку, это совершенное отсутствіе всякой растительности. На берегу красивое впечатлѣніе мѣстности значительно уменьшилось. Въ Баку преобладаетъ несомнѣнно характеръ востока, но и восточной грязи и безпорядка, а къ тому вѣтеръ поднимаетъ облака бѣлой известковой пыли, которая обдаетъ васъ со всѣхъ сторонъ.

Мы помѣстились въ довольно хорошей гостиницѣ Hôtel de l'Europe и немедленно приступили къ осмотру мѣстныхъ промышленныхъ заведеній. Прежде всего мы отправились въ такъ называемый Черный Городокъ; это часть города, наполненная мелкими заведеніями, выдѣлывающими довольно первобытнымъ способомъ изъ мѣстной нефти керосинъ. Вся почва, стѣны и крыши строеній, однимъ словомъ, все было покрыто черною копотью, такъ что общій видъ этой части города вполнѣ оправдывалъ названіе Чернаго города. Почва пропитана до нѣкоторой глубины нефтью, и эта смѣсь земли съ нефтью и образуетъ то, что называютъ мазутъ.

Затѣмъ мы отправились въ мѣстность нефтяныхъ фонтановъ за городомъ—т. е. въ Балаханы, Сабунчи и Сураханы. Надъ всѣми мѣсторожденіями нефти, которая первоначально била фонтанами, устроены вышки, родъ деревянныхъ довольно высокихъ прозрачныхъ башенъ изъ бревенъ, въ которыхъ помѣщается приводъ для выкачиванія нефти. Когда открывается новое мѣсторожденіе, то нефть начинаетъ бить фонтаномъ, струя нефти выбрасывается довольно высоко вверхъ, и на первое время количество выбрасываемой нефти бываетъ такъ значительно, что ее не удается каптировать, и она образуетъ даже около фонтана цѣлое озеро нефти; такимъ образомъ

теряется не мало матеріала. Затѣмъ когда сила фонтана начинаетъ ослабѣвать, приступаютъ къ каптаціи струи, въ отверстіе вставляется чугунная труба, къ которой придѣлана стальная крышка, и тогда оказывается возможнымъ регулировать истокъ нефти, допуская къ выходу только такое количество, которое немедленно можетъ пойти на переработку. Новые фонтаны иногда сами пробиваются изъ земли, но большею частью производятъ буреніе, пока не дойдутъ до мѣста залежи нефти, которая тогда и выбрасывается съ особенною силой.

При нашемъ посѣщеніи билъ только одинъ фонтанъ; всѣ остальные были каптированы, черно-бурая струя нефти, большой толщины поднималась однако уже не высоко, всего аршина на два, разбрасывая кругомъ брызги на довольно большомъ разстояніи.

По пути мы осмотрѣли заводъ Кокорева, на которомъ выдѣлывалась сѣрная кислота. Вездѣ господствовало удивительное оживленіе и дѣятельность, видно было, что это мѣстность, въ которой родятся милліоны. Обладатель небольшого клочка земли, стоимостью въ какія-нибудь тысячи рублей, когда вдругъ на ней открывается фонтанъ, становится со дня на день милліонеромъ.

На краю города находится прежній Ханскій дворецъ, довольно хорошо сохраненный. Это большое бѣлое зданіе, съ замѣчательными по стѣнамъ украшеніями—арабесками en bas relief. Отдѣльные камни, довольно значительной величины, украшенные также изящными арабесками, высѣченными по ихъ поверхности, входившіе вѣроятно тоже въ ту или другую часть дворца, валялись въ пыли, на площади передъ дворцомъ; я удивлялся, какъ мало вниманія обращалось на эти изящные остатки древней восточной архитектуры. Одинъ изъ членовъ нашей подкомиссіи, Сергѣй Серг. Юшковъ, замѣтивъ мой интересъ къ этимъ камнямъ, любезно снялъ рисунокъ съ одного изъ нихъ, и по прибытіи въ Петербургъ вырѣзалъ эти арабески на черномъ палисандровомъ деревѣ и поднесъ мнѣ свое изящное издѣліе въ воспоминаніе нашего пребыванія въ Баку, съ обозначеніемъ на немъ дня и года. Бѣднаго Серг. Серг. давно уже нѣтъ въ живыхъ, но его изящное издѣліе до сихъ поръ красуется на моемъ письменномъ столѣ.

Въ Баку въ то время еще оставалось нѣсколько огнепоклонниковъ, гебровъ (кажется не болѣе двухъ), у которыхъ даже сохранился небольшой храмъ за городомъ, который мы, разумѣется, посѣтили. Это было небольшое, невысокое открытое каменное строеніе, выбѣленное известкой, внутри его на дворѣ изъ почвы выходилъ постоянный огонь—т. е. горящіе нефтяные пары. Вышеуказанные два огнепоклонника, состоявшіе при храмѣ, священнодѣйствовали

передъ нами, творя разныя молитвы, и подъ конецъ стали разносить всѣмъ присутствующимъ на подносѣ измельченные куски красной карамели, представлявшіе, какъ намъ объяснили, родъ жертвоприношенія.

Нефтяные пары, выходящіе изъ поверхности земли, проявляются впрочемъ въ разныхъ мѣстахъ въ окрестностяхъ Баку, и ими пользуются иногда для освѣщенія. Такъ напримѣръ, въ одномъ изъ главныхъ керосиновыхъ заводовъ при входѣ у воротъ тоже постоянно горѣли двѣ струи нефтяного газа, въ видѣ громадныхъ свѣточей. Не только изъ почвы, но и черезъ море проникаютъ нефтяные газы и самая нефть, которая, плавая на поверхности воды, покрываетъ довольно большія пространства моря. Эту нефть иногда зажигаютъ, а иногда она и сама случайно воспламеняется, представляя чудное зрѣлище горящаго моря. Къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть этого замѣчательнаго явленія, такъ какъ при насъ не происходило выдѣленія нефти на поверхность моря.

Интересная поѣздка была также предпринята нами на нефтяные промысла Тагіева, лежавшіе на нѣкоторомъ разстояніи къ востоку отъ Баку. Дорога все время шла по берегу моря, вдоль красивой plage, эта мѣстность, при яркомъ солнечномъ освѣщеніи и лазуревомъ цвѣтѣ моря, вполнѣ напоминаетъ берегъ Средиземнаго моря въ Италіи. На пути, на самомъ берегу моря, находится башня Bibi-Eibat, про которую сохранилась легенда, что въ ней когда-то была заключена какая-то восточная принцесса, которая изъ нея бросилась въ море. Тагіевъ одинъ изъ видныхъ представителей мѣстныхъ капиталистовъ. Это персіанинъ, который владѣлъ небольшимъ участкомъ земли на берегу моря. Въ одинъ прекрасный день на его участкѣ открылся большой нефтяной фонтанъ, и никому неизвѣстный Тагіевъ сдѣлался милліонеромъ;—это совершенное повтореніе исторіи съ американскими нефтяными крезами.

Во время нашего пребыванія въ Баку, тамъ происходило засѣданіе мѣстнаго Техническаго Общества, которое мы и посѣтили. Въ засѣданіи велись оживленныя и основательныя пренія о мѣстныхъ интересахъ; разумѣется, весь интересъ сосредоточивался на нефтяномъ дѣлѣ. Секретаремъ общества былъ молодой армянинъ Гулишамбаровъ, человѣкъ очень развитой и хорошо знакомый съ положеніемъ мѣстной промышленности, я съ нимъ много бесѣдовалъ, и онъ сообщилъ мнѣ много интересныхъ данныхъ. Съ тѣхъ поръ Гулишамбаровъ составилъ себѣ имя въ экономической литературѣ.

Свободное отъ занятій время было посвящено прогулкамъ по городу и ознакомленію съ мѣстными достопримѣчательностями, между прочимъ посѣщеніе рынка, который совершенно напоминалъ,

хотя и въ маломъ видѣ, Константинопольскій Караванъ-Сарай. Всѣ восточные рынки имѣютъ одинъ и тотъ же типъ, скученныхъ вмѣстѣ мелкихъ лавченокъ, нерѣдко богатыхъ очень драгоцѣнными издѣліями. Бакинскій рынокъ изобиловалъ восточными коврами, которыхъ я нѣсколько пріобрѣлъ. Замѣчательную особенность Баку составляютъ винные погреба. Мѣстное вино очень хорошаго качества, оно легкое, но очень вкусное, особенно бѣлое, оно доставляется впрочемъ изъ болѣе отдаленныхъ окрестностей Баку, напр. изъ Ленкорана. При входѣ въ Бакинскій погребъ посѣтителю представляется вмѣсто бочекъ и бутылокъ складъ бурдюковъ, родъ мѣшковъ изъ козьей кожи, наполненныхъ разными винами; къ одному изъ угловъ бурдюка, гдѣ была нога животнаго, придѣланъ деревянный кранъ—и изъ этого крана вино наливается прямо въ стаканы для посѣтителей. Вино, какъ я уже замѣтилъ, очень хорошее, но оно получаетъ отъ бурдюка нѣкоторый запахъ кожи.

Въ октябрѣ мы оставили Баку на пароходѣ „Цесаревичъ“ и отправились въ обратный путь. Нашъ любезный капитанъ съ „Каспія“, съ которымъ мы подружились во время переѣзда въ Баку, пришелъ проститься съ нами и пожелать намъ хорошаго пути.

Въ то время только что окончилась наша первая неудачная Туркменская война, на которой мы потерпѣли столь чувствительное пораженіе при Ахалъ-Теке. На пароходѣ съ нами ѣхало нѣсколько офицеровъ и юнкеровъ кавказскаго драгунскаго полка, возвращавшіеся изъ арміи. У насъ, разумѣется, съ ними завязался живой разговоръ, и они много разсказывали подробностей о неудачномъ боѣ и о страданіяхъ арміи въ безводной степи. Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ можно было заключить, что вся кампанія была затѣяна крайне легкомысленно и ведена безъ знанія дѣла.

На томъ же пароходѣ возвращался изъ Кавказа въ Россію военный врачъ Малининъ, съ которымъ я много бесѣдовалъ. Между прочимъ, такъ какъ я курилъ сигару, мы разговорились о куреніи вообще, и онъ сталъ мнѣ доказывать вредъ табака для организма. Я ему возражалъ, что я привыкъ курить и не думаю, чтобы мнѣ куреніе приносило вредъ; на это онъ мнѣ возразилъ, что „вы только себя успокаиваете, потому что вы не имѣете достаточной силы характера, чтобы перестать курить“. Тогда раззадоренный этимъ замѣчаніемъ я сказалъ ему, что въ доказательство противнаго, я съ этого же момента перестану курить и не буду курить 6 недѣль, но потомъ опять вернусь къ куренію, затѣмъ я тутъ же бросилъ свою сигару. Этотъ искусъ я дѣйствительно выдержалъ, но сознаюсь, что въ первое время, особенно на морѣ, когда какъ-то особенно хочется курить, довольно трудно было выдержать абстиненцію.

По прибытіи въ Царицынъ, мы отправились по Волго-Донской желѣзной дороги въ Калачъ. На эту небольшую линію, соединяющую Волгу съ Дономъ, одно время сильно разсчитывали, полагая, что по ней разовьется значительное движеніе товара. Но эти ожиданія не оправдались, вѣроятно вслѣдствіе необходимости двойной перегрузки товара, на Волгѣ и на Дону; торговля пошла по другимъ прямымъ линіямъ, и эта вѣтка потеряла всякое значеніе. Она потому и имѣла какой-то совершенно заброшенный видъ; снѣжная мятель и сильный вѣтеръ, сопровождавшіе насъ въ пути, не содѣйствовали пріятному впечатлѣнію, особенно послѣ чуднаго южнаго солнца въ Баку, которымъ мы наслаждались еще нѣсколько дней тому назадъ.

На обратномъ пути мы осматривали въ Борисоглѣбскѣ большія машинныя и мастерскія заведенія, устроенныя при желѣзной дорогѣ.

Въ Грязяхъ мы разстались съ сопровождавшимъ насъ управляющимъ Грязе-Царицынской жел. дорогой Кульджинскимъ, и сознаюсь, разстались съ нимъ безъ сожалѣнія. Изслѣдованіе нашей подкомиссіи, въ которой онъ усматривалъ нѣкоторымъ образомъ надзоръ надъ его дѣятельностью, явно было ему непріятно, и онъ давалъ это чувствовать при всякомъ случаѣ; его самолюбіе техника-инженера возставало противъ оцѣнки постороннихъ лицъ.

Въ Орлѣ мы разстались съ управляющимъ Орлово-Грязской жел. дорогой Хлуденевымъ, который, напротивъ того, оказался чрезвычайно любезнымъ и пріятнымъ спутникомъ, безъ всякаго неудовольствія обсуждавшимъ съ нами всѣ вопросы, которые встрѣчались на пути. Наконецъ въ Витебскѣ мы распрощались съ управляющими Динабургъ-Витебской и Риго-Динабургской жел. дорогъ, Бекеромъ и Карлейлемъ (послѣдній совершенно обрусѣвшій англичанинъ).

Закончивъ наше странствованіе, по прибытіи въ Петербургъ, я нашелъ много писемъ и между прочимъ одно, которое меня и удивило и обрадовало. Это мнѣ писалъ неизвѣстный мнѣ священникъ Яндошевскій, недавно овдовѣвшій, сообщая о томъ утѣшеніи, которое онъ нашелъ въ горѣ, причиненномъ ему недавнею тяжкою потерей, при чтеніи моихъ лекцій о философіи и христіанствѣ. Это письмо доставило мнѣ истинное удовольствіе. Сознаніе, что такимъ образомъ мнѣ оказалось возможнымъ доставить миръ и утѣшеніе постороннему мнѣ, даже совершенно неизвѣстному лицу, порождало отрадное чувство, въ смыслѣ удостовѣренія того, что живешь и дѣйствуешь не безъ пользы—между тѣмъ какъ часто приходилось испытывать моменты разочарованія, когда въ самомъ себѣ не находишь ни довольствія, ни мира. Во время послѣдней поѣздки я имѣлъ случай познакомиться съ настоятелемъ Донского монастыря

игуменомъ Николаемъ [1]); въ разговорѣ съ нимъ я коснулся вопроса о моментахъ подобнаго разочарованія въ своей дѣятельности,—по этому поводу онъ сказалъ мнѣ „о томъ, на сколько вашъ трудъ дѣйствительно дѣйствующъ, предоставьте судить Господу, которому вы посвятили себя. Продолжайте дѣлать въ простотѣ сердца..."

Затѣмъ я нашелъ еще два письма какой-то молодой дѣвушки безъ подписи, которая жаловалась на разныхъ лицъ и на разныя обстоятельства—изъ которыхъ я рѣшительно ничего не могъ понять, но долженъ былъ полагать, что и эти письма были вызваны вѣроятно чтеніемъ моей книги. А. А. Кирѣевъ, которому я впослѣдствіи показывалъ эти письма, объяснилъ мнѣ, что эта дѣвушка Долгова-Сабурова, нѣсколько помѣшанная, вслѣдствіе постигшихъ ее несчастій.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія, я получилъ приглашеніе отъ Грейга у него позавтракать и передъ завтракомъ доложилъ ему о результатахъ поѣздки моей подкомиссіи. Изъ того, какъ онъ принялъ мой докладъ, я могъ замѣтить, что онъ относился ко всей нашей анкетѣ очень неблагосклонно, усматривая вѣроятно въ этомъ вмѣшательство графа Баранова въ дѣла министра финансовъ. Замѣтивъ это, я старался его переубѣдить, объясняя ему всю пользу собиранія этимъ путемъ свѣдѣній о состояніи желѣзныхъ дорогъ и указывая на совершенное отсутствіе въ этомъ предпріятіи какого-либо посягательства на сферу дѣйствія м-ва финансовъ. При хорошихъ моихъ отношеніяхъ съ Самуиломъ Алексѣевичемъ, мнѣ удалось его въ этомъ убѣдить. Я передалъ нашъ разговоръ графу Баранову, затѣмъ послѣдовало совѣщаніе между графомъ и Грейгомъ, которые до тѣхъ поръ были нѣсколько en froid, при чемъ между ними возстановилась полная гармонія. Какъ мнѣ говорилъ впослѣдствіи М. Н. Анненковъ, графъ Барановъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что, благодаря моему случайному вмѣшательству, возстановились между ними и Грейгомъ хорошія отношенія.

Выше я уже упоминалъ, что среди лицъ религіознаго и философскаго круга, послѣ моихъ чтеній, возникла идея образовать философское общество, въ которомъ читались бы рефераты и возбуждались бы сужденія по религіозно-философскимъ вопросамъ. Съ этою цѣлію, послѣ моего возвращенія состоялось у меня собраніе, въ которомъ приняли участіе А. А. Кирѣевъ, князь Цертелевъ, Бе-

---

[1]) Отецъ Николай былъ впослѣдствіи переведенъ настоятелемъ въ одинъ изъ Западныхъ монастырей, кажется Почаевскій, и мы долгое время продолжали съ нимъ видѣться, такъ какъ при каждомъ пріѣздѣ въ Петербургъ онъ посѣщалъ меня.

стужевъ, Свѣтилинъ и Осининъ. Въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій у меня участвовалъ и Соловьевъ. Затѣмъ такое же собраніе происходило и у М. Н. Островскаго.

Мы составили проектъ устава общества, къ которому присоединился и Т. И. Филипповъ. Проектъ устава былъ представленъ на утвержденіе въ министерство вн. д., но тамъ онъ какъ-то застрялъ— я далѣе объ этомъ не справлялся и потому не могу сказать, по какой причинѣ онъ не былъ утвержденъ.

Въ послѣдній день этого года, 31-го декабря, поздно вечеромъ я былъ пріятно удивленъ неожиданною присылкою мнѣ ордена Владиміра 2-ой ст., чего я совершенно не ожидалъ.

5-го февраля 1880-го года я сидѣлъ у себя въ кабинетѣ на диванѣ и читалъ; вдругъ послышался сильный взрывъ и произошло такое сотрясеніе, что я былъ даже подброшенъ на диванѣ. Въ первую минуту я подумалъ, что у насъ на лѣстницѣ произошелъ взрывъ газа. Я выбѣжалъ на лѣстницу, но тамъ ничего не оказалось, и когда я былъ еще въ недоумѣніи, что бы это значило, ко мнѣ вошелъ мой лакей и возбужденнымъ голосомъ сообщилъ, что произошелъ взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ, что изъ дворца несутъ множество убитыхъ и раненыхъ, и что что-то очень плохо,—очевидно въ первыя минуты было опасеніе, не пострадалъ ли кто изъ Царской Фамиліи. Какая была сила взрыва, можно усмотрѣть изъ того, что у себя въ комнатѣ, въ домѣ, который былъ отдѣленъ отъ дворца Мойкой и площадью, я могъ до такой степени почувствовалъ сотрясеніе.

Царская Фамилія спаслась, можно сказать, только благодаря счастливой случайности.

Какъ потомъ оказалось, одному изъ анархистовъ удалось подъ видомъ столяра получить доступъ въ подвалъ Зимняго Дворца, гдѣ жили рабочіе. Онъ расположилъ адскую машину подъ столовой залой дворца, гдѣ въ то время долженъ былъ обѣдать Государь, окруженный членами своего семейства. По приведеніи въ движеніе часового механизма адской машины, который черезъ нѣсколько времени долженъ былъ произвесть ея взрывъ, злоумышленникъ удалился изъ дворца. Къ счастію, взрывъ произошелъ за нѣсколько минутъ до того времени, когда Царская Фамилія должна была собраться въ столовой, такъ что хотя полъ столовой былъ взорванъ, и кажется, люстры упали съ потолка, никто изъ Царской Фамиліи не пострадалъ, но въ числѣ солдатъ, составлявшихъ караулъ дворца, оказалось довольно много раненыхъ и, кажется, даже нѣсколько убитыхъ. Разсказывали, что нѣкоторое время тому назадъ изъ Берли-

на было сообщено полиціи, что въ рукахъ анархистовъ имѣется планъ Зимняго Дворца, на которомъ одно мѣсто помѣчено краснымъ крестомъ—это было именно то мѣсто, гдѣ была заложена адская машина; удивительно, что такое сообщеніе не привело у насъ къ раскрытію подготовлявшагося злодѣйскаго замысла.

Это дерзкое покушеніе произвело ужасающее впечатлѣніе и побудило правительство принять самыя рѣшительныя мѣры противъ анархіи. Въ этихъ видахъ была образована Верховная Распорядительная Коммиссія; главнымъ начальникомъ ея былъ назначенъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ. Затѣмъ въ августѣ Верховная Коммиссія была упразднена, и гр. Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. До того времени гр. Л.-Меликовъ, стяжавшій громкое имя во время турецкой войны, въ гражданскомъ управленіи не принималъ участія. Нѣкоторое время передъ тѣмъ на него было возложено порученіе, во время появленія чумы въ Ветлянкѣ, принять мѣры къ предупрежденію ея распространенія за предѣлы зачумленной мѣстности, о чемъ уже было упомянуто выше. Его распоряженія по этому случаю вызвали общее одобреніе, такъ что когда стало извѣстно объ учрежденіи Верховной Коммиссіи и шла рѣчь о выборѣ предсѣдателя, общественное мнѣніе стало указывать на графа Лорисъ-Меликова, и когда онъ дѣйствительно былъ поставленъ во главѣ Коммиссіи, это назначеніе было встрѣчено повсюду съ полнѣйшимъ одобреніемъ.

Къ сожалѣнію, и ему не удалось предупредить окончательную катастрофу, совершившуюся ровно годъ спустя.

Дня три послѣ его назначенія, на него было произведено покушеніе. Въ моментъ, когда онъ выходилъ изъ квартиры министра внутреннихъ дѣлъ, на подъѣздѣ какой-то еврей, фамиліи котораго не помню, выстрѣлилъ въ него, но промахнулся. Графъ Лорисъ-Меликовъ самъ схватилъ преступника, сказавъ хладнокровно: „для меня пуля еще не отлита". Преступникъ былъ преданъ военному суду, въ 24 часа сужденъ, осужденъ и казненъ.

Политика, которую сталъ проводить графъ Л.-Меликовъ, заключалась въ энергическомъ преслѣдованіи анархистовъ, при одновременномъ введеніи либеральнаго направленія въ административную жизнь страны. Прессѣ была предоставлена значительная свобода при обсужденіи внутреннихъ вопросовъ. Лорисъ-Меликовъ взялъ себѣ въ товарищи М. С. Каханова, пользовавшагося извѣстностью, какъ государственный человѣкъ съ либеральнымъ направленіемъ, и подъ его предсѣдательствомъ учредилъ комиссію для пересмотра крестьянскихъ и мѣстныхъ губернскихъ учрежденій. Предварительно онъ командировалъ четырехъ изъ наиболѣе выдававшихся моло-

дыхъ сенаторовъ: И. И. Шамшина, С. А. Мордвинова, А. А. Половцова и М. Е. Ковалевскаго для производства ревизіи мѣстныхъ дѣлъ въ разныхъ губерніяхъ. Эта сенаторская ревизія производила тогда большое впечатлѣніе въ Россіи, о ней всѣ говорили. Матеріалы, собранные ревизіею, послужили основаніемъ для работъ Кахановской комиссіи. Эта послѣдняя комиссія засѣдала все время до назначенія м. в. д. графа Толстого,—она работала по очень обширной программѣ, приглашая въ свои засѣданія ученыхъ и спеціалистовъ, пользовавшихся извѣстностію въ публикѣ. Кахановской комиссіи не суждено было привести свои полезные труды къ окончанію; ее можно было упрекнуть только въ томъ, что она слишкомъ широко раскинула свои занятія, принявъ отчасти болѣе теоретическое, чѣмъ практическое направленіе, подъ вліяніемъ рѣчей профессоровъ, принимавшихъ въ ней участіе. Доказательствомъ того, что Кахановская комиссія выработала, несмотря на то, не мало цѣннаго, можетъ служить то, что много лѣтъ спустя, при разныхъ реформахъ постоянно производились ссылки на труды Кахановской комиссіи.

Когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ графъ Толстой, находившійся по своимъ воззрѣніямъ въ крайней противоположности съ предшествовавшимъ направленіемъ, онъ первымъ дѣломъ закрылъ Кахановскую комиссію, передавъ всѣ ея матеріалы и труды въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ картонахъ котораго это полезное дѣло окончательно заглохло.

Подъ скромнымъ названіемъ министра вн. д., графъ Лорисъ-Меликовъ былъ въ сущности первымъ министромъ. Онъ особенно сошелся съ А. А. Абазой и Д. А. Милютинымъ, такъ что можно сказать, въ рукахъ этихъ трехъ лицъ находилось все управленіе страны.

Главныя мѣропріятія гр. Лорисъ-Меликова были направлены къ тому, какъ уже выше замѣчено, чтобы вызвать либеральнымъ направленіемъ правительства сочувствіе въ кругахъ интеллигентнаго общества и этимъ путемъ создать оплотъ противъ дѣятельности анархистовъ. „Новое Время“ назвало его систему диктатурой сердца. Съ этой точки зрѣнія онъ считалъ нужнымъ, чтобы во главѣ отдѣльныхъ министерствъ находились люди, пользующіеся особеннымъ довѣріемъ и уваженіемъ общества. По его мнѣнію, С. А. Грейгъ, находившійся во главѣ одного изъ самыхъ важныхъ министерствъ, финансоваго, не вполнѣ соотвѣтствовалъ этому требованію; онъ предложилъ Государю назначить министромъ финансовъ А. А. Абазу, придавъ ему въ товарищи извѣстнаго ученаго, пользовавшагося большимъ уваженіемъ въ обществѣ, Н. Х. Бунге, соединивъ такимъ образомъ въ этой комбинаціи государственный умъ извѣстнаго го-

сударственнаго дѣятеля, съ учеными свѣдѣніями извѣстнаго профессора. Въ видѣ переходной мѣры, и чтобы подготовить Николая Христіановича къ новой сферѣ дѣятельности, было рѣшено пріостановиться временно назначеніемъ Александра Аггѣевича въ министры, ограничившись пока назначеніемъ Н. Х. Бунге товарищемъ къ С. А. Грейгу. И вотъ почему, когда послѣ смерти Гирса, Грейгъ поѣхалъ къ Государю съ докладомъ о назначеніи товарищемъ м. ф. директора кредитной канцеляріи Ал. В. Цимсена, Государь не согласился на его назначеніе и объявилъ ему, что онъ на это мѣсто имѣетъ въ виду Н. Х. Бунге. Грейгъ, разумѣется, былъ крайне удивленъ этимъ эпизодомъ, такъ какъ ничего не подозрѣвалъ о подводимой подъ него самого интригѣ. При такихъ обстоятельствахъ отношенія между министромъ финансовъ и его товарищемъ не могли быть особенно близки. Состоя товарищемъ м-ра ф., Н. Х. Бунге печаталъ въ Сборникѣ Госуд. Знаній Безобразова, статьи о мѣрахъ къ улучшенію нашего финансоваго положенія.

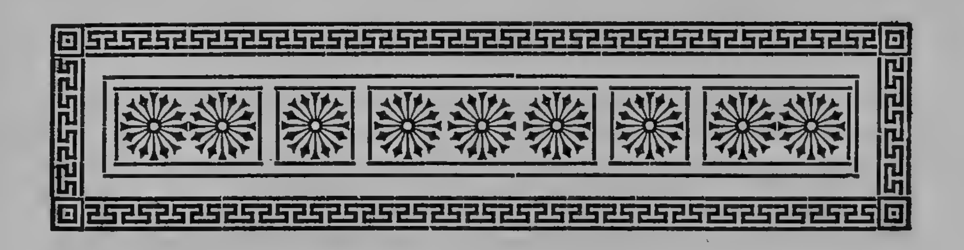
Нѣсколько мѣсяцевъ спустя совершилась подготовлявшаяся перемѣна, о которой гр. Лорисъ-Меликовъ самъ сообщилъ Самуилу Алексѣевичу, заѣхавъ къ нему. Грейгъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а А. А. Абаза—министромъ финансовъ.

Въ теченіе всего этого времени продолжались работы Барановской комиссіи по разработкѣ матеріаловъ, добытыхъ подготовительными комиссіями. Не доведенныя до конца, эти работы были прерваны внезапно тяжкою болѣзнію и отъѣздомъ за границу графа Баранова, о причинахъ которой я уже выше упоминалъ. Но еще до этой катастрофы, по поводу работъ, происходившихъ въ комиссіи, для обсужденія одного изъ предполагавшихся мѣропріятій было назначено частное совѣщаніе на квартирѣ А. А. Абазы. Предполагавшееся мѣропріятіе не могло быть пріятно Посьету, такъ какъ этимъ нѣсколько ограничивалось его вліяніе на жел.-дорожное дѣло, и вотъ почему въ это засѣданіе кромѣ А. А. Абазы, гр. Лорисъ-Меликова, графа Баранова и самого Посьета никто изъ другихъ министровъ приглашенъ не былъ, чтобы избавить Посьета отъ непріятности выслушивать въ большомъ собраніи критику его дѣятельности. А. А. Абаза пригласилъ и меня пріѣхать къ нему на это совѣщаніе, но не для того, чтобы участвовать въ немъ, а для составленія, по окончаніи засѣданія, протокола, по указанію Абазы. Въ составленіи протокола однако не оказалось надобности. Такъ какъ я не участвовалъ въ самомъ засѣданіи, то и не могу сказать, привело ли оно къ какому-либо заключенію, а также не находилось ли оно въ связи съ послѣдующимъ засѣданіемъ, которое происходило въ Царскомъ Селѣ, подъ предсѣдательствомъ Государя, ко-

торое имѣло столь неожиданное для графа Баранова послѣдствіе.

Тутъ единственный разъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ гр. Лорисъ-Меликовымъ и говорить съ нимъ. Когда члены засѣданія вышли изъ залы, въ которой происходило совѣщаніе, и пришли въ кабинетъ А. А., въ которомъ я ожидалъ результатовъ совѣщанія, кто-то изъ присутствующихъ, кажется, графъ Барановъ или А. А. Абаза представилъ меня гр. Лор.-Меликову. По этому случаю гр. Лорисъ-Меликовъ высказалъ мнѣ разныя любезности, что онъ уже очень много обо мнѣ слышалъ отъ своего товарища Каханова, что онъ даже думаетъ пригласить меня къ участію въ трудахъ Кахановской комиссіи и т. д., и, разумѣется, произвелъ на меня своею привѣтливостію очень пріятное впечатлѣніе.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей (1806—1812) [1].

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Второе сраженіе при Слободзеѣ.

3-го сентября, турки, большими толпами, вышли съ лѣваго фланга своего лагеря и, казалось, имѣли намѣреніе направиться на дер. Мальку, находившуюся на возвышенности, въ 4-хъ верстахъ отъ нашего праваго фланга, гдѣ они ясно видѣли, какъ мы заготовляли фуражъ и складывали сѣно въ большіе стога, что вызывало у нихъ большую зависть. Но наши казаки замѣтили ихъ и, тогда, ген. Булатовъ, съ тремя каре корпуса Эссена, отправился къ нимъ навстрѣчу и, послѣ трехъ-часового сраженія, въ которомъ мы потеряли около 50 человѣкъ, турки были принуждены отступить.

5-го сентября, вечеромъ, 2 или 3 турка, вообразивъ, что наши казаки хотятъ отбить ихъ лошадей, которыя, за недостаткомъ фуража, должны были пастись на лугу, передъ лагеремъ, произвели нѣсколько выстрѣловъ; казаки имъ отвѣтили, и вскорѣ, какъ обыкновенно, на нашемъ правомъ флангѣ возгорѣлось довольно живое дѣло [2]). Я взялъ съ собою три каре Булатова и, вмѣстѣ съ Эссеномъ, двинулся противъ турецкой конницы. Въ это время, наши казаки, такъ мало проявившіе свою дѣятельность 3-го числа и получившіе

---

[1]) См. „Русская Старина“ августъ 1910 г.

[2]) Если захотятъ начать дѣло съ турками, стоитъ только 2-мъ или 3-мъ казакамъ нѣсколько разъ выстрѣлить изъ пистолетовъ, и можно быть увѣреннымъ, что они сейчасъ же всѣ выскочатъ изъ укрѣпленія. Я уже это замѣчалъ нѣсколько разъ.

за это выговоръ отъ Эссена, подъ начальствомъ храбраго Сысоева, которому не нужно было два раза повторять объ атакѣ, произвели великолѣпную атаку, какую мнѣ рѣдко приходилось видѣть у казаковъ. Они въ одинъ моментъ опрокинули турокъ, взяли много плѣнныхъ, захватили 3 знамени и порубили до 500 человѣкъ, среди которыхъ погибъ племянникъ визиря Гійжъ-ага, командовавшій сначала въ Никополѣ, а теперь пріѣхавшій сюда, чтобы повидаться съ дядей. Наша потеря состояла въ 70 казакахъ.

10 сентября у насъ произошло серьезное дѣло. Въ ночь съ 9-го на 10-е число турки построили сильный редутъ, передъ центромъ своего укрѣпленія, очень близко отъ нашей первой линіи. Эта постройка производилась такъ тихо, что мы узнали о ней только утромъ. Тогда мы, не ожидая никакихъ приказаній отъ главнокомандующаго, совершенно произвольно начали наступательное движеніе, вызвавшее генеральное сраженіе, которое могло бы обратиться въ рѣшительное, если бы того захотѣлъ Кутузовъ.

Замѣтивъ, что значительный по размѣрамъ турецкій редутъ не былъ еще оконченъ, и турки не успѣютъ закрыть его съ тыла, я рѣшилъ его захватить.

Когда вся первая моя линія начала наступленіе, то турки толпою вышли изъ своего лагеря и напали на нашъ лѣвый флангъ. Эссенъ и Булатовъ не успѣли подойти на помощь, и тутъ-то началось кровопролитное дѣло, затянувшееся очень долго. Наши казаки произвели двѣ блестящихъ атаки и причинили туркамъ большія потери, но и мы немало пострадали отъ огня непріятельскихъ батарей, особенно отъ расположенныхъ по ту сторону Дуная, причинившихъ намъ не мало потерь.

Вслѣдъ за симъ, взявъ съ собою Старо-Ингерманландскій полкъ и Петербургскихъ драгунъ, я направился къ редуту и занялъ передовую позицію, на разстояніи половины выстрѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ, я выставилъ 22-хъ пушечную батарею (изъ коихъ 6 были 12-ти фунтовыя) и открылъ огонь.

Видя это, Кутузовъ послалъ мнѣ приказаніе отойти оттуда, а когда я явился къ нему на возвышенность, онъ велѣлъ мнѣ снова начать атаку. Тогда я приказалъ ген. Энгельгардту наступать съ Старо-Ингерманландскимъ полкомъ, который такъ же, какъ и его командиръ, во время всей кампаніи велъ себя необыкновенно смѣло и энергично. Впереди я снова выставилъ 22-хъ пушечную батарею и, въ первый разъ, присоединилъ къ нимъ 8 полковыхъ пушекъ; въ общемъ это составило 30 орудій, которыя, будучи хорошо направленными, причинили туркамъ огромныя потери. На наши залпы турки отвѣчали выстрѣлами изъ своихъ 8 пушекъ, которыя имъ

удалось протащить въ редутъ вмѣстѣ съ пушками изъ стараго укрѣпленія и съ батарей лѣваго берега. Отъ этой массы выстрѣловъ, въ воздухѣ стоялъ почти непроницаемый дымъ, а снаряды падали, какъ градъ.

Во всей моей военной жизни я рѣдко испытывалъ то, что я пережилъ въ этотъ день. Можетъ быть я былъ не на своемъ мѣстѣ, но я чувствовалъ, что здѣсь было пропущено столько удобныхъ и выгодныхъ для насъ моментовъ, что во мнѣ явилась потребность разомъ все покончить; я прямо желалъ раздѣлить участь моихъ храбрыхъ солдатъ. Я давно уже замѣтилъ, что русскій солдатъ, хотя по натурѣ самъ и очень смѣлъ, но любитъ, когда его генералъ идетъ вмѣстѣ съ нимъ.

Поставивъ на лѣвомъ флангѣ каре 37-го и 45-го егерскихъ полковъ, лѣвѣе ихъ Ливонскихъ драгунъ, я предложилъ Эссену усилить правый флангъ и стать рядомъ съ Архангелогородскимъ полкомъ. Расположивъ такимъ образомъ войска, я отправился пѣшкомъ осматривать редутъ и, находясь въ 200 шагахъ отъ него, я увидѣлъ, что входъ въ него съ горжи оставался совершенно открытымъ. Тогда у меня быстро родилась мысль приказать Ливонскимъ драгунамъ заскакать большимъ галопомъ въ тылъ редута, а пѣхотѣ въ это время напасть съ фронта на оба фаса его.

Когда есть какая-нибудь возможность войти въ ретраншаментъ, у котораго горжа открыта, то этимъ укрѣпленіемъ можно легко овладѣть съ помощью кавалеріи, что именно я и хотѣлъ сдѣлать.

Я уже отдалъ всѣ распоряженія, какъ вдругъ получаю приказаніе отъ Кутузова отступить. Это уже повторилось во второй разъ!

Никогда еще мнѣ не приходилось такъ сильно сожалѣть о необходимости такого пассивнаго послушанія, которое, тѣмъ не менѣе, составляетъ главнѣйшую заслугу всякаго военнаго. Въ данномъ случаѣ, неисполненіе столь несвоевременно отданнаго приказанія, вызваннаго малодушіемъ, нашло себѣ оправданіе въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы тогда находились, такъ какъ мои дѣла были не только въ блестящемъ положеніи, но они вѣроятно окончились бы полной побѣдой и взятіемъ даже самого великаго визиря, который находился тогда въ редутѣ и былъ раненъ въ правую руку.

Хотя я и не могъ предполагать, чтобы визирь находился въ такомъ опасномъ мѣстѣ, такъ какъ вообще визири не имѣли обыкновенія присутствовать на передовыхъ позиціяхъ и подвергать себя опасности, но въ данномъ случаѣ, визирь, въ силу необходи-

мости, былъ во главѣ своего войска, чтобы первому подавать примѣръ мужества, сражаясь среди огня.

И такъ, если бы я не былъ остановленъ Кутузовымъ, то я увѣренъ, что Ахметъ былъ бы убитъ.

Около трехъ часовъ дня, я отдалъ приказаніе объ отступленіи. Турки сдѣлали то же, а на другой день они занялись достройкою своего редута, которую и закончили передъ нашими глазами и закрыли горжу, поставивъ въ редутъ 12 пушекъ. Можно смѣло сказать, что преимущество этого дня оставалось на сторонѣ турокъ [1]).

Вечеромъ я отправился къ Кутузову, жившему въ 8 верстахъ отъ лагеря, куда онъ, кстати, пріѣзжалъ очень рѣдко. Ген. Марковъ и я, мы оба употребили всѣ усилія, чтобы доказать ему весь стыдъ этого дня, и высказали, что для того, чтобы исправить эту ошибку, намъ остается только ночью захватить этотъ редутъ, который не могъ быть совершенно достроеннымъ и, какъ я узналъ, не былъ еще окончательно закрытъ. Мы порѣшили взять съ собой 2.000 человѣкъ охотниковъ изъ корпусовъ Эссена и Маркова и въ полночь произвести нападеніе, въ успѣхъ котораго мы могли надѣяться, тѣмъ болѣе, что оно должно быть совершенно неожиданнымъ, и турки, обыкновенно, послѣ большого сраженія, отдыхаютъ, не принимая никакихъ предосторожностей для охраненія себя.

Послѣ трехъ-часового старанія съ нашей стороны, чтобы склонить Кутузова на разрѣшеніе этого нападенія, мы добились, наконецъ, что онъ сказалъ намъ (вѣроятно, чтобы имѣть возможность хорошо выспаться), что бы дѣлали, что хотимъ.

Марковъ сейчасъ же отправился собирать своихъ 1.000 охотниковъ, которые въ одну минуту и были готовы; я же медлилъ собрать другую тысячу изъ корпуса Эссена, такъ какъ немного подо-

---

[1]) Въ этомъ дѣлѣ одинъ изъ моихъ адъютантовъ, баронъ Шульцъ, отличился смѣлымъ подвигомъ, который онъ совершилъ съ полнымъ успѣхомъ. Мы находились вмѣстѣ, когда онъ, вдругъ, увидѣлъ между турецкимъ лагеремъ и ихъ редутомъ какого-то татарина, верхомъ на великолѣпной лошади, гарцующаго по полю. Казалось, что это была какая-то важная личность. Шульцъ летитъ галопомъ въ редутъ, проскакиваетъ среди турокъ, кидается на татарина, ударомъ сабли убиваетъ его и приводитъ ко мнѣ его лошадь. За этотъ лихой подвигъ я наказалъ его 24 часовымъ арестомъ, но я охотно хотѣлъ бы самъ понести такое-же наказаніе за подобную храбрость.

1827 г. Шульцъ продолжалъ служить вмѣстѣ со мной, отличаясь своими подвигами въ войнахъ съ Наполеономъ. Онъ былъ произведенъ въ полковники егерскимъ полкомъ, участвовалъ въ Грузинскомъ походѣ и погибъ 27 лѣтъ, отъ выстрѣла изъ ружья, произведеннаго по неосторожности однимъ солдатомъ.

зрѣвалъ то, что дѣйствительно и случилось, а именно, Кутузовъ прислалъ мнѣ отмѣну своего разрѣшенія, а самъ уснулъ.

Нѣтъ ничего непріятнѣе для генерала, подчиненнаго другому, какъ имѣть начальникомъ человѣка безразсуднаго и боязливаго; ужъ лучше начальнику быть менѣе талантливымъ, но непремѣнно болѣе предпріимчивымъ.

Я никогда не страдалъ такъ нравственно, какъ въ концѣ этой кампаніи. Кутузовъ заставлялъ меня сожалѣть о кн. Багратіонѣ и даже о гр. Каменскомъ, хотя онъ былъ умнѣе перваго и талантливѣе второго.

Черезъ три, четыре дня, послѣ этого дѣла, турки выстроили еще одинъ редутъ передъ своимъ лѣвымъ флангомъ. Эти два редута прекрасно защищали не только ихъ лагерь отъ какихъ-либо нападеній, но даже и фуражъ, которымъ теперь они могли пользоваться, какъ между редутами, такъ и около большого укрѣпленія.

Ген. Турчаниновъ доказалъ намъ, что производство набѣга на ту сторону Дуная не только возможно, но даже можно разсчитывать и на полный успѣхъ. Самъ онъ стоялъ въ Турно, имѣя предъ собой турецкій отрядъ въ 400 чел. Сначала этимъ отрядомъ командовалъ Гіижъ-Ага, племянникъ визиря, убитый 5 сентября, а затѣмъ, начальство надъ отрядомъ принялъ предводитель разбойничной банды, составившій себѣ репутацію храбростью; впрочемъ, всѣ его подвиги заключались лишь въ томъ, что онъ, находясь въ редутѣ, построенномъ противъ редута Турчанинова, что при устьѣ р. Ольты, въ продолженіе дня разъ 200 или 300 стрѣлялъ изъ орудій.

15 сентября Турчаниновъ перешелъ Дунай, въ 5 верстахъ ниже Никополя, у с. Муссели, и разрушилъ довольно значительные магазины турокъ, при чемъ разбилъ и турецкій отрядъ, въ 400 чел., охранявшихъ ихъ; изъ нихъ до 100 чел. легло убитыми, и очень много попало въ плѣнъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Турчаниновъ преспокойно вернулся, черезъ Никополь, въ Турно. Вскорѣ послѣ этого, лагерь турокъ сталъ замѣтно уменьшаться и совсѣмъ исчезъ.

При нападеніи, въ отрядѣ Турчанинова находились: 50 чел. Олонецкаго полка, 50 казаковъ и 50 арнаутовъ. Онъ вовсе не обращался къ Кутузову за разрѣшеніемъ этого набѣга, такъ какъ былъ увѣренъ, что не получитъ его.

Что бы отнять у турокъ всякое желаніе проникнуть въ с. Малки черезъ нашъ правый флангъ и разорить эту деревню, которая была для насъ единственнымъ источникомъ фуражированія, я построилъ 4 редута, изъ коихъ послѣдній былъ самый маленькій, но за то и

самый полезный; онъ былъ построенъ на возвышенности, въ 250 саж. отъ Дуная. Изъ этого редута я сдѣлалъ настоящую крѣпость и поставилъ туда 10 орудій. Возвышенность была покрыта кустарниками и прекрасной травой, весьма заманчивой для турецкой конницы, которая уже давно израсходовала свои запасы фуража и питалась только травой, находившейся около ихъ лагеря. Эти вновь построенные редуты привели турокъ въ полное отчаяніе, и они хотѣли уничтожить мою маленькую крѣпость, построивъ новый редутъ въ 200 саж. отъ нашего, а также выставивъ батарею на правомъ берегу Дуная, съ орудіями большого калибра. Но, видя, что огонь ихъ мало насъ безпокоитъ, рѣшили окружить нашъ холмъ редутами и, затѣмъ, атаковать его.

Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли 80 чел., изъ которыхъ намъ особенно пришлось сожалѣть о маіорѣ Выборгскаго полка Змѣевѣ, командовавшемъ нашими стрѣлками. Онъ всегда отличался мужествомъ и храбростью и, по своей постоянной неустрашимости, кинулся въ самую середину сражающихся у Дуная и здѣсь былъ сильно раненъ, исколотъ штыками и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ и 30 солдатами. Онъ былъ отведенъ къ визирю, который его хорошо принялъ и приказалъ его лѣчить и ухаживать за нимъ, а также и за его товарищами по несчастью. Какъ бы поступили у насъ, при подобныхъ обстоятельствахъ?

23 сентября турки имѣли дерзость, среди дня, построить редутъ на берегу Дуная, въ 600 шагахъ отъ нашего и въ 300 отъ моей крѣпости, скрытой кустарникомъ. Я извѣстилъ объ этомъ Кутузова, и, не ожидая уже отъ него приказаній (какъ наученный опытомъ), самъ отдалъ приказъ ген. Булатову снести этотъ редутъ. Маіоръ Дренякинъ съ 7-мъ егерскимъ полкомъ и маіоръ Бугнигскій съ 300 солдатъ Архангелогородскаго и Старооскольскаго полковъ, живо снесли его ударомъ въ штыки; а въ то же время Сысоевъ съ казаками, гр. Мантейфель съ Петербургскими драгунами и генер. Ланской съ Бѣлорусскими гусарами, блестящимъ образомъ атаковали турецкую конницу. Этимъ днемъ гр. Мантейфель совершенно искупилъ всѣ свои слабости и ошибки въ Рущукскомъ сраженіи, а Бѣлорусскій гусарскій полкъ вернулъ себѣ снова свою прежнюю репутацію. Въ этомъ дѣлѣ, гдѣ всѣ наши войска блестяще вели себя, мы потеряли 400 чел., потери же турокъ были весьма значительны, однихъ албанцевъ погибло въ редутѣ и потоплено въ Дунаѣ до 700 чел. Полученная нами добыча была весьма значительна [1]).

---

[1]) Это было то самое дѣло, за которое Кутузовъ просилъ дать драгунамъ и гусарамъ награды за отличіе, но Государь отказалъ ему въ

Ночью, чтобы смѣнить сражавшіяся войска, для охраненія берега Дуная, я послалъ Бѣлостокскій полкъ. По несчастной случайности, патруль нашихъ егерей заблудился и, принявъ Бѣлостокскій полкъ за непріятеля, началъ стрѣлять по немъ. Эта страшная ошибка была сейчасъ же замѣчена офицеромъ, и огонь былъ остановленъ, но жертвой этого заблужденія было 16 убитыхъ солдатъ съ своимъ командиромъ полка генераломъ Гинкуль. Человѣкъ лѣтъ 50, постоянно служившій или комендантомъ или плацъ-маіоромъ, но никогда не бывавшій въ бояхъ, Гинкуль только наканунѣ прибылъ въ полкъ и радовался, что можетъ пріобрѣсти опытность въ военномъ дѣлѣ; но учиться было уже поздно. Одна изъ пуль попала ему въ сердце.

Послѣ дѣла, я велѣлъ построить еще одно сильное укрѣпленіе на Дунаѣ и этимъ отнялъ у турокъ всякую возможность добывать себѣ фуражъ.

Плѣнные и дезертиры турки рѣшительно объявили намъ, что они терпятъ во всемъ лишенія, и что вообще они недовольны своимъ положеніемъ. Визирь ихъ удерживалъ силою на лѣвомъ берегу Дуная, такъ какъ черезъ дезертирство онъ потерялъ чуть не половину своей арміи. Вообще у турокъ мало отдѣльныхъ дезертировъ и недруговъ [1]), но паши и аги, имѣющіе свои собственныя войска, теряютъ цѣлыя банды, которыя уходятъ отъ нихъ, когда къ тому представляется удобный случай, или когда климатъ дѣлается для нихъ слишкомъ суровымъ.

Мухтаръ и Делли-паши, имѣвшіе въ нашей кампаніи 12.000 албанцевъ, не сохранили у себя и 2.500 чел., изъ которыхъ они потеряли большую часть 23 сентября [2]). Эти два паши, которыхъ визирь никакъ не могъ принудить перейти на лѣвый берегъ Дуная, расположились около Рущука только съ 300 ч., были вынуждены отдать визирю всѣхъ остальныхъ своихъ людей.

У визиря осталось только 15 тысячъ, изъ которыхъ 3.500 было конницы, лошади которой были очень худы и изнурены.

этомъ, пояснивъ, что они только поправили свои прежнія ошибки. За то Староингерманландскому полку возвращены были знамена, отнятыя у нихъ за дѣло 28 августа.

[1]) Къ непріятелю дезертируютъ только такіе люди, которые совершили какую-нибудь кражу, убійство и др. преступленія и опасаются за свою голову.

[2]) Это были сыновья знаменитаго Али-паши изъ Яссины, которые такъ же, какъ и Гузиръ, были совершенно обыкновенными людьми для турокъ, но ужасными чудовищами для насъ.

Не проходило ни одного дня безъ того, чтобы у насъ не происходило боя или перестрѣлки, такъ что мы смѣло можемъ сказать, что мы сражались съ самаго перехода турокъ черезъ Дунай до ихъ сдачи; словомъ, 94 дня подрядъ.

Хотя все это время мы были на бивакахъ и почти всегда находились подъ ружьемъ, у насъ было мало больныхъ; въ войска даже присылали на поправку значительное число выздоравливающихъ изъ госпиталей. Никогда, кажется, нашихъ солдатъ такъ хорошо не кормили, не берегли и не утомляли, какъ во времена Кутузова. Благосостоянію также много содѣйствовала и погода, такъ какъ ужасающія жары, бывшія роковыми для нашихъ войскъ, сильно уменьшились.

Первоначально, визирь, совершая свой смѣлый переходъ, имѣлъ цѣлью помѣшать намъ сдѣлать то же самое, но теперь, по прибытіи съ Днѣстра двухъ дивизій и 6 казачьихъ полковъ, онъ опасался, какъ бы мы сами не перешли въ наступленіе. Онъ, конечно, не зналъ, что намъ строго приказано было вести только оборонительную войну, и что самъ Кутузовъ, по своему характеру, не способенъ былъ ни на какое предпріятіе.

Визирь хотѣлъ снова перейти Дунай и занять зимнія квартиры, когда время года уже не позволитъ намъ двигаться; но когда онъ увидѣлъ, что мы совершенно спокойно оставались на нашихъ прежнихъ позиціяхъ, то онъ рѣшился построить еще нѣсколько редутовъ и подземныхъ галлерей и оставить на зиму, на этой сторонѣ Дуная, 10 тысячъ чел., что для насъ было бы весьма стѣснительно. Такое же приказаніе визирь отдалъ Измаилъ-бею, находившемуся около Виддина.

Если бы туркамъ удались всѣ ихъ планы, то мы были бы принуждены окружить ихъ и усиленно наблюдать за ними, что, конечно, было бы слишкомъ утомительно для нашихъ войскъ, и мы бы понесли большія потери; въ другомъ случаѣ, намъ приходилось бы вести правильную осаду противъ этихъ двухъ укрѣпленій. Если бы визирь имѣлъ намѣреніе помѣшать намъ дѣйствовать наступательно, ему не слѣдовало высаживаться у Слободзеи и утверждаться на островѣ Кошара, передъ Рущукомъ, подъ его орудіями, а лучше было бы принудить насъ остаться на мѣстѣ, хотя намъ только и оставалось такъ поступить.

Вотъ уже прошло 6 недѣль, а мы все еще стояли другъ противъ друга. Такое положеніе становилось утомительнымъ, скучнымъ и, наконецъ, прямо постыднымъ, тѣмъ болѣе, что у насъ было много выходовъ и все болѣе или менѣе хорошихъ, но Кутузовъ ни на что не рѣшался. Армія роптала, а генералы были въ полномъ отчаяніи.

Марковъ, Сабанѣевъ и я, мы долго уговаривали нашего стараго главнокомандующаго рѣшиться на наступательное дѣйствіе, такъ какъ мы твердо были увѣрены въ успѣхѣ, что дѣйствительно и случилось, но Кутузовъ ничего не хотѣлъ слушать, и мы только понапрасну теряли время и свой трудъ. Онъ по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ своей палатки, проводя время въ ѣдѣ, тратя на свой обѣдъ по 3 часа, а затѣмъ 2 часа давалъ на отдыхъ своимъ глазамъ и такъ пропадалъ весь вечеръ; утромъ было то же самое: онъ вставалъ въ 10 ч., слушалъ важныя бумаги и дѣлалъ разныя замѣтки, что нерѣдко занимало у него время до обѣда. Въ теченіе всей блокады, онъ ни разу не посѣтилъ ни редутовъ, ни войскъ! Такъ нельзя командовать арміей, но за то онъ былъ счастливъ.

Когда подошли послѣдніе эшелоны 15 дивизіи, то они заняли Слободзею, Каларашъ, Обилешти, Родованъ и пр.; всѣ эти отряды были подъ начальствомъ стараго генерала Гампера, отважнаго и дѣятельнаго генерала.

Мы опасались, чтобы турки не перешли Дуная въ Туртукаѣ, гдѣ можно было очень удобно высадиться, а затѣмъ уже по лѣвому берегу Аржицы идти прямо въ Бухарестъ. По дорогѣ туда не было ни одного ручейка, но были возвышенія, которыя могли бы помѣшать движенію конницы. По правому берегу можно было бы также изъ Туртукая попасть въ Петрики, гдѣ былъ нашъ вагенбургъ, и обойдя съ обѣихъ сторонъ понтонный мостъ, который мы имѣли въ Негоешти, занять его 500 всадниками, пройти мимо Ольтеницкаго редута, откуда наша пѣхота не могла бы преслѣдовать турокъ, могли бы сжечь этотъ мостъ и произвести панику въ Бухарестѣ.

Чтобы предотвратить эту катастрофу, Кутузовъ призналъ необходимымъ принять серьезныя мѣры и приказалъ: 8 судамъ нашей флотиліи спуститься по рѣкѣ и стать противъ Туртукая; затѣмъ послалъ въ Корнажи, по правому берегу Аржича, полковника Грекова 8-го съ казачьимъ полкомъ; Гамперъ былъ посланъ въ Лунке, гдѣ ему приказано перейти мостъ и стать въ Негоешти. Такимъ образомъ, отряды Гампера и Грекова соединялись въ Слободзеѣ и въ Каларашѣ также установлено сообщеніе за происходящимъ въ Силистріи.

Вскорѣ мы узнали, что въ этомъ городѣ было не болѣе 300—400 вооруженныхъ людей, а остальные жители города были заняты жатвой; въ Туртукаѣ же оставался лишь слабый отрядъ, не имѣвшій даже пушекъ.

Тогда Кутузовъ поднялъ вопросъ, чтобы Гамперъ съ своими отрядами перешелъ Дунай у Силистріи или у Туртукая и, послѣ того какъ онъ займетъ эти мѣста, двинуться по Шумлинской дорогѣ

до самаго Разграда, занявъ который прекратить сообщеніе обозовъ съ арміей визиря. Такъ какъ это былъ послѣдній городъ, черезъ который турецкій обозъ приходитъ въ лагерь визиря, то такая демонстрація заставила бы его вернуться.

Планъ этотъ былъ безспорно хорошъ, но все-таки онъ не былъ лучшимъ изъ тѣхъ, которые можно бы составить въ нашемъ положеніи.

Изъ свѣдѣній, которыя имѣлись, видно, что, во-первыхъ, визирь перевелъ всѣ свои войска на лѣвый берегъ Дуная, чтобы остановить дезертирство, вслѣдствіе котораго онъ ежедневно терялъ много людей; во-вторыхъ, что на правомъ берегу остались только купцы, прислуга, члены Дивана и дипломаты со свитой, не столь отважной, сколь малочисленной; въ третьихъ — визирь хотя и оставилъ на правомъ берегу свою палатку и экипажъ, но самъ помѣстился въ лагерѣ; и въ четвертыхъ—для защиты Дивана и дипломатовъ не было ни редутовъ, ни другихъ укрѣпленій.

На основаніи этихъ данныхъ, мы составили слѣдующій планъ: въ одну ночь прекратить сообщеніе черезъ Дунай; послать корпусъ въ 4—5 тысячъ на правый берегъ Дуная и, съ разсвѣтомъ, самимъ напасть на турецкій лагерь.

Мы долго не могли склонить Кутузова на утвержденіе этого плана; Марковъ безпрестанно являлся ко мнѣ, и мы вдвоемъ шли къ главнокомандующему, который на всѣ наши доводы часто даже ничего не отвѣчалъ. Сабанѣевъ и адъютанты умоляли меня не терять драгоцѣннаго времени. Наконецъ Кутузовъ согласился, но только съ непремѣннымъ условіемъ вернуть отрядъ Гампера.

Это было совершенно лишнее, но разъ уже начальникъ имѣетъ такой слабый и нерѣшительный характеръ, какой былъ у Кутузова, и когда онъ не надѣется на силу своихъ доводовъ, онъ всегда радъ тянуть время, называя это выигрышемъ времени.

Экспедицію эту Кутузовъ поручилъ генер. Маркову, который отправился на рекогносцировку береговъ Дуная и въ 20 верстахъ выше нашего лагеря и въ 5-ти отъ нашей Батинской позиціи, онъ нашелъ сухое мѣсто, весьма удобное для высадки при переправѣ. При тщательномъ осмотрѣ всего берега, онъ не нашелъ ни одного турецкаго пикета [1]).

---

[1]) Я бы могъ принять на себя начальствованіе этой блестящей и почетной экспедиціей и получить за нее Георгія 2-й ст., но я долженъ былъ пожертвовать своимъ честолюбіемъ для общаго блага. Я никакъ не могъ покинуть своего поста, а также и Кутузова, такъ какъ если бы я оставилъ его хоть на минуту, то онъ сейчасъ же послалъ бы отмѣну всѣхъ своихъ приказаній. Послѣ меня, слѣдующимъ былъ Эссенъ, уважаемый всей арміей

Изъ М. Валахіи потребовали находившіеся тамъ 6 баркасовъ, которые должны были служить для охраны высадки. Изъ Турно подогнали всѣ, находившіяся на р. Ольтѣ, суда, и когда все уже было готово, мы убѣдились, что со стороны турокъ не было сдѣлано никакихъ препятствій; но мы могли его имѣть со стороны Кутузова.

Въ ночь на 29 сентября, ген. Марковъ уѣхалъ изъ лагеря и еще до разсвѣта прибылъ въ дер. Петрошаны, гдѣ онъ могъ спокойно оставаться, не будучи замѣченнымъ непріятелемъ. Кутузовъ назначилъ ему 14 батальоновъ, 15 эскадроновъ, 2 полка казаковъ и 20 двѣнадцати-фунтовыхъ пушекъ, что, въ общемъ, составляло около 9.000 чел., т. е. ровно вдвое больше, чѣмъ было нужно.

Въ ночь на 30 число, онъ долженъ былъ переправиться черезъ Дунай въ д. Петрики и 1 октября, съ разсвѣтомъ, быть уже въ турецкомъ лагерѣ. Но флотилія опоздала, и Марковъ сдѣлалъ большую ошибку, прибывъ на мѣсто раньше ея. Повидимому, онъ составилъ неправильный разсчетъ, иначе она должна была прибыть во-время. Оставаясь совершенно одинъ въ деревнѣ и не будучи скрытъ никакой возвышенностью, за которой, въ случаѣ необходимости, могъ бы укрыться, онъ легко могъ быть замѣченъ турками, но къ счастью у нихъ не было ни пикетовъ, ни патрулей по всему берегу.

Цѣлое утро 1-го октября прошло въ безплодномъ ожиданіи перевозочныхъ средствъ, такъ какъ прибыла только половина назначенныхъ судовъ. Тогда Марковъ, чтобы не терять времени, рѣшилъ начать переправу днемъ, на имѣвшихся судахъ. Казаки переправились вплавь и увѣрили, что турки не имѣютъ ни малѣйшаго подозрѣнія о нашей переправѣ. Лодки были очень малы и вмѣщали въ себѣ мало людей, вслѣдствіе чего переправа про-

---

и пользовавшійся расположеніемъ Кутузова, который вѣроятно и выбралъ бы его для этого дѣла, но я направилъ его выборъ на Маркова, который имѣлъ большое вліяніе на Кутузова и непремѣнно бы началъ интриговать противъ этой экспедиціи, если бы вмѣсто него былъ назначенъ кто-нибудь другой. Но такъ какъ начальство надъ этой операціей было поручено ему, то мы были покойны, что онъ не будетъ препятствовать нашему дѣлу. Изъ этого видно, что иногда и злость даетъ нѣкоторыя преимущества. Тѣмъ не менѣе, правда заставляетъ меня сказать, что когда Кутузовъ, наконецъ, рѣшился на эту экспедицію и поручилъ ее Маркову, онъ то и дѣло придумывалъ различные способы, которые могли бы способствовать успѣху дѣла. Мнѣ же онъ разъ 20 повторялъ: „Это Вы меня склонили на рѣшеніе, а разъ вино откупорено, его надо пить“.

Онъ пилъ и находилъ хорошимъ вино, хотя оно могло быть и лучше.

должалась цѣлый день и даже ночь на 2 октября. (Большія суда прибыли только къ вечеру).

На лѣвомъ берегу оставались только: Ливонскій драгунскій полкъ (который Марковъ отослалъ обратно), 8 эскадроновъ гусаръ, и 10 пушекъ. Переправа продолжалась 36 часовъ.

Казаки успѣли уже овладѣть непріятельскимъ обозомъ и фуражемъ, и въ лагерѣ турокъ появились признаки паники. Марковъ началъ сильно опасаться за удачу переправы, которая тянулась слишкомъ долго.

Между тѣмъ, переправившихся ночью 8 баталіоновъ и 600 казаковъ было для него болѣе чѣмъ достаточно; но онъ хотѣлъ дождаться гусаръ, а тутъ, какъ нарочно, начались разныя неудачи съ судами. Нѣкоторыя изъ нихъ разбивались другъ о друга, другія наполнялись водой и тонули, черезъ это пришлось потерять еще одинъ день, въ который визирь могъ собрать свои войска съ лѣваго берега и построить 3 или 4 редута, которые спасли бы его.

По совѣту ген. Дехтерева, Марковъ двинулся, наконецъ, впередъ. Это было 2-го октября въ 7 час. утра. Въ это время наши казаки захватили турецкаго курьера, посланнаго визиремъ Систовскому коменданту съ благодарственнымъ письмомъ за предупрежденіе, объ отправленіи Зассомъ 6-ти судовъ.

Наши казаки уже заняли возвышенности. Когда же визирь послалъ узнать о положеніи дѣлъ, то посланные имъ или не потрудились хорошенько осмотрѣть, или они дѣйствительно ничего не видѣли (всѣ регулярныя войска Маркова были скрыты въ глубинѣ), но они объявили визирю, что кромѣ нѣсколькихъ казаковъ, которыхъ они приняли за дозорныхъ флотиліи, другихъ войскъ нѣтъ.

Тогда визирь счелъ совершенно достаточнымъ переправиться съ 500 турокъ черезъ Дунай и прогнать казаковъ. Это и былъ единственный отрядъ, съ которымъ Маркову пришлось сражаться.

Визирь упустилъ изъ вида главное правило, которымъ надо руководиться при переправѣ рѣкъ—т. е. никогда не надо раньше утверждаться на противоположномъ берегу, покуда не будетъ обезпечена переправа съ другимъ берегомъ, т. е. не будетъ занято мѣсто или построено укрѣпленіе для прикрытія переправы.

Если бы визирь построилъ цѣлую цѣпь укрѣпленій отъ Лома до Дуная, то его трудно было бы прорвать, и онъ, по крайней мѣрѣ, могъ бы всегда отступить къ Рущуку.

Марковъ достигъ турецкаго лагеря только около 10 ч. утра; онъ сдѣлалъ 15 верстъ по возвышенностямъ, совершенно на виду у непріятеля, но турки не замѣтили его. Съ такими врагами можно легко стать героемъ, и Марковъ, который по натурѣ своей никогда

не былъ героемъ, сдѣлался таковымъ только благодаря добрымъ османамъ.

Онъ только тогда былъ замѣченъ турками, когда ворвался въ ихъ лагерь. 500 турецкихъ всадниковъ напали было на нашихъ казаковъ, но, увидя подходящую пѣхоту, обратились въ бѣгство, тогда наши гусары бросились ихъ преслѣдовать и настигли въ самомъ лагерѣ.

Въ этомъ маленькомъ дѣлѣ у насъ не было и 30 убитыхъ и раненыхъ [1]).

Можно себѣ представить то мучительное безпокойство, которое мы переживали во время этого безконечнаго, какъ намъ казалось, перехода Маркова, и ту радость, которую мы испытали при видѣ его успѣховъ. Никогда еще на войнѣ военнымъ не представлялось зрѣлище болѣе прекрасное и забавное (если можно только такъ выразиться).

Съ того холма, возвышающагося на огромной равнинѣ, по которой протекаетъ Дунай и на которой расположены нашъ и турецкій лагери, было отлично видно, какъ наши каре пѣхоты со всѣхъ сторонъ врывались въ турецкій лагерь, а кавалерія преслѣдовала и рубила саблями 200 или 300 несчастныхъ, спасавшихся, въ своихъ туфляхъ, въ Рущукъ. Лошади, верблюды, экипажи—все это было взято нами. Ужасъ и безпокойство царили среди непріятеля, тогда какъ наша армія громкими криками „ура!" привѣтствовала побѣдителей.

Добыча была огромная; турки цѣнили ее въ нѣсколько милліоновъ піастровъ. Мы взяли: 8 пушекъ, 3 большихъ мортиры, привезенныя изъ Рущука, которыми они хотѣли бомбардировать нашъ лагерь; множество съѣстныхъ припасовъ, нѣсколько магазиновъ пороха, огромное количество патроновъ, снарядовъ, 50 кладовыхъ съ платьемъ, оружіе, пики и разныя драгоцѣнныя вещи;

---

[1]) Гусаръ маіоръ Бибиковъ былъ легко раненъ и взятъ въ плѣнъ. Непостижимо, какъ турки, въ этой сумятицѣ, не убили его. Онъ былъ отвезенъ въ Рущукъ, и когда туда прибылъ бѣжавшій визирь и узналъ, что Бибиковъ племянникъ Кутузову, то онъ окружилъ его заботами и черезъ нѣсколько дней отослалъ его къ дядѣ. Онъ бы хорошо сдѣлалъ, если бы оставилъ его у себя, такъ какъ этотъ молодой офицеръ былъ большой интриганъ и весьма опасный человѣкъ. Благодаря ему и ужасному Николаю Хитрово, зятю Кутузова, произошло несчастіе въ 1809 г. между нимъ и кн. Прозоровскимъ.

1827 г. этотъ молодой Бибиковъ погибъ въ Вильнѣ въ 1812 г. Онъ былъ легко раненъ, но на дворѣ было 28 градусовъ мороза; холодъ растравилъ рану, и Бибиковъ умеръ отъ гангрены.

экипажи и палатки визиря и старшихъ офицеровъ его арміи, министровъ и членовъ Дивана, которые всегда сопровождали визиря; ящики съ золотомъ и серебряными значками, которые визирь раздавалъ солдатамъ за отличіе [1]). Мы забрали верблюдовъ, лошадей и даже розовую воду, которую нашли въ изобиліи [2]).

Теперь, когда лагерь былъ взятъ, позиціи заняты (что было дѣломъ получаса), всѣ лодки турокъ, бывшія на правомъ берегу, были также захвачены, турки, расположенные на лѣвомъ берегу, были окончательно окружены и блокированы.

Послѣ сего, Марковъ долженъ былъ бы оставить 2 батальона съ нѣсколькими казаками и артиллеріей на тѣхъ возвышенностяхъ, гдѣ онъ находился, а самому съ остальными войсками двинуться въ Рущукъ, куда онъ вошелъ бы такъ же легко, какъ и въ лагерь турокъ, такъ какъ ворота были открыты, и въ городѣ никакого гарнизона не было. Мухтаръ и Вели-паша (какъ мы уже видѣли), расположившись лагеремъ около валовъ, удалились и только вечеромъ, убѣдившись, что ни одного русскаго нѣтъ въ городѣ, они вернулись и снова заняли его. Рѣка Ломъ была тогда очень мелка и повсюду приходима вбродъ и, если она и могла составлять какое-либо препятствіе, то единственно въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился Марковъ.

Если бы Рущукъ былъ занятъ, то на другой же день весь лагерь, вся непріятельская армія должны бы были сложить оружіе. Визирь не имѣлъ бы никакой возможности спастись, и это былъ бы первый примѣръ взятія въ плѣнъ визиря русскими. Слава и успѣхъ русской арміи достигли бы высшей степени. Аустерлицъ и Фридландъ тогда бы померкли; разнеслась бы молва, что мы взяли всю турецкую армію (конечно, умалчивая, что она состояла изъ 15 тысячъ), такъ какъ всякій предполагалъ бы, что визирь не беретъ съ собой менѣе 100 тысячъ!

Я совѣтовалъ Маркову не терять своихъ преимуществъ и предсказывалъ легкую возможность взятія Рущука, Марковъ отвѣчалъ,

---

[1]) У визиря было 2 палатки; одну изъ нихъ, очень большую, всю вышитую шелками, полковникъ Василій Иловайскій поднесъ Кутузову; но этотъ подарокъ не былъ знакомъ особенной доброты Иловайскаго, такъ какъ онъ себѣ оставилъ тоже палатку, которая была хотя и меньше первой, но зато вся вышитая золотомъ и цѣнилась страшно дорого. Этотъ Иловайскій, братъ Павла, убитаго при Батинѣ, былъ очень хорошій офицеръ, но казакъ въ полномъ смыслѣ слова. Его съ братомъ обвиняли въ томъ, что они силой отняли у казаковъ большую часть ихъ добычи и будто-бы послали на Донъ несмѣтныя богатства.

[2]) Весь нашъ лагерь былъ надушенъ, а солдаты даже наливали розовую воду въ свой супъ.

что таково и его намѣреніе; но этотъ человѣкъ не былъ способенъ рисковать чѣмъ-либо; онъ былъ счастливъ предшествовавшими удачами и зналъ, что будетъ награжденъ за нихъ, а до остального ему не было никакого дѣла. Изъ этого видно, что на войнѣ характеръ и способности генераловъ могутъ оказывать большое вліяніе на событія.

Какъ часто непонятно слагаются событія и случайности на войнѣ! какъ часто несправедливо и незаслуженно раздаются милости и награды! Кутузовъ и Марковъ были осыпаны ими; правда, эта слава скоро была отнята у нихъ тѣми, которые были въ состояніи ихъ судить и которые знали всѣ подробности этой кампаніи, но, все-таки, сначала ихъ превозносили до небесъ. Кутузовъ, послѣ цѣлаго ряда непростительныхъ ошибокъ, вдругъ видитъ себя увѣнчаннымъ побѣдой, не принимавъ даже участія въ иниціативѣ, плодомъ которой была побѣда! Мѣсяцъ тому назадъ я жаждалъ перехода черезъ Дунай, за что я далъ бы ему фельдмаршальскій жезлъ, и если онъ не удостоился его получить тогда, это не была моя вина, такъ какъ я сдѣлалъ рѣшительно все, чтобы увѣрить его, безъ всякаго труда, не только дѣломъ, но даже и мыслію.

Марковъ, человѣкъ во многихъ отношеніяхъ не заслуживающій особеннаго уваженія, также и въ отношеніи своей личной отваги и храбрости, одно время стоялъ наравнѣ съ самыми великими генералами не только въ Россіи, но даже и въ Европѣ. Онъ получилъ высшія военныя награды за то, что, когда представился удобный случай, онъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться имъ, сдѣлалъ все, чтобы пропустить его. Если бы его судили такъ строго, какъ онъ заслуживалъ, то онъ навѣрное не былъ бы такъ награжденъ [1]).

Въ плѣнъ было взято около 300 чел., которыхъ отправили въ лагерь къ Кутузову. Среди плѣнныхъ находился и завѣдующій провіантской частью, до сихъ поръ еще никогда не выходившій изъ Константинополя. Этотъ провіантмейстеръ, увѣренный, что у насъ ему непремѣнно отрѣжутъ голову, ужасно волновался; когда же онъ убѣдился, что ему не хотятъ причинить ничего дурного, и Куту-

---

[1]) Для своего оправданія Марковъ всегда имѣлъ секретное приказаніе Кутузова—завладѣть лагеремъ визиря и остановиться тамъ. Но если у Кутузова не хватило настолько энергіи, чтобы приказать взять Рущукъ, то Марковъ долженъ былъ имѣть ее настолько, чтобы безъ всякаго приказанія овладѣть Рущукомъ. Потери, которыя онъ бы понесъ, не могли сравниться съ блестящими результатами успѣха. Я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ этомъ приказаніи Кутузова и, конечно, если бы зналъ, то сдѣлалъ бы все, чтобы отмѣнить его.

зовъ принялъ его очень ласково, онъ пришелъ въ неописанный восторгъ и, задыхаясь отъ смѣха, началъ разсказывать намъ всѣ подробности бѣдствій, постигшихъ его самого и его товарищей по несчастію. Онъ былъ очень опечаленъ извѣстіемъ, что Кайя-бей (Голибъ-Ефенди) и князь Мурузи успѣли спастись[1]. Онъ посвятилъ насъ во всѣ мелочи организаціи снабженія турецкой арміи жизненными припасами, что показало намъ, что офицеры этой части у турокъ гораздо искуснѣе нашихъ въ дѣлѣ снабженія войскъ, что воображеніе наше положительно отказывается представить себѣ.

Оказалось, что визирь тоже былъ въ лагерѣ турокъ, и Марковъ, пропустивъ случай завладѣть Рущукомъ, долженъ былъ бы принять всѣ предосторожности, чтобы не дать бѣжать Ахмету.

Марковъ долженъ бы былъ всѣ турецкія лодки занять егерями и заставить ихъ всю ночь плавать по Дунаю, но онъ не подумалъ объ этомъ, а Кутузовъ не отдалъ никакого приказанія, хотя Сабанѣевъ и я, мы оба просили объ этомъ.

Наша флотилія, посланная для необходимой диверсіи около Маріатина, ниже Рущука, не могла быстро возвратиться обратно, такъ какъ этому мѣшало теченіе рѣки, и она прибыла только 3-го октября, когда было уже поздно. Визирь бѣжалъ въ Рущукъ въ 9 ч. вечера; погода была туманная и дождливая. Выйдя, никѣмъ не замѣченный, изъ лагеря, онъ бросился въ маленькую лодку и съ помощью двухъ храбрецовъ достигъ города. Я предупредилъ объ этомъ Кутузова, говоря ему, что Ахметъ найдетъ способъ бѣжать, на что Кутузовъ мнѣ отвѣчалъ: „Я бы этого очень желалъ, такъ какъ у меня будетъ съ кѣмъ вести переговоры о мирѣ, котораго я такъ хочу“. Признаюсь, что глубина этихъ политическихъ соображеній была выше моего ума.

Если бы нами командовалъ Суворовъ, можно было бы навѣрное ожидать, что мы бы не были въ такомъ положеніи, какъ теперь, но если бы, даже случайно, мы были бы поставлены въ такое положеніе, то послѣ успѣха Маркова, Суворовъ навѣрное былъ бы въ Шумлѣ, а можетъ быть и дальше.

Вѣсть о взятіи турецкаго лагеря быстро распространилась по всей странѣ и произвела необычайную панику. Невозможно описать все, что творилось тогда у турокъ: многіе жители бѣжали изъ сво-

---

[1]) Мурузи, человѣкъ болѣе тонкій и осторожный, чѣмъ турки, предвидѣлъ раньше эту катастрофу и потому уже заранѣе отослалъ всѣ свои вещи въ Рущукъ, а самъ, какъ только завидѣлъ русскихъ казаковъ, вскочилъ на лошадь и поскакалъ въ Кадыкіой. Голибъ-Ефенди поступилъ такъ же, но только гораздо позднѣе; а потому они оба и не были взяты въ плѣнъ.

ихъ деревень, Шумла оставлена безъ защиты, бѣглецы возвращали транспорты обратно и вернули войска, отправлявшіяся въ лагерь визиря. 20 нашихъ казаковъ въ Разградѣ могли бы изгнать жителей и завладѣть крѣпостями, а черезъ 10 дней наши аванпосты могли бы соединиться съ аванпостами Гампера и Грекова, перешедшими Дунай, одинъ у Силистріи, а другой у Туртукая. Визирь спасся въ Рущукѣ, но его легко можно было заставить снова сдаться, если бы только одинъ казачій полкъ, нѣсколько драгунъ и баталіона два пѣхоты, оставленные въ Маріатинѣ, отрѣзали бы ему дорогу изъ Туртукая, а занявъ Пизанцскія дефиле, они также отрѣзали бы ему путь въ Разградъ. Но Кутузовъ не хотѣлъ прибѣгать ни къ одному изъ этихъ способовъ, такъ какъ онъ опять повторялъ, что если визирь будетъ взятъ въ плѣнъ, то некому будетъ вести переговоровъ о мирѣ.

Спасаясь въ Рущукъ, визирь приказалъ укрѣпить позицію у Кадыкіоя, гдѣ было 5 редутовъ и ни одного защитника. Марковъ, конечно, долженъ былъ отправить туда, въ самый день взятія турецкаго лагеря, 3 или 4 баталіона, но онъ не сдѣлалъ этого.

Визирь, придя въ себя, послѣ первыхъ страховъ, отправилъ туда Джаура-Гассана, который и собралъ тамъ около 2.000 бѣглецовъ и 2 пушки; наши казаки имѣли съ ними небольшое дѣло.

Я посовѣтовалъ Кутузову приказать Маркову отправить въ Кадыкіой ген. Удолина и полковника Иванова, отважныхъ и дѣятельныхъ офицеровъ, съ 38-мъ и 10-мъ егерскими полками. Марковъ послушался, но только онъ непремѣнно хотѣлъ самъ участвовать въ этой экспедиціи. Съ этихъ поръ, я предвидѣлъ, экспедиція не будетъ имѣть успѣха. И я не ошибся. Джауръ покинулъ 4 редута, а самъ заперся въ пятомъ, который легко можно было бы снести, такъ какъ онъ уже былъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ разрушенъ выстрѣлами. Храбрые егеря, воодушевленные воспоминаніемъ о приступѣ Ловчи, просились наступать, но Марковъ, осмотрѣвъ издалека редутъ, рѣшилъ отступить, подъ предлогомъ, что онъ могъ быть отрѣзаннымъ войсками, находящимися въ Тырновѣ, что въ 80 верстахъ отъ Рущука, гдѣ кстати никого не было. Оправданіе было еще болѣе постыдно, чѣмъ самое отступленіе.

Марковъ приказалъ пѣхотѣ кричать „ура" и отступилъ на другой день. Армія воспѣла его въ своихъ пѣсняхъ, но вѣдь пѣсня не беретъ Кадыкіоя, который такъ необходимо было занять.

Турецкая армія, остававшаяся на лѣвомъ берегу Дуная, ежедневно получала провизію съ праваго берега, но на другой день перехода Маркова, она осталась безъ фуража, безъ провіанта и безъ дровъ. Послѣ бѣгства визиря и стараго паши Корзли-Али, который

спасся вмѣстѣ съ Ахметомъ, молодой Чапанъ-Оглы остался одинъ командовать арміей [1].

Мы не сомнѣвались въ томъ, что этотъ блокированный турецкій корпусъ, лишенный подвоза продуктовъ и не имѣющій никакихъ надеждъ на спасеніе, долженъ сдаться намъ черезъ нѣсколько дней, но мы ошиблись въ нашихъ ожиданіяхъ.

Визирь увѣрилъ Чапана-Оглы, что онъ соберетъ войска и отбросить Маркова; но не такъ-то легко было изгнать 8.000 русскихъ, укрѣпленныхъ на возвышенностяхъ, такъ какъ Марковъ на другой день взятія лагеря, приказалъ выстроить 5 редутовъ, изъ которыхъ одинъ былъ настоящей крѣпостью. Для того чтобы прогнать русскихъ изъ ихъ укрѣпленій, нужно было, по крайней мѣрѣ, 50 тысячъ, а визирь не могъ набрать и пяти.

Я уже довольно часто описывалъ умъ и военную организацію турокъ, чтобы снова повторять, что послѣ такого сильнаго пораженія, которое понесла турецкая армія, ни одинъ паша не рѣшится рисковать чѣмъ-нибудь подобнымъ.

Нѣсколько турокъ, зная, какъ у насъ обращаются съ плѣнными, бѣжали къ намъ и разсказывали, что всѣ тѣ турки, которые уже сидѣли у насъ въ крѣпостяхъ, не желали бы ничего лучшаго, какъ сдаться, но что всѣ янычары были увѣрены, что мы всѣмъ имъ отрѣжемъ головы [2], или отнимемъ все ихъ имущество и оружіе, составлявшее все ихъ богатство.

Что бы ни руководило турками, заставляя ихъ терпѣть всевозможныя лишенія, чтобы только не сдаваться, мы должны признаться, что стойкость и твердость, съ которой солдаты переносили всѣ страданія, были достойны восхищенія. Никогда еще турецкая армія не была въ такомъ ужасномъ положеніи. Уже черезъ три дня послѣ нашего перехода черезъ Дунай, они стали ѣсть своихъ лошадей, поколѣвшихъ отъ голода; эта отвратительная говядина продавалась

---

[1] Чапанъ-Оглы былъ молодой человѣкъ, 26 лѣтъ, красивой наружности, хладнокровный по характеру и въ то же время энергичный, мужественный, но въ то же время очень высокомѣрный и гордый. Его отецъ, отличившійся въ войнѣ съ австрійцами въ 1788 году, имѣлъ 15 чел. дѣтей. Онъ былъ страшно богатъ и могъ вооружить 40 тысячъ чел. Султанъ его боялся и щадилъ его. Его фамилія, также какъ и Саза-Османа, была одна изъ самыхъ первыхъ въ Турціи по древности, богатству и могуществу. Они скорѣе данники, чѣмъ подданные повелителя, и этотъ пашалыкъ переходитъ отъ отца къ сыну. Султанъ ничего не можетъ сдѣлать, чтобы измѣнить этотъ обычай. Это настоящіе азіатскіе типы, очень мало цивилизованные, но великіе во всѣхъ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ.

[2] Начальники поддерживали ихъ въ этомъ мнѣніи, чтобы они не приходили въ отчаяніе.

сначала по піастру за фунтъ, затѣмъ дороже, и они, не имѣя ни дровъ, ни соли, должны были ѣсть ее сырою.

Слѣдствіемъ этой ужасной пищи была сильная дизентерія, которая ежедневно уносила 40 или 50 человѣкъ. Имъ было трудно бороться съ этой болѣзнью, такъ какъ у нихъ въ лагерѣ не было ни докторовъ, ни медикаментовъ [1]). Умершихъ своихъ они хоронили очень поверхностно, и поэтому отъ могилъ шелъ страшный смрадъ, который, соединившись съ запахомъ, происходящимъ отъ дезинтеріи и отъ гніющихъ лошадиныхъ труповъ, былъ настолько силенъ, что невозможно было подойти къ лагерю ихъ, и мы сильно опасались чумы.

Марковъ выставилъ противъ турецкаго лагеря 40 мортиръ и пушекъ, изъ которыхъ производилась безостановочная стрѣльба. Ген. Гартингъ приказалъ выстроить, въ 100 фут. отъ праваго фланга турокъ, батарею на 6 орудій, а флотилію размѣстили поперекъ рѣки въ 60 фут. [2]). Гартингъ не покидалъ своей батареи, и хотя его предпріимчивость всѣмъ была извѣстна, но онъ отдалъ здѣсь такую диспозицію, которая доказала мнѣ, что насколько онъ хорошій начальникъ отряда, настолько плохой инженеръ.

Флотиліей завѣдывалъ Акимовъ, который, оставаясь одинъ, всегда выказывалъ бездѣятельность и безразсудность, но всегда очень энергичный, когда его принуждаютъ дѣйствовать другіе.

Маленькій островокъ, расположенный по срединѣ рѣки, противъ центра турецкаго лагеря, былъ укрѣпленъ, и на немъ была поставлена батарея, которая была снесена по приказу Маркова отрядомъ 6-го егерскаго полка, подъ начальствомъ капитана Гасса, а находившіяся тамъ пушки намъ очень пригодились. Всѣ наши батареи положительно давили турецкій лагерь, особенно батареи Гартинга и флотилія окружали его съ одного конца до другого.

Когда несчастные турки, чтобы избѣжать нашего ужаснаго

---

[1]) Нельзя себѣ представить то преступное равнодушіе, съ которымъ турки относятся къ своимъ раненымъ и больнымъ, и тотъ недостатокъ заботъ, которыми они ихъ окружаютъ. Мы не видѣли ни докторовъ, ни аптекарей, ни хирурговъ, принадлежащихъ къ ихъ арміи. Паши и греческіе князья, служащіе какъ драгоманы, тѣ еще имѣютъ такъ называемаго врача, обыкновенно какого-нибудь деревенскаго цирульника, но и эти цирульники занимались только тѣми, кому принадлежали, а несчастные солдаты, покинутые въ своихъ палаткахъ на произволъ судьбы, часто умирали съ голоду.

[2]) Гартингъ поставилъ флотилію такъ, не смотря на всѣ протесты моряковъ, и доказалъ мнѣ, что это было возможно, если теченіе не очень быстро. 4—5 лѣтъ назадъ, всѣ офицеры флота и само адмиралтейство письменно дало противное мнѣніе и я уступилъ.

огня, спасались въ свои редуты, я выставлялъ, по-батарейно, по 50 орудій или гаубицъ и, стрѣляя гранатами въ ихъ массы, истреблялъ людей, заставляя ихъ возвращаться въ лагерь. Наконецъ, они были принуждены вырыть ямы, въ которыхъ и сидѣли дни и ночи, часто умирая съ голода.

Ни одинъ визирь никогда еще не находился въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ Ахметъ. Онъ потерялъ свою армію, всѣ свои запасы, весь обозъ и чувствовалъ, что онъ можетъ потерять нѣкоторыя крѣпости, а затѣмъ и свою голову. Онъ видѣлъ, что онъ никакъ не можетъ намъ сопротивляться, если мы хоть сколько-нибудь двинемся впередъ; но, несмотря на все это, онъ все-таки вышелъ изъ этого положенія, какъ человѣкъ ума. Суворовъ, какъ-то, сказалъ, что никто не можетъ обмануть Кутузова, даже Рибасъ [1]); это было сказано, чтобы польстить его уму. Ахметъ оказался тоньше Рибаса, такъ какъ обманулъ Кутузова; хотя, надо прибавить, нынѣшній Кутузовъ не былъ Кутузовымъ 1788 года.

Какъ странно было видѣть нашего главнокомандующаго, послѣ такого блестящаго успѣха, безпокоющагося за положеніе Маркова. Онъ опасался, чтобы визирь не собралъ свои войска, и чтобы Измаилъ-бей не вошелъ въ Видинъ, несмотря на то, что ему нужно было 15 дней для прибытія туда, да онъ и не могъ привести туда болѣе 10 тысячъ чел., которые могли бы угрожать наступленію Маркова. Въ этомъ и состоялъ главный недостатокъ Кутузова, который господствовалъ надъ всѣми его качествами.

Со слѣдующаго дня бѣгства визиря въ Рущукъ, насъ начали одолѣвать посылаемые имъ парламентеры. Я умолялъ Кутузова не принимать ихъ, требовать сдачи лагеря и Рущука или овладѣть ими однимъ смѣлымъ натискомъ, а затѣмъ идти впередъ, взять Шумлу и подписать миръ на барабанѣ, у подножія Балканъ.

Я хорошо зналъ турокъ и зналъ также, что если мы не воспользуемся случаемъ соблюсти свои выгоды (что упустилъ гр. Каменскій, послѣ сраженія при Батинѣ), когда изъ страха они рѣшительно на все согласятся, то выказывать имъ слабость и снисхожденіе значитъ—дать имъ возможность почувствовать себя бодрѣе, и тогда они не легко пойдутъ на уступки.

Всякая нація, будь она даже не цивилизованная, гордая, низкая, пресмыкающаяся или заносчивая или неспособная понимать какія-

---

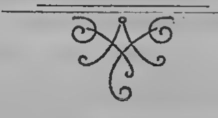
[1]) Мы видѣли въ журналѣ 1790 г., что адмиралъ Рабасъ игралъ большую роль въ войнѣ 1788 г. Это былъ человѣкъ необыкновенно тонкій и ловкій, но страшно безнравственный.

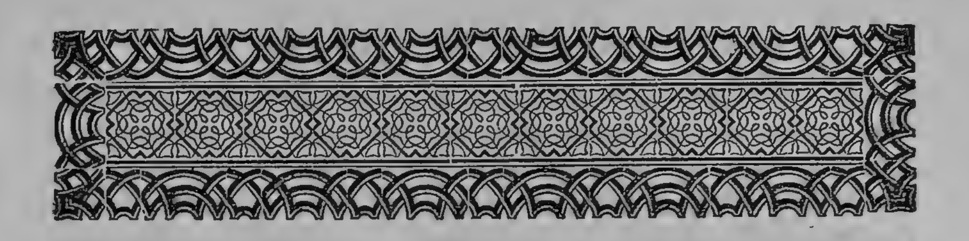
либо деликатныя отношенія, всегда принимаетъ доброту и мягкость только за слабость и безсиліе. Доброта же Кутузова увѣрила визиря, что мы были не такъ сильны, какъ онъ предполагалъ раньше, и онъ рѣшилъ заставить насъ потерять драгоцѣнное для насъ время. Онъ правильно разсудилъ, что позднее время года не позволитъ намъ предпринимать крупныя операціи, а этого времени будетъ вполнѣ достаточно, чтобы турки оправились отъ страха и снабдить Рущукъ провизіей.

Все это удалось ему только отчасти. Онъ отправлялъ въ Рущукъ все, что онъ могъ достать у вооруженныхъ мѣстныхъ жителей (часто турецкія войска состоятъ только изъ нихъ). Неподвижный Марковъ нисколько не противился его дѣйствіямъ, такъ какъ Кутузовъ ему ничего не приказывалъ, а съ 500 казаками онъ могъ бы войти въ Рущукъ и остановить подвозъ провизіи, но онъ не сдѣлалъ этого и вообще не сдѣлалъ ничего.

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Володимірія.

(СЪ ПЛАНОМЪ).

Такъ называлась въ древности земля между рѣками Нѣманомъ, Припетью и З. Бугомъ, когда ею владѣли потомки Рюриковичей, Владиміра Святого и Мономаха. Земля эта, при основаніи Русскаго Государства, была населена славянами, племенами: дреговичей, бужанъ, дулебовъ и наревьянъ. По сосѣдству, на сѣверо-западѣ, жили дикіе ятвяги, которыхъ судьба тѣсно связана съ Володимірскимъ княжествомъ. Въ концѣ X вѣка, при Олегѣ, дреговичи были уже подвластны ему и потомъ Кіевскимъ князьямъ, соприкасаясь по сѣверо-западной границѣ съ ляхами и ятвягами. Въ 983 году Володиміръ, добывши Червенскіе города, побѣдилъ ятвяговъ и занялъ ихъ землю, нынѣшнюю Ломжинскую губернію по сосѣдству съ С.-З. съ Гродненскою губерніею. Онъ же распространилъ христіанство въ Червенскихъ городахъ и въ Володимірін. Въ 1040 году Ярославъ пошелъ на ятвяговъ, но не смогъ ихъ побѣдить окончательно. Онъ плылъ по З. Бугу, и при немъ вся нынѣшняя Гродненская губернія къ востоку отъ З. Буга была уже вотчиннымъ достояніемъ Кіевскихъ великихъ князей, и уже существовалъ укрѣпленный пунктъ Гродно. Изяславъ Владиміровичъ въ 1052 году получилъ въ удѣлъ западную Русь до горъ Карпатскихъ и наслѣдовалъ Кіевъ. Восточная половина Гродненской губерніи управлялась Туровскими удѣльными князьями, а западная Владиміро-Волынскими удѣльными князьями Изгоями Ростиславичами. Когда великій князь Андрей Боголюбскій (1169—1175) отвернулся отъ Кіева и основался во Владимірѣ, западная Русь, Кіевская со всѣми княжествами и удѣлами, осла-

бѣла и въ междоусобной войнѣ, послѣ пораженія Андрея Боголюбскаго, Мстиславомъ Ростиславичемъ Храбрымъ, она сдѣлалась въ 1175 году какъ бы независимою отъ великихъ князей восточной, Владимірско-Московской Руси. Отъ Ярослава до князя Даніила Романовича Галичскаго и Червонной Руси, правнука Ярослава, соединившаго западную Русь въ одно цѣлое, подъ именемъ Галицкаго Королевства, Володимірія была русскою землею и управлялась удѣльными князьями изъ рода Ростиславичей, внуковъ Ярослава. Этотъ періодъ отличался, тѣмъ не менѣе, безконечными смутами и войнами, съ одной стороны съ поляками и венгерцами, а съ другой съ литовцами и ятвягами. За это же время случился татарскій погромъ, который въ 1241 году достигъ Карпатъ, разоривъ всю западную Русь до Володиміріи включительно. Эти остатки татаръ-мусульманъ и нынѣ живутъ въ Гродненской губерніи почти во всѣхъ уѣздахъ, до 2.355 д. об. п. Ихъ поляки причислили къ шляхтамъ, къ мелкому дворянству, со всѣми правами и преимуществами польской шляхты. Въ 1188 году Галицкій престолъ, по единодушному избранію, былъ переданъ Роману Мстиславичу, который соединилъ въ своихъ рукахъ всѣ разрозненныя силы Юго-западной Руси. Лѣтописи XI и XII столѣтій упоминаютъ о городахъ Брестѣ, Дрогичинѣ, Слонимѣ и Городкѣ. Романъ въ 1200 году ходилъ на Литву и покоренныхъ литовцевъ заставилъ обратиться къ земледѣлію. По смерти Романа въ 1205 году снова было не мало междоусобій и войнъ съ сосѣдями. Собственно Володиміріею управляла вдовствующая княгиня до 1213 года, когда престолъ былъ переданъ ею ея сыну Даніилу Романовичу. Это царствованіе было тяжелое, какъ изъ-за татарскаго нашествія и разоренія всего края, такъ и враждебнаго отношенія къ нему сосѣднихъ народовъ: нѣмцевъ, ляховъ, венгерцевъ. Пограничный городъ Дрогичинъ въ это время игралъ важную пограничную роль, и тамъ же Даніилъ принялъ въ 1254 году королевскую корону. Городъ Холмъ сдѣлался тогда же около 1271 года, послѣ общаго татарскаго погрома, столицею государства Червонной Руси (отъ древняго Червеня близъ Холма). Народъ Червонной Руси и Володиміріи, всей Гродненской области, былъ уже въ это время вполнѣ православнымъ, но такъ какъ русскіе князья роднились съ польскими и литовскими княжнами, то католичество начало незамѣтно проникать, съ запада, въ русскія земли. Къ концу царствованія Даніила Романовича, онъ предпринялъ рѣшительный походъ противъ ятвяговъ, послѣ котораго ятвяги разсѣиваются во всѣ стороны и окончательно исчезаютъ въ 1281 г. Но это, теперь пустое мѣсто, обиталище бывшихъ ятвяговъ, довольно скоро заняли отчасти литовцы, поляки и рыцари, и опять начинается

тревожное время вторженія сосѣдей въ Русско-Галичское княжество и въ сосѣдственную Володимірію. Послѣдняя во всякомъ случаѣ существовала самостоятельно, хотя подъ татарскимъ игомъ до 1292 г., въ рукахъ Даніилова потомства. Но и послѣ этого князь Юрій I, уже зависимый отъ Литвы, употреблялъ титулъ Короля Русскаго и князя Володимірскаго, а его сыновья Андрей и Левъ подписывались въ 1316 г. князьями земли всея Руси, Галиціи и Володиміріи. Далѣе отмѣчается, что въ 1334 и 1335 году Юрій II употреблялъ титулъ князя всей Малой Руси. Соловьевъ говоритъ, что Галицкъ и Володиміръ были соединены подъ властью одного князя, назвавшагося Малороссійскимъ, при чемъ бояре и дружины сохраняли по-прежнему свое значеніе. Юрій II умеръ въ 1339 г., и престолъ перешелъ къ его сестрамъ. Въ 1340 г. Галичъ захватнымъ образомъ сдѣлался достояніемъ Казиміра Польскаго, а Володиміръ остался за Любартомъ Мазовецкимъ, женатымъ на сестрѣ Юрія, но съ подчиненіемъ и зависимостью отъ Литвы, которая къ 1315 г. владѣла уже номинально всѣми русскими землями вокругъ Володиміріи, при Литовскомъ князѣ Витенесѣ; ему подчинялись уже всѣ русскіе удѣльные князья, потомки Рюрика, въ Пинскѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, Минскѣ, Гроднѣ и Туровскѣ. Русскій народъ вѣрилъ и повиновался литовскимъ князьямъ, которые охраняли церковь, обычаи, нравы и народность; они же были достаточно сильны для отраженія, отъ набѣговъ, татаръ. Но въ 1324 г. Володимірія окончательно упраздняется при Гедеминѣ Литовскомъ, который ее подчиняетъ себѣ вмѣстѣ съ Кіевомъ и всею Западною Русью. Съ этихъ поръ исторія Литвы и ея князей, съ ихъ распрями, поглощаетъ совершенно исторію потомковъ Рюриковичей въ Западномъ краѣ, которые обращаются въ бояръ, хотя бы знатнаго происхожденія, но вполнѣ уже зависимыхъ отъ Литовскихъ великихъ князей. Тѣмъ не менѣе, русская народная, культурная жизнь, какъ стоявшая выше литовской, должна была брать верхъ, и русскіе законы, общественное устройство, самый языкъ и православіе, свидѣтельствовали о томъ, что Литва мало отличалась отъ Западной Руси по единству жизни и управленія. Даже главный городъ Вильно смотрѣлъ русскимъ городомъ по своей жизни, церквамъ и говору. По вступленіи на престолъ Великаго Князя Литовскаго Ягелло, онъ обѣщалъ, за руку польской Королевы Ятвиги, польскому дворянству и католическому духовенству, не только ввести господство Римской церкви во всемъ Литовскомъ государствѣ, но даже и всѣхъ русскихъ подданныхъ обратить къ папскому престолу. Съ этого часу начинаются всѣ несчастія Великаго Княжества Литовскаго и съ нимъ всего русскаго народа Западнаго края. Самостоятельность Великаго

Княжества Литовскаго исчезаетъ по соединеніи Литвы съ Польшею въ 1369 г., а затѣмъ въ 1569, по Люблинской уніи, это уже свершилось окончательно. Тогда же за Польшею, Соборомъ въ Брестѣ, въ 1596 г., былъ утвержденъ преимущественный голосъ управленія и владѣнія Литовско-Польскимъ государствомъ. Въ то же время начало распространяться усиленно, по всей западной Руси, католичество, польскіе обычаи и нравы и водвореніе въ краѣ польскаго землевладѣнія, съ неслыханными злоупотребленіями и окончательнымъ подчиненіемъ Папѣ всей Западо-Русской іерархіи. Какимъ испытаніямъ подвергался русскій православный народъ, видно изъ слѣдующаго: церкви въ большихъ городахъ запечатывались; церковное имѣніе расхищалось; дѣти умирали безъ крещенія; тѣла умершихъ вывозили изъ городовъ, какъ падаль; народъ умиралъ безъ исповѣди. Монаховъ ловятъ, бьютъ, сажаютъ въ тюрьму. Церкви отдавались евреямъ въ аренду и за всякую службу, за совершеніе таинства, взимали опредѣленную плату. Такое положеніе народа заставило казаковъ взяться за оружіе, и съ этого началось разложеніе Польши по частямъ. Русскіе бояре, прельщенные польскими привилегіями и обѣщаніями, переходили постепенно въ католицизмъ и забросили свой языкъ, свои обычаи и нравы, замѣнивъ все польскимъ и католичествомъ. Только русскій народъ, со своими пастырями, оставались вѣрны православію и своей народности съ языкомъ, поддержанные Кіевомъ и его священствомъ. Послѣ соединенія Литвы съ Польшею, страна между Припетью, З. Бугомъ и Нѣманомъ, до раздѣла Польши въ XVIII столѣтіи, входила въ составъ воеводствъ: Трокскаго, уѣзды Гродненскій и Сокольскій; Новогрудскаго, уѣзды Слонимскій и Волковыскій; Брестскаго, уѣзды Брестскій, Кобринскій и Пружанскій, и Подлясскій, уѣзды Бѣльскій и Бѣлостокскій. Первыя три воеводства считались за Литвою и слѣдовали Литовскому статуту и закону, а Подлясское было присоединено къ Польшѣ и пользовалось польскими правами и законоположеніями. Въ народѣ уѣзды Гродненскій, Волковысскій, Слонимскій и Пружанскій назывались издавна Черною Русью[1]). Уѣзды Кобринскій, Брестскій назывались Полѣсьемъ, а три западные уѣзда: Бѣльскій, Бѣлостокскій и Сокольскій назывались Подлясьемъ. Отъ русской старины, истребленной фанатизмомъ католиковъ и іезуитами, остался къ 60 годамъ XIX столѣтія на берегахъ р. Лѣсны, въ Брест-

[1]) По Кояловичу это прозвище произошло отъ черной и бѣлой верхней одежды и овецъ черныхъ и бѣлыхъ въ хозяйствѣ тѣхъ и другихъ. Черною Русью съ XIV ст. называлась Кривская земля, съ населеніемъ кривичей, которая въ половинѣ XIII вѣка вошла въ составъ Великаго Княжества Литовскаго. Южная часть этихъ кривичей жила во Володимірія.

скомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Каменцѣ, каменный столбъ, воздвигнутый внукомъ Романа, въ XIII столѣтіи; другой памятникъ—это церковь въ Гроднѣ, у устья Родничанки, Коложанская церковь XII столѣтія, воздвигнутая Гродненскимъ княземъ Всеволодомъ, свойкомъ Владиміра Мономаха. Въ 1851 году въ этомъ храмѣ еще совершалось богослуженіе.

По послѣднему раздѣлу Польши въ 1795 году Гродненская область присоединена къ Россіи, и жители ея сравнены съ прочими подданными имперіи, введеніемъ учрежденія о губерніяхъ. Собственно начало Гродненской губерніи положено въ 1801 году, указомъ о пяти новыхъ губерніяхъ. Бѣлостокская область, принадлежавшая Польшѣ, въ 1807 году была присоединена къ Гродненской губерніи по Тильзитскому миру. Въ 1843 году Гродненская губернія окончательно устроилась такою, какою мы знаемъ ее въ настоящее время [1]; но тутъ не лишнее указать, что еще Царь Алексѣй Михайловичъ, принявъ подданство Малороссіи въ 1654 году, по опредѣленію Соборной Думы, и, объявивъ войну Польшѣ, дойдя побѣдоносно до г. Гродно, принялъ титулъ Великаго князя Литовскаго. Въ смыслѣ собиранія русскихъ земель это очень крупное, хотя и забытое событіе, совершившееся далеко ранѣе раздѣла Польши въ 1772 г. Другое видное событіе свершилось гораздо позже въ 1839 г., когда уніаты Люблинской уніи, въ 1569 г., были возсоединены съ православіемъ при императорѣ Николаѣ I, и Володимірія, сдѣлавшись вновь русскою страною, порвала навсегда связь съ Польшею. Въ 1874 году, уніаты въ Холмщинѣ, въ столицѣ Даніила Романовича, одинаково приняли православіе, которое такимъ образомъ, послѣ 300 лѣтняго отторженія, вновь возстановлено во всемъ Западномъ русскомъ краѣ, въ этомъ достояніи Кіевской Руси и Рюриковичей. Площадь Гродненской губерніи составляетъ 33.901 кв. версту, съ населеніемъ по переписи 1897 г. въ 1.603.000 душъ обоего пола.

10 ноября 1863 года, я имѣлъ счастье повергнуть на воззрѣніе Императора Александра II, только что законченный составленіемъ, атласъ народонаселенія Западно-русскаго края по исповѣданіямъ. Онъ былъ составленъ по приходскимъ спискамъ всѣхъ исповѣданій, при чемъ всѣ приходы, обозначенные на картахъ 10—15 верстнаго масштаба, имѣли на поляхъ картъ, повторительно, перечень тѣхъ же приходовъ, съ показаніемъ числа душъ обоего пола и существующихъ братствъ, этихъ устоевъ древняго православія. Братства

---

[1]) Матеріалы для географіи и статистики Россіи. СПБ. 1863 г., ч. I. П. Бобровскій.

(братины) существовали издавна. Ихъ назначеніе было праздновать извѣстный церковный праздникъ общимъ братскимъ пиромъ, при томъ въ складчину. Этотъ обычай получилъ широкое примѣненіе и значеніе въ городахъ Западной Руси, жалованныхъ магдебургскимъ правомъ, съ точнымъ опредѣленіемъ общинной формы цехового устройства. Тутъ религіозная сторона соединялась съ ремесленно-цеховою. Братства эти въ XVI столѣтіи, всенародно, защищались отъ католическихъ претензій, имѣли свой домъ, типографію, школу, издавали книги и отстаивали всячески свое православіе. Всѣ они только считались уніатами, оставаясь въ корнѣ вѣрны православію. Кромѣ того каждая карта, губернія имѣла свою статистическую таблицу по исповѣданіямъ и народностямъ. Это дорогое изданіе было выпущено скороспѣлкою въ 100 экземплярахъ и въ виду повстанческой смуты въ 1863 г. было отослано по экземпляру и по указанію князя Горчакова, въ Лондонъ, Парижъ, Римъ, Вѣну и Берлинъ. Второе изданіе, исправленное мною, появилось въ 1864 г. и было, какъ и первое, издано на средства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, но подъ кличкою дѣйств. ст. сов. П. Н. Батюшкова, завѣдывавшаго постройкою церквей въ Западно-русскомъ краѣ. Одновременно были составлены такого же сорта двѣ карты по исповѣданіямъ и народностямъ всей восточной половины Привислянскаго края по источникамъ, доставленнымъ намъ Н. А. Милютинымъ. Эта полоса оказалась литовско-русскою и уніатскою въ Сувалкской, Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ, и такое положеніе народа послужило къ тому, что въ 1874 г. уніатовъ Люблинской губерніи было возможно пріобщить также къ православію. Теперь вопросъ объ отдѣленіи Холмщины отъ Привислянскаго края на очереди, и разрѣшеніе его ожидается съ нетерпѣніемъ.

Когда мнѣ пришлось, въ 1862—1864 г., объѣзжать православные приходы, съ цѣлью обновленія и отстройки православныхъ церквей, обнаружилось совершенно ясно, что не имѣя картъ, по которымъ можно было бы оріентироваться, по отношенію къ католическимъ костеламъ, окружавшимъ православные приходы, до тѣхъ поръ трудно было опредѣлить, что сдѣлать: отремонтировать ли церковь или отстроить вновь? Это своего рода стратегическое соображеніе получалось только тогда, когда имѣлась на картѣ цѣльность исповѣднаго вопроса съ его отношеніемъ и расположеніемъ, въ краскахъ, всѣхъ приходовъ безразлично, что и было вполнѣ достигнуто и доказало совершенно ясно, что край по большинству площади и населенія вполнѣ православный и русскій и назвать его польскимъ, католическимъ, было бы этнографическимъ преступленіемъ. Исключеніе составляли Ковенская губернія, вся католическая, и западная

половина Виленской губерніи. Восточная половина Виленской губерніи, отъ Свѣнцянъ на Ошмяны и Лиду, исключительно православное населеніе, съ русскимъ типомъ, съ чисто-русскою рѣчью и съ нравами и обычаями, какое встрѣчается въ Смоленскѣ и въ Могилевѣ.

При представленіи Государю Императору этого атласа было обращено особое вниманіе на Гродненскую губернію, которая, какъ Саламандра, не сгорѣла въ католическо-польскомъ огнѣ, а предстала, почти безъ измѣненія, со времени Владиміра Св. и Мономаха. Этимъ она обязана, какъ помянутому атласу, такъ въ особенности матеріаламъ по географіи и статистикѣ Гродненской губерніи П. Бобровскаго, который своимъ многолѣтнимъ трудомъ въ Гроднѣ доказалъ, что его замѣчательная, многолѣтняя работа посвящена безпристрастно и исключительно преобладающему русскому, православному населенію. Этой побѣдою, этимъ собираніемъ русскихъ земель мы широко воспользовались и доложили объ этомъ Государю Императору. Его Величество заинтересовался и разспрашивалъ о краѣ, коснувшись даже татаръ, тутъ поселенныхъ и нѣкогда громившихъ Россію.

Въ то время, въ 1862 г., считалось въ Гродненской губерніи, по приходскимъ спискамъ:

православныхъ	55,6%
католиковъ	31,4%
іудеевъ	12,26%
Изъ нихъ бѣлоруссовъ и черноруссовъ . .	57,9%
Малороссовъ	19,29%
Всего русскихъ	77,19%
Поляковъ и мазуровъ .	9,52%
Евреевъ	12,26%

Слѣдовательно, окатоличенныхъ русскихъ, но говорившихъ по-русски, было въ 1862 году—21,8%.

Православныхъ приходовъ, братствъ и костеловъ было въ 1862 году слѣдующее число, по уѣздамъ:

Уѣзды:	Правосл. приходы.	Братства.	Костелы.
Гродненскій	26	11	20
Брестъ-Литовскій . . .	78	44	11
Кобринскій	75	41	8
Слонимскій	61	26	17
Волковысскій	36	20	18

Уѣзды:	Правосл. приходы.	Братства.	Костелы.
Пружанскій	31	8	7
Бѣлостокскій	14	4	18
Бѣльскій	41	24	26
Сокольскій	9	5	16
	321	183	141

Тонкая западная пограничная полоса Гродненской губерніи, уѣзды Бѣльскій, Бѣлостокскій и Сокольскій, съ городомъ Дрогичинымъ во главѣ, указываютъ на потуги поляковъ заселить русскія земли своими людьми, но это удалось въ довольно умѣренныхъ размѣрахъ. А вторженіе банды повстанцевъ у Семятичей въ 1863 г., около всегдашнихъ воротъ всякаго польскаго нашествія, со стороны Дрогичина было остановлено русскими войсками въ самомъ началѣ, въ январѣ 1863 г., и этимъ дѣломъ сразу отстояли Западно-Русскій край отъ всякихъ волненій.

По всенародной переписи 1897 г. вотъ что представляетъ изъ себя Гродненская губернія по народности и исповѣданію:

Русскихъ:	Великоруссовъ	4,6%
	Малоруссовъ	22,6%
	Бѣлоруссовъ и черноpус.	44,0%
	Всего русскихъ	71,2%
	Поляковъ	10%
	Евреевъ	17%
	Православныхъ	57,3%
	Католиковъ	24,1%
	Іудеевъ	17,0%

Изъ этого слѣдуетъ, что православныхъ противъ 1862 года почти на 2% больше, католиковъ на 7% меньше, а іудеевъ на 5% больше.

Русскихъ оказалось по переписи меньше на 6%. Поляки пріобрѣли 1/2%, а евреи 5%. Совращенныхъ въ католичество русскихъ въ 1897 году оказалось только 122.368 душъ обоего пола или 7,9%.

По уѣздамъ и по языку оказалось слѣдующее распредѣленіе:

Уѣзды.	% Русскихъ.	% Поляковъ.	% Евреевъ.
Гродненскій	72	5,5	14,5
Брестскій	70,4	3,9	20,7

Виленская губернія
Гродно
Соколка
Васильковъ
Бѣлостокъ
Волковыскъ
Слонимъ
Наревъ
Бѣльскъ
р. Наревъ
р. Бугъ
Дрогичинъ
Пружаны
оз. Черное
р. Ясельда
Жабинъ
Кобринъ
Брестъ-Литовскъ
Днѣпр.-Бугск.
Минская губернія
Волынская губернія
Ломжинская губ.
Подляше. Холмщина
З. Бугъ
50 30 10
60 40 20 0
60 верстъ
Гродненская губ. (Володомірія).

Уѣзды:	% Русскихъ.	% Поляковъ.	% Евреевъ.
Бѣлостокскій . .	33,1	33,9	28,3
Бѣльскій . . .	50,2	35,6	14,9
Волковысскій .	84	1,5	12,3
Кобринскій . .	83,5	2,2	13,6
Пружанскій . .	85,1	1,3	12,8
Слонимскій . .	82,5	1,5	10,6
Сокольскій . .	86	1,1	12,1

По исповѣданіямъ получаемъ слѣдующее распредѣленіе по уѣздамъ:

Уѣзды.	% Православ-ныхъ.	% Католиковъ.	% Іудеевъ.
Гродненскій . .	50,1	26,7	14,5
Брестскій . . .	70,9	6,3	20,7
Бѣлостокскій .	20,1	47,1	28,3
Бѣльскій . . .	48,2	37	14,9
Волковысскій .	57,9	29,2	12,3
Кобринскій . .	82	2,8	13,6
Пружанскій . .	78,8	7,8	12,8
Слонимскій . .	74	10,3	10,6
Сокольскій . .	18,1	69,2	12,1

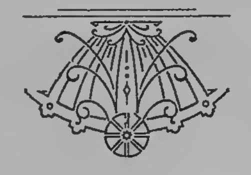
Изъ этихъ двухъ таблицъ видно, что въ 8 уѣздахъ сильно преобладаетъ русскій элементъ и, какъ было уже указано, Бѣльскій и Бѣлостокскій уѣзды нѣсколько сополячены. Что же касается собственно католичества, то оно преобладаетъ въ Сокольскомъ уѣздѣ, куда при Рѣчи Посполитой ссылались преступники (курпики), и гдѣ когда-то жили ятвяги, земли которыхъ, по ихъ истребленіи, заняли сосѣдственные съ ними мазуры.

Казалось бы, что послѣ этихъ цифровыхъ и историческихъ доводовъ, не можетъ быть сомнѣнія, что Гродненская губернія не менѣе русская, чѣмъ всѣ 6 западно-русскихъ губерній, гдѣ теперь хотятъ ввести земство, и что какіе-то два уѣзда, на крайнемъ западѣ, съ польско-католическимъ населеніемъ, не могли бы этому препятствовать. Должно быть полагали, что Гродненская губернія должна быть причислена къ литовскимъ, какъ ближайшая къ Литвѣ и Польшѣ, но оказывается, что литовцевъ тамъ живетъ только 0,2% или 3.893 души, и это на сѣверѣ, по границѣ, въ уголку. О полякахъ уже указано выше, ихъ вѣдь только 10%, а католиковъ, считая русскихъ, совращенныхъ 24%. Значитъ, есть какая-нибудь другая причина. Вводя земство, должно быть сомнѣвались, будетъ ли

настолько силенъ русскій элементъ, чтобы при выборахъ, а потомъ въ управахъ, удержать за собою первенство. Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только степенью культурности населенія, его грамотностью, что дадутъ слѣдующія данныя: на все населеніе губерніи 1.603.000 душъ обоего пола приходится грамотныхъ обоего пола—русскихъ 16,6%, изъ нихъ въ уѣздахъ безъ городовъ 14,3%, а въ городахъ 2,2%. Поляковъ грамотныхъ въ губерніи приходится 4,2%, въ уѣздахъ 3,1%, а въ городахъ 1,1%. Изъ этого усматривается, что грамотныхъ вообще, поляковъ-католиковъ въ 4 раза меньше русскихъ православныхъ людей, и что они вовсе не составляютъ угрозы для подавленія, униженія, ослабленія русскаго элемента по выборамъ, въ управахъ и по найму лицъ, для исполненія работы въ управахъ и на мѣстѣ (3-й элементъ). Но такое дѣло можетъ случиться въ западныхъ уѣздахъ, гдѣ одна треть католиковъ, однако и тутъ возможны поправки, призвавъ къ земской дѣятельности всегдашнихъ руководителей народа, духовенство, братчиковъ, т. е. тѣ устои нашей государственности, которые сохранили Россію въ этой губерніи, ея обликъ, языкъ и укладъ жизни, съ вѣрою. И это не будетъ исключеніе, а государственная потребность, не менѣе важная, чѣмъ разрѣшеніе финляндскаго вопроса! Нужно быть справедливымъ къ чужимъ, но и себя нельзя забывать! Вѣдь все-то дѣло изъ-за двухъ уѣздовъ и одной трети католиковъ. Замѣтимъ еще слѣдующее: грамотность въ Гродненской губерніи начала подниматься только съ 1863 года, т. е. послѣ повстанія. Населеніе въ возрастѣ отъ 40—49 лѣтъ, т. е. 60-хъ годовъ, считаетъ грамотныхъ въ половину меньше, чѣмъ отъ 30—39 лѣтъ, 70-хъ годовъ (14.601 и 31.166 душъ обоего пола); а въ 20—29 лѣтъ, оно удваивается съ (66.918) 80-хъ годовъ, продолжая повышаться относительно, изъ года въ годъ. И такое повышеніе идетъ равномѣрно, по всему племенному фронту; а такъ какъ русскихъ несравненно больше въ губерніи, чѣмъ остальныхъ народностей, то слѣдуетъ ожидать, что въ очень скоромъ времени процентъ грамотныхъ, культурныхъ русскихъ людей будетъ настолько великъ, что не будетъ никакой опасности въ перевѣсѣ польско-католическаго натиска и обезличенія нашихъ сородичей въ той исконно русской землѣ, которая по сю пору не забываетъ ни Кіева, ни своихъ Великихъ Князей, тѣмъ болѣе Императора Александра II, даровавшаго населенію, крестьянству, свободу въ 1861 году, а теперь имѣющая защиту своей національности, своего языка, религіи и равноправности, со всѣми панами и нѣкогда угнетавшей его шляхты! Увеличеніе русскихъ школъ, въ особенности ремесленныхъ, это та сила, по сосѣдству поляковъ, которая высоко подниметъ русскую

національность и отстоитъ границы нашей государственности. Гродненская губернія, какъ передовая позиція русскаго народа, должна быть способна работать въ русскомъ духѣ, и на это не должно жалѣть, не только дать нужныя средства, но и поддержать ее всѣми силами управленія на пользу тѣхъ, которыхъ такъ обидѣла исторія губерніи, разные Чарторыйскіе временъ Александра I-го, и имъ подобные, чисто русскіе бояре, эти измѣнники ради польскихъ привилегій! Мы ожидаемъ, что Гродненская губернія эта Володимірія Великихъ Князей Романа и Даніила, будетъ сравнена по земству съ остальными 6-ю губерніями, и что признаютъ за нею не только русское происхожденіе, но и непринадлежность къ Литвѣ, что противно дѣйствительности; вѣдь иначе возопятъ кости древнихъ дреговичей и кривичей и съ ними приснопамятные Владиміръ Святой и Мономахъ!

А. Ф. Риттихъ.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 15 іюня по 3 августа 1910 г.

Верховской, П. В., проф. Исторія и юридическія условія присоединенія Финляндіи къ русской государственной территоріи (Публичная лекція, прочитанная 4-го апрѣля 1910 года въ Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ и 30-го апрѣля того же года въ Вильнѣ въ Русскомъ общественномъ Собраніи). Варшава. 1910. Тип. Губернская. 8⁰ (13×21). 81 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 7 л. 300 экз.

Грунскій, Н. К., проф. Древне-церковно-славянскіе тексты (Пособіе при практическихъ занятіяхъ). Юрьевъ. 1910. Тип. К. Маттисена. 8⁰ (16×24). 36 стр. Вѣсъ 4 л. 300 экз.

Изъ архива князя С. В. Шаховскаго. Матерьялы для исторіи недавняго прошлаго Прибалтійской окраины (1895—1904). Т. III. Спб. 1910. Тип. В. М. Экиксъ (Невскій, 74). 8⁰ (17×25). LIX+334+IX стр. Съ портр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 2.000 экз.

Кауфманъ, И. И. Серебряный рубль въ Россіи отъ его возникновенія до конца XIX вѣка. Опытъ изслѣдованія. Спб. 1910. Тип. Б. М. Вольфа (Невскій, 126). 8⁰ (20×28). 268 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 500 экз.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе Сочиненій. Томъ VII. Исторія Русской интеллигенціи. Часть 1-я. Спб. 1910. Изд. и тип. Т-ва Общественная польза (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (17×24). 324 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 4.000 экз.

Пятидесятилѣтній юбилейный сборникъ Кіево-Фундуклеевской женской гимназіи 1860 $\frac{7}{1}$ 1910. Кіевъ. 1910. Тип. Русская Печатня (Михайловск. пр., 20). 8⁰ (16×24) 50 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 7 л. 600 экз.

Романовъ, Е. Извѣщенія Литовскаго Епархіальнаго Древнехранилища. № 2. 15-го марта 1910 г. Вильна. 1910. Тип. Русскій Почпнъ. 8⁰ (15×23). 17 стр. Вѣсъ 1 л. 250 экз.

Яворскій, Н. Д. Замѣтки по Исторіи Русскаго Права. Пособіе для студентовъ. Одесса. 1910. Тип. Техникъ (Успенская ул., 56). 8⁰ (15×22). 47 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 6 л. 500 экз.

Григорьевъ, Владиміръ. Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II. (Учрежденіе о губерніяхъ 7 ноября 1775 г.). Спб. 1910. Тип. Русская Скоропечатня (Екатерининскій кан., 94). 8⁰ (16×24). VII+287 стр. Складъ въ книжн. магаз. П. В. Луковникова (Лештуковъ пер., 2). Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 1.000 экз.

Ивановъ, И. С. 14-й стрѣлковый батальонъ „Желѣзной бригады" въ передовомъ отрядѣ генерала Гурко. Эпизодъ изъ исторіи освободительной войны 1877—1878 гг. Спб. 1910. Изд. В. Березовскаго (Колокол-

ная, 14). Тип. В. Безобразова (В. О., Бол. пр., 61). 8° (16×23). 130 стр. Съ портр. и 2 картами. Ц. 1 р. Вѣсъ 17 л. 1.000 экз.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. Вып. 1-й. М. 1910. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковскій пер. св. д). 8° (18×27). 69 стр. Вѣсъ 15 л. 350 экз.

Орбели, І. Каталогъ Анійскаго музея древностей. Вып. 1. Описаніе предметовъ перваго отдѣленія. Анійская серія № 3. Спб. 1910. Изд. и тип. Академіи Наукъ. (В. О., 9., 12). 8° (16×23). XIV+135+V стр. Съ таб. и рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 25 л. 610 экз.

Орбели, І. Краткій путеводитель по городищу Ани. Анійская серія, № 4. Спб. 1910. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (16×22). III+45+VI стр. Съ картой. Ц. 40 к. Вѣсъ 12 л. 500 экз.

Романовъ, Е. Извѣщенія Литовскаго Епархіальнаго Древлехранилища. № 3. 1-го мая 1910 года. (Отд. от. изъ № 9 „Вѣстника Братства“ 1910 года). Вильна. 1910. Тип. Русскій Починъ. 8° (13×23). 34 стр. Вѣсъ 1 л. 400 экз.

Синягинъ, Н. К. Матеріалы для библіографіи русскихъ иллюстрированныхъ изданій. Вып. IV (№ 601—1000). Спб. 1910. Изд. Кружка любителей рус. изящныхъ изданій. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (26×35). 102 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 350 экз.

Толь, К. Ѳ., Журналъ о Декабрьскихъ событіяхъ 1825 года. Подъ ред. Е. Н. Толь. Спб. 1910. Изд. Гр. Е. Н. Толь. Тип. Тренке и Фюсно (Максимильяновскій пр., 13). 8° (19×27). 38 стр. Вѣсъ 11 л. 500 экз.

Тройницкій, С. Замѣтка о гербахъ князей Голицыныхъ. Спб. 1910. Тип. „Сиріусъ“. 16° (12×17). 19 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Ѳирсовъ, Н. Н., проф. Императоръ Александръ I и Его душевная драма. Свободное Знаніе. Сборникъ Спб. 1910. Изд. и тип. т-ва М. О. Вольфъ (В. О., 16 л. 5) 8° (15×22). 53 стр. Съ портр. Вѣсъ 9 л. 3.000 экз.

Алексій, іером. Краткія свѣдѣнія о Кожеозерскомъ монастырѣ, что въ Онежскомъ уѣздѣ, Архангельской епархіи и объ его основателяхъ—подвижникахъ и о св. преподобномъ Никодимѣ. Архангельскъ. 1910 Изд. Кожеозерск. обители. Тип. В. Черепанова. 8° (15×24). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Бѣлокуровъ, С. А. „Дѣло Флетчера“ 1848—1864 г. М. 1910. Изд. Им. Общ. Истор. и древн. россійскихъ Тип. Синодальная (Никольская, св. д.). 8° (19×29). 39 стр. Вѣсъ 7 л. 300 экз.

Веселовскій, Н. И. Гератскій бронзовый котелокъ 559 года Гиджры (1163 по Р. Х.) изъ собранія гр. А. А. Бобринскаго. Матеріалы по археологіи Россіи № 33. Спб. 1910. Изд. Археологич. комис. Тип. Академіи Наукъ. 4° (28×38). 20 стр. Съ рис. Вѣсъ 14 л. 860 экз.

Гейсманъ, П. Польско-русско-литовскій походъ въ Восточную Пруссію и сраженіе при Грюнвальдѣ-Танненбергѣ 15-го іюля 1410 года. Спб. 1910 Тип. Глав. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (16×24). 46 стр. Вѣсъ 5 л. 100 экз.

Ермиловъ, В. Е. Великій артистъ-крестьянинъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Біографическій очеркъ. Библіотека для семьи и школы. М. 1910 Изд. Ред. журн. Юной Россіи (Б. Молчановка, 24), 3-е. Тип. К. Л. Меньшова (Никольск. пр., 21). 8° (15×20). 110 стр.+2 портр. Ц. 30 к. Вѣсъ 11 л. 3.600 экз.

Кузнецовъ, С. К. Русская историческая географія. Курсъ лекцій

читанныхъ въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ. Вып. 1 (меря, мещеря, мурома, весь). М. 1910. Изд. Моск. Археол. инст. Тип. Синодальная, 8° (18×27). 3 нен.+197 стр. Вѣсъ 1 ф. 650 экз.

Лермонтова, Е. Д. Похвальное слово Лихудовъ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. М. 1910. Изд. Имп. Общ. Исторіи и древн. Россійскихъ. Тип. Синодальная 8° (18×29). 9 стр. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Никольскій, М. В. Новооткрытая въ Эриванской губерніи клинообразная надпись. (Съ фототипической таблицей). (Отд. отт. изъ „Извѣстій Импер. Археол. Комиссіи", вып. 37). М. 1910. Тип. О. О. Гербахъ (Б. Чернышевск. п., 5). 8° (20×29). XIII стр. Вѣсъ 4 л. 960 экз.

Плано Карпини-де, Іоаннъ. Исторія монологовъ Рубрукъ де, Вильгельмъ. Путешествіе въ восточныя страны. Введеніе, переводъ и примѣчанія А. І. Малеина. Спб. 1910. Изд. и тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (21×31). XVI+219 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 1.200 экз.

Покрышкинъ, П. Краткіе совѣты для производства точныхъ обмѣровъ въ древнихъ зданіяхъ. Спб. 1910. Тип. Главн. Управл. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (19×27). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 300 экз.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. IX—X Спб. 1910. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (16×24). XIX+441 стр. Съ таб. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 730 экз.

Русско-Японская война. Т. V. Мукденское сраженіе Ч. I. (1904—1905 гг.). Событія, непосредственно предшествовавшія Мукденскому сраженію, и самое сраженіе до приказанія Главнокомандующаго объ отходѣ III и I арміи въ Хунъ-хэ. Спб. 1910. Изд. Гл. Упр. Ген. Штаб. Тип. Государственная. 4° (19×29). IX+685 стр. Вѣсъ 4 ф. 4.050 экз.

Самоквасовъ Д. Я. Крестьяне древней Россіи по новооткрытымъ документамъ. М. 1910. Тип. Университета (Страстной бульв.). 8° (18×28). IV+141 стр. Вѣсъ 22 л. 600 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 гг. на Балк. полуостровѣ. Вып. 77. Дѣйствія Восточнаго отряда. (Рущукскій и Тырновскій отряды) съ 20 января по 19 февраля 1878 г. Спб. 1910. Изд. Гл. Упр. Ген. Штаба. Тип. Энергія (Загород. прос., 17). 4° (20×29). XXX+395 стр. Вѣсъ 3 ф. 1.250 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 гг. на Балканскомъ полуостровѣ. Вып. 81. Отчетъ о службѣ и дѣятельности частей инженерныхъ войскъ, морскихъ отрядовъ и разныхъ командъ, подвѣдомственныхъ начальнику инженеровъ арміи, во время войны въ Европейской Турціи 1877—78 гг. Спб. 1910. Изд. Воен.-Истор. Комиссіи Гл. Упр. Генер. Штаба. Тип Рус. Скоропечатня (Екатер. кан., 91). 8° (19×28). 246 стр. Вѣсъ 1 ф. 26 л. 1.210 экз.

Титовъ, А. А. Троицкій Макарьевскій Желтоводскій монастырь. М. 1910. Изд. П. В. Щетинкина. Тип. А. Снегиревой (Савеловскій пер., св. д.). 8° (18×27). 161+19 лист. рис. Вѣсъ 27 л. 650 экз.

Бобринской, А. А., гр. Народныя русскія деревянныя издѣлія. Предметы домашняго, хозяйственнаго и отчасти церковнаго обихода. 15 фотографическихъ таблицъ (отъ № 14 до 28 включит.) раб. фот. П. П. Павлова. Вып. II-ой. М. 1910. Тип. Левенсонъ; фотографія Павлова. 4° (31×41). 4 стр.+15 таблицъ. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 500 экз.

Болдыревъ, В. Г. Взятіе Риги въ 1710 году. (Къ 200-лѣтней го-

довщинѣ 1710—1910 г.). Рига 1910. Тип. Шкакенбургъ (Конюшенная, 5). 8° (15×23). 45 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 2.000 экз.

Болдыревъ, В. Г. Осада и взятіе Риги русскими войсками въ 1709—1710 г.г. (Къ 200-лѣтнему юбилею). Рига 1910. Изд. Риж. гор. обществ. управл. Тип. Мюллера (Гердерова пл., 1). 8° (15×22). 101 стр. Съ рис. + 1 карта. Вѣсъ 10 л. 2.000 экз.

Вишневскій, А. Н. Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, бывшій Московскій генералъ-губернаторъ. Въ память столѣтняго дня его рожденія 3-го іюля 1810—1910 г.г. по историческимъ даннымъ. М. 1910. Тип. А. А. Левенсонъ. 8° (15×22). 79 стр. Съ портр. Вѣсъ 8 л. 1.000 экз.

Высоцкій, И. П. Очерки по исторіи объединенія Прибалтики съ Россіей. (1710—1910 г.г.). Вып. первый. Русская Государственность. Рига. 1910. Тип. А. Нитавскаго (Гертрудинская, 14). 8° (16×24). 42 стр. Складъ: Кн. маг. А. А. Павловъ (Песочная, 32). Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 1.100 экз.

Голубцовъ, Н. А. Историческій очеркъ Архангельской Публичной Библіотеки. Архангельскъ. 1910. Тип. Губернская. 8° (18×26). 48 стр. Вѣсъ 7 л. 200 экз.

Городъ Рыбинскъ и Рыбинская пристань сто лѣтъ тому назадъ (1811—1911). Описаніе города Рыбинска печатается по рукописи, написанной въ 1811 году. Рыбинскъ. 1910. Изд. Д. Золотарева. Тип. С. А. Овсянникова. 16° (13×18). 45 стр.+1 планъ. Ц. 20 к. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Двадцатипятилѣтіе почтово-телеграфнаго вѣдомства 1885—1910. Спб. 1910. Тип. Мин. Внутр. Дѣлъ. 8° (17×24). 19 стр. Вѣсъ 6 л. 500 экз.

200 лѣтъ 3-го гренадерскаго Перновскаго короля Фридриха Вильгельма IV полка 29-го іюня 1910 г. М. 1910. Тип. А. А. Левенсона (Трехпрудн. п., с. д.). 8° (17×28). 24 стр. Съ портр. и рис. Вѣсъ 6 л. 3.500 экз.

Евстафіевъ, П. В. Древняя Русская Литература (до Петровскій періодъ). 2-й вып. Книжная словесность. Спб. 1910. Изд. 12-е и тип. Гутзаца (Шпалерная, 26). 8° (18×75). 102+II стр. Съ рис. Ц. 75 к. Вѣсъ 12 л. 1.545 экз.

Зубаревъ, Ѳ. Юбилей Государевыхъ гренадеръ. 1900—1910 г. Памятка 12 гренадерскаго Астраханскаго Императора Александра III полка. Составлено по полковымъ источникамъ. М. 1910. Тип. Б. О. Смирновой (Лубянск. пр., д. политехнич. музея). 8° (15×21). 120 стр.+6 портр. Вѣсъ 8 л. 3.000 экз.

Каманинъ, И. М. Битва казаковъ съ поляками подъ м. Берестечкомъ въ іюнѣ 1651 г. Кіевъ. 1910. Тип. Окружнаго Штаба (Банковая, 11). 8° (15×22). 25 стр. Съ картами и рис. Вѣсъ 6 л. 3.000 экз.

Коганъ, П. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Томъ I. Вып. II. М. 1910. Изд. Заря, 2-е. Тип. Обществен. польза (Тверск.-Ямск., 26). 8° (15×23). 240 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 25 л. 5.000 экз.

Кордтъ, В. Матеріалы по исторіи русской картографіи. Карты всей Россіи и Западныхъ ея областей до конца XVII в. Вып. 2-й. Кіевъ. 1910. Изд. Комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). f° (31×49). 31 стр. Съ 28 картами. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 442 экз.

Къ вопросу о клятвахъ Антіохійскаго патріарха Макарія и собора 1656 г. на знаменующихся двуперстно. Спб. 1910. Изд. В. М. Скворцова. Тип. Колоколъ (Невскій, 127). 8° (17×25). 23 стр. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Лукомскій, В. и Тройницкій, С. Указатель къ Высочайше утвержденнымъ общему Гербовнику Дворянскихъ родовъ Имперіи и Гербовнику Дворянскихъ родовъ Царства Польскаго. Спб. 1910. Тип. Сиріусъ (Соляной, 7). 8° (17×23). 151 стр. Ц. 1 р. 40 к. Вѣсъ 19 л. 500 экз.

Миклашевскій, Іос. Памяти М. А. Балакирева. Кіевъ. 1910. Тип. С. Г. Слюсаревскаго (Институтская, 14). 16° (12×19). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 120 экз.

Нижегородскія платежницы 7116 и 7120 гг. Приготовилъ къ печати и редактировалъ С. Веселовскій. М. 1910. Изд. Имп. О-ва Истор. и Древн. Рос. Тип. Синодальная 8° (19×28). V+284 стр. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 300 экз.

Никитинъ, Н. М. Е. Салтыковъ-Щедринъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Безпл. прил. къ № 4 „Современнаго Журнала". Спб. 1910. Изд. 2-е, Тип. К. А. Четверикова (Караванная, 7). 8° (14×19). 16 стр. Вѣсъ 2 л.

Отчетъ о первомъ присужденіи преміи А. П. Бахрушина Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1910. Тип. Синодальная. 8° (17×27). 32 стр. Вѣсъ 6 л. 100 экз.

Отчетъ Тверского Епархіальнаго Историко-Археологическаго Комитета за 1907, 1908 и 1909 гг. (Перепечат. изъ №№ 22 и 23 за 1910 г. „Тверск. Епарх. Вѣдом."). Тверь. 1910. Тип. Н. М. Родіонова (Трехсвятская, д. Шиканова). 8° (17×25). 18 стр. Вѣсъ 1 л. 300 экз.

Покровскій, А. Очерки исторіи церковнаго цѣнія. Богослужебное пѣніе древней Христіанской Церкви. Новгородъ. 1910. Тип. Губернская. 8° (15×22). 20 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Покровскій, В. И. Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1910. Изд. 2-е, доп. Тип. Л. Лисснеръ и Д. Собко. 8° (16×25). 173 стр. Съ портр. Ц. 50 к. Вѣсъ 18 л. 3.000 экз.

Рождественскій, С. В. Отзывъ о сочиненіи В. О. Эйнгорна. Московское главное народное училище 1786—1804 гг. М. 1910. Изд. Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. при моск. универс. Тип. Синодальная. 8° (18×27). 14 стр. Вѣсъ 3 л. 200 экз.

Сиповскій, В. В. Исторія русской словесности. Часть II (Исторія литературы съ эпохи Петра В. до Пушкина). Спб. 1910. Изд. Я. Башмакова и К°, 3-е испр. и доп. Тип. „Трудъ" (Фонтанка, 86). 8° (16×23). XVIII+33—1 стр. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 10.000 экз.

Смирновъ, С. И. Отзывъ о сочиненіи Г. Н. Шмелева: Изъ Исторіи Московскаго Успенскаго Собора. М. 1910. Изд. Имп. О-ва Ист. и Древн. Росс. при Моск. Унив. Тип. Синодальная. 8° (17×27). 17 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Сочиненія о Россіи на иностранныхъ языкахъ. Антикварный каталогъ № 68. Н. Киммеля. Рига. 1910. Тип. Мюллера (Гердерова пл. 1). 8° (14×21). 172 стр. Вѣсъ 10 л. 3.000 экз.

Страннопріимный домъ Графа Шереметева въ Москвѣ 1810—1910 г. М. 1910. Изд. Юбилейное, составл. по поруч. попечителя Гр. С. Д. Шереметева. Тип. Синодальная. 8° (19×29). 518+VII+74+148+IV стр.+37 рис. Вѣсъ 6 ф. 8 л. 600 экз.

Васильевъ, Ѳ. Т. Серебряный рубль суздальско-нижегородскаго

князя Василія Кирдяпы. Казань. 1910. Тип. Университета. 8° (17×25) 7 стр. и 1 табл. рис. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Высоцкій, И. И. Очерки по исторіи объединенія Прибалтики съ Россіей (1710—1910 г.г.). Вып. II. Православіе. Часть первая. Рига. 1910 Тип. Н. А. Нитавскаго (Гертрудинская, 14). 8° (16×23). 35 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 4 л. 1.100 экз.

Вышемирскій, З., свящ. Историческая справка. По поводу XXV лѣтія существованія, возрожденной Императоромъ Александромъ III, церковной школы въ Россіи вообще и въ Павлоградскомъ уѣздѣ въ частности (1884—1909 г.). Отд. отт. изъ Екатер. Епарх. Вѣдом. № 13, 14, 15 и 16 за 1910 г. Екатеринославъ. 1910. Тип. С. И. Барановскаго. 8° (17×25). 24 стр. Вѣсъ 2 л. 110 экз.

Гнѣвушевъ, А. М. Писцовая книга Обонежской пятины второй московской описи. Кіевъ 1910. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская) 8° (17×25). II+96 стр. Вѣсъ 11 л. 200 экз.

Грабарь, Игорь. Исторія Русскаго Искусства. Вып. 3. Спб. 1910. Изд. I. Кнебель (Москва). Тип. Голике (Звенигородская, 11). 4° (24×31). 111 стр. и 91 рис. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 15.000 экз.

Граціанскій, Н. О памятникахъ идеографическаго письма крестьянокъ Скопинскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Казань. 1910. Тип. Университета 8° (16×25). 15 стр.+9 таб. рис. 50 экз.

Ивановъ, кап. Памятка Зарайца о войнѣ съ Японіей въ 1904—1905 гг. М. 1910. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, св. д.). 8° (16×23). 63 стр. Съ портр. Ц. 30 к. Вѣсъ 9 л. 4.000 экз.

Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ. Томъ XXVI, вып. 3 Казань. 1910. Тип. Университета 8° (17×25). 175–294 стр. Съ рис. Ц. 5 р. Вѣсъ 20 л. 300 экз.

Извѣстія Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Имп. Акад. Наукъ. 1910. Тома XV. Кн. I. Спб. 1910. Изд. и тип. Имп. Академіи Наукъ. (В. О., 9 л. 12). 8° (16×24). 324+XXI стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 873 экз.

Содержаніе Яцимирскій, А. И. Къ исторіи апокрифовъ.—Бобровъ, Е. А. Изъ ист. рус. литературы XVIII и XIX столѣтій.—Коробка, Н. И. Образъ птицы, творящей міръ.—Трубицинъ, Н. В. Идеализмъ Гоголя.—Марковъ, А. В. Данныя по говору Стародубскаго уѣзда.—Веселовскій, А. А. Капнистъ и Горацій.—Щерба. Л. В. Критич. замѣтки.—Кунцевичъ, Г. З. Подлинный списокъ о новыхъ чудотворцахъ.—Некрасовъ, А. Н. Житіе пр. Евфросиніи.—Баженовъ, Н. М. Квитка-Основьяненко.—Чернышевъ, В. И. Какъ на матушкѣ, на Невѣ рѣкѣ.—Бенешевичъ, В. Н. Прод. Указателя.

Кульчицкій, В. М. 1810—1910. Памятка 12-го Драгунскаго Стародубовскаго полка о сраженіи и взятіи крѣпости Базарджика въ 1810 г. 22 мая. Харьковъ. 1910. Тип. М. Дрейшпуль и С-вья. 16° (12×16). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1,000 экз.

Курдиновскій, З. Г. Н. В. Гоголь и его творчество. Кишиневъ. 1910. Тип. Епархіальная. 8° (15×21) 125 стр. Съ портр. Вѣсъ 9 л. 1.000 экз.

Матвѣевъ, М. Л. Бородино 26-го августа 1812 года. Военно-историческій очеркъ съ двумя планами сраженій (издано для офицеровъ и нижнихъ чиновъ 184-го пѣх. рез. Варшавскаго полка). Варшава 1910,

Тип. Русск. Об. (Пл. Св. Александра, 4). 8⁰ (15×21). 48 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 1.050 экз.

Нуссбаумъ, И. Критическіе матеріалы по литературѣ. Вып. II. Ложноклассицизмъ. Сентиментализмъ. Романтизмъ. Байронизмъ. Реализмъ. Вып. III. Пушкинъ. Гоголь. Лермонтовъ. Кольцовъ. Тургеневъ. Гончаровъ. Островскій. Житоміръ. 1910. Изд. автора (Пигулевскій пер. д. Бронштейна). Тип. Губернская. 8⁰ (16×21) 88 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 9 л. 1.500 экз.

Отечественная война 1812 года. Отд. I. Томъ XIII. Боевыя дѣйствія въ 1812 г. (Іюнь). Спб. 1910. Изд. Глав. Управ. Генер. Штаба. Тип. Бережливость (Невскій, 139). 8⁰ (18×25). XXVI+417+XXXII стр. Вѣсъ 2 ф. 500 экз.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1902 г. Спб. 1910. Тип. В. Киршбаума (Дворцовая площ., д. М-ва Финанс.). 8⁰ (18×27). V+247 стр. Вѣсъ 1 ф. 19 л. 500 экз.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1903 г. Спб. 1910. Тип. В. Киршбаума (Дворцовая площ., д. М-ва Финанс.). 8⁰ (18×27). V+154+ +196+4 нен. стр. Вѣсъ 2 ф. 10 л. 500 экз.

Прибалтійскій Край подъ русской властью. Къ 200-лѣтн. юбилею присоединенія Прибалтійскаго края къ Русской Державѣ. (4 іюля 1710— 4 іюля 1910 г.). Рига. 1910. Изд. Риж. Петропавл. правосл. бр-ва. Тип. Г. Гемпель и К⁰ (Крѣпостная, 7). 8⁰ (14×22). 24 стр. Съ портр. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Пшеничниковъ, П. Г. Русскіе въ Прибалтійскомъ краѣ. Историческій очеркъ. Рига. 1910. Изд. Риж. націон. клуба Русская Бесѣда. Тип. Н. А. Нитовскаго. 8⁰ (16×23). 27 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Саратовскій Радищевскій музей, состоящій подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Имп. Выс. Вел. Кн. Георгія Михайловича. XXV. Саратовъ. 1910. Тип. П. С. Феокритова (Никольская ул., св. д.). 4⁰ (21×24). 14 стр. Съ рис. Вѣсъ 11 л. 200 экз.

Сиповскій, В. В. Исторія русской словесности. Часть I. Вып. I. Народная словесность. Спб. 1910. Изд. Я. Башмакова и К⁰, 5-е стереотипн. Тип. Спб. Градоначальства (Измайлов. пр., 8-я рота, 20). 8⁰ (16×23). 145+ +XII стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 15 л. 15.000 экз.

Смирнскій, Іоаннъ, свящ. Къ 49-й годовщинѣ великой крестьянской реформы (Изъ воспоминаній и наблюденій скромнаго дѣятеля по введенію Положенія 19-го февраля 1861 года). Харьковъ. 1910. Тип. „Мирный Трудъ“ (Дѣвичья, 14). 8⁰ (15×23). 13 стр. Вѣсъ 2 л. 150 экз.

Токаревъ, П. М. Бельгійскій вопросъ. Краткій Историческій очеркъ. I. Къ 200-лѣтію присоединенія Лифляндіи и Эстляндіи къ Россіи 1710—1910. Рига. 1910. Тип. Г. Гемпель и К⁰ (Крѣпостная, 7). 8⁰ (14×22). 27 стр. Складъ: кн. маг. А. А. Павлова (Песочная, 32). Вѣсъ 3 л. 1.500 экз.

Ученыя записки Императорскаго Казанскаго Университета. Май. 1910 г. Казань. 1910. Тип. Университета. 8⁰ (17×25). 53+76+497—512+ +33—192+62+369—405+30 стр. Ц. 7 р. Вѣсъ 1 ф. 600 экз.

Арсеньевъ, В. С. Списокъ дворянскихъ родовъ Сѣдлецкой губерніи. Спб. 1910. Тип. Сиріусъ (Соляной, 7). 8⁰. (16×22). 31 стр. Ц. 45 к. Вѣсъ 5 л. 250 экз.

Бережковъ, М. А. Ф. Шафонскій и его трудъ: Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе. (Замѣтки къ исторіи Черниговской губерніи и Малороссіи вообще). Нѣжинъ. 1910. Тип. Насл. В. К. Маленевскаго. 8⁰ (18×27). 120 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 17 л. 200 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи. Вып. 35. Спб. 1910. Тип. Гл. Управл. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (19×28). 131 стр.+5 табл. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 900 экз.

Содержаніе: Н. И. Веселовскій. Алебастровыя и глиняныя статуэтки домикенской культуры въ курганахъ южной Россіи (съ 4 табл. и 11 рис.).—В. В. Шкорпилъ. Отчетъ о раскопкахъ въ гор. Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ въ 1907 г. (съ 33 рис.)—Графъ А. А. Бобринской.—Изслѣдованія въ Чигиринскомъ у. Кіевской губ. въ 1907 г. (съ 14 рис.) Его же. Отчетъ о раскопкахъ въ Чигиринскомъ у. Кіевской губ. въ 1908 г. (съ 51 рис.).—А. А. Миллеръ. Раскопки въ районѣ древняго Танаиса (съ 1 табл. и 30 рис.).—А. С. Раскопка кургана въ гор. Валуйкахъ (съ 1 рис.).

Ильинскій, Л. Поэзія кладбища. (Изъ наблюденій надъ могильными надписями Казанскаго Арскаго кладбища). Казань. 1910. Изд. Совѣта Общества археологіи при Казан. унив. Тип. университета. 8° (17×25). 19 стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Никаноръ, арх. Остатки языческихъ обрядовъ и религіозныхъ вѣрованій у чувашъ. Казань. 1910. Изд. автора 2-е испр. и доп. Тип. университета. 8° (17×25). 38 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 4 л. 600 экз.

Обтемперанскій, А. Безблагодатное и противоканоническое священство Бѣлокриницкаго общества (Историко-каноническая справка объ „Австрійской расколостарообрядческой іерархіи"). Екатеринбургъ. 1910. Тип. А. Р. Вельцъ. 8° (15×23). 41 стр. Вѣсъ 3 л. 2.400 экз.

Покровскій, К. Этнографическій элементъ въ произведеніяхъ Григоровича. М. 1910. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиж., 9). 8° (17×25). 8 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Составлена при участіи профессоровъ и преподавателей подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Т. П. М. 1910. Изд. Москов. Учеб. Книгоизд. (Глинищевскій пер., 3). Тип. Люндорфъ (Мал. Спасская, 2). 8° (15×23). 439 стр.+2 портр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 5.000 экз.

Шереметевъ, Павелъ, графъ. Борисъ Сергѣевичъ Шереметевъ. 1822—1906. М. 1910. Тип. Синодальная. 8° (20×27). 57 стр.+IX отдѣльн. рис. и 15 музыкальн. произведеній. Вѣсъ 1 ф. 400 экз.

Голубевъ, С. Панегирикъ кіево-печерскому архимандриту Елисею, Плетенецкому 1618 года. Кіевъ. 1910. Тип. „Петръ Барскій" (Крещатикъ. № 40), 8° (17—24). 55 стр. Вѣсъ 7 л. 200 экз.

Егоровъ, Анатолій. Изъ дѣлъ архива Одесскаго цензурнаго комитета. Одесса. 1910. Тип. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (20 × 27). 6 стр. Вѣсъ 2 л. 25 экз.

Историческое описаніе свято-троицкія Сергіевы Лавры. Сергіевъ Посадъ. 1910. Тип. Троице-Сергіевой Лавры. 8° (18×27). 159 стр. Съ рис. Вѣсъ 23 л. 5.000 экз.

Исторія Русской Литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 19-й. М. 1910. Изд. Т-ва „Міръ" (Знаменка, 13). Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 8° (18×27). 81—160 стр. Съ рис. Вѣсъ 20 л. 10.000 экз.

Орловъ, Н. А. Битва подъ Грюнвальдовъ 15 іюля 1410 г. Калуга. 1910. Тип. Губернская. 16° (11×17). 15 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Покровскій, В. И. Николай Васильевичъ Гоголь. Сборникъ исто-

рико-литературныхъ статей. М. 1910. Изд. 3-е доп. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко. 8⁰ (16×25). VII+421 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 6.000 экз.

Самоквасовъ, Д. Я. Къ вопросу о государственныхъ цвѣтахъ древней Россіи. М. 1910. Тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8⁰ (16×25). 16 стр. Вѣсъ 4 л. 400 экз.

Тевяшовъ, Е. Е. О назначеніи боковыхъ отверстій на втулкахъ бронзовыхъ наконечниковъ скиѳскихъ стрѣлъ. (Извлечено изъ журн. Мин. Нар. Просвѣщенія за 1910 годъ). Спб. 1910. Тип. Сенатская. 8⁰ (16×24). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 200 экз.

Ученыя записки Императорскаго Юрьевскаго Университета № 6. Юрьевъ. 1910. Тип. К. Маттисена. 8⁰ (16×24). 270 стр. Вѣсъ 27 л. 600 экз.

Херсонисскій первоклассный Монастырь Святого Равноапостольнаго Великаго Князя Владиміра въ Херсонисѣ Таврическомъ (древнемъ Корсунѣ). Симферополь. 1910. Тип. Таврич. Губ. Земства. 8⁰ (14×22). 97 стр. Вѣсъ 11 л. 2.500 экз.

Шульгинъ, С. Н. Изъ Дагестанскихъ преданій о Шамилѣ и его сподвижникахъ. Тифлисъ. 1910. Тип. К. П. Козловскаго. 8⁰ (15×22). 36 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 6 л. 600 экз.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1910 г.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ТРЕТІЙ

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и воспоминанія. СТРАН.

СТРАН.

Портреты:

I. Гр. Александра Өедоровича Ланжерона (при 7-й книгѣ).
II. Андрея Денисьевича Виніуса (при 9-й книгѣ).

Приложеніе:

Планъ Гродненской губ. (Володимірія) (при 9-й книгѣ).

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

Библіографическій листокъ.

посольства въ Персіи въ 1816 и 1817 г.г., веденныя совѣтникомъ этого посольства Е. А. Соколовымъ (тамъ же).

3. И. Корниловъ. Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Матеріалы для исторіи Виленскаго учебнаго округа. Изданіе второе, провѣренное и дополненное (посмертное). Выпускъ первый (тамъ же).

4. Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга двадцать вторая. Съ приложеніемъ подробнаго указателя ко всѣмъ двадцати двумъ книгамъ. С.-Петербургъ 1910 г. (тамъ же).

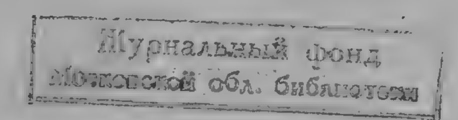
5. Труды Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества. Т. I—IV. -СПБ. 1909 г. (на оберткѣ августовской книги).

6. Столѣтіе Военнаго Министерства Ч. III. Память о членахъ Военнаго Совѣта (тамъ же).

7. Столѣтіе Военнаго Министерства. Вып. I. Систематическій указатель. Составилъ Н. М. Затворницкій подъ редакціей Д. А. Скалона (тамъ же).

8. Столѣтіе Военнаго Министерства. Приложеніе III. Составилъ Н. М. Затворницкій (тамъ же).

9. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 18 мая по 15 іюня 1910 г. (на оберткѣ сентябрьской книги).

Поправка: Въ августовской книжкѣ, вкралась ошибка, на обложкѣ журнала и на страницѣ 239 напечатано П. А. Пивинъ, а слѣдуетъ П. А. Ильинъ.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Мордовцевъ, Д. Л. Полное собраніе сочиненій. Т. II. Замѣчательныя историческія женщины на Руси. Отъ княгини Ольги до нашихъ временъ.—120 Біографій и Характеристикъ. Русскія женщины до Петра. Спб. 1910. Изд. Н. Н. Перевозникова (Банковскій пер., 31). Тип. Балянскаго (Загородный, 74). 8° (15×21). 336 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 23 л. 3.000 экз.

Никольскій, Викторъ. Русскіе художники. В. И. Суриковъ. Спб. 1910. Изд. Т-ва Огни (7 рота, 26). Тип. Акц. Общ. Тип. дѣла, клише и иллюстр. Ф. Брукманъ въ Мюнхенѣ. 8° (17×23). 95 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 16 л. 2.000 экз.

Труды Псковскаго Археологическаго общества. Вып. 6-й 1909—1910 г. Псковъ. 1910. Тип. Губ. Земства. 8° (15×20). 154 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 15 л. 215 экз.

Содержаніе: Помяловскій, М. Историческая памятка событія 1510 г. Окуличъ-Казаринъ, Н. Памятники паденія Псковской независимости. Лебедевъ, А. Къ біографіи Иннокентія (Нечаева), архіеп. Псковскаго. Іеропольскій, К. Пѣсни, записанныя въ Холмскомъ уѣздѣ, Псковской губ. Елагинъ, В. Припѣвки, собранныя и записанныя въ гор. Холмѣ. Петровъ, В. Сопки, насыпи и городища по Опочецкому уѣзду. Окуличъ-Казаринъ, Н. Старинные документы. Его же. Старинные синодики. Указатель къ синодику Троицкаго собора.

Дмитріевъ, Никодимъ. Памяти М. А. Балакирева. Саратовъ. 1910. Изд. автора. Тип. Союза печатнаго дѣла (Армянская ул.). 8° (14×23). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 300 экз.

Лаппо Данилевскій А. С. Методологія исторіи. Часть 1-я. Теорія историческаго знанія. Спб. 1910. Тип. В. Безобразова В. О., Больш. пр. 61). 8° (17×25) 291 стр. Вѣсъ 28 л. 500 экз.

Лернеръ, Н. О. Труды и дни Пушкина. Спб. 1910. Изд. и тип. Акад. Наукъ II-е испр. и доп. (В. О., 9 л., 12). 8° (17×25) 576 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ. 2 ф.5 л. 912 экз.

Лицейскій Журналъ. Годъ седьмой. 1909—1910. Спб. 1910. Изд. Л. Е. Кондратьева, Н. Н. Геракова и Ю. В. Ермолова. Тип. Спріусъ (Соляной, 7). 8° (17×28). 247—289 стр. Вѣсъ 6 л. 150 экз.

Содержаніе: Гаартманъ, Л. Ф. Наполеонъ I. Л. Стихотвореніе. Щербаковъ, И. Стихотвореніе. Мышецкій, Д. Пушкинскій музей и лицеисты. Сухотинъ, А. Стихотвореніе. Ермоловъ Юрій. На лицейскія темы. Ганъ, К. Стихотвореніе.

Незеленовъ, А. И. Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Въ двухъ частяхъ. Подъ. ред. В. В. Каллаша. Часть 1. Съ древнѣйшихъ временъ до Карамзина. М. 1910. Изд. 18-е, В. В. Думнова (Мясницкая, д. Обидиной) Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестов. п., с. д.). 8° (15×22). IV+237 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 19 л. 15.000 экз.

Остенъ-Сакенъ, В., бар. Государственно-правовое положеніе Великаго Княжества Финляндскаго въ Россійскомъ государствѣ. Перев. съ нѣм. подъ. ред. автора. Безпл. прил. къ газ. „Окраина“. Спб. 1910. Тип. Государственная. 8° (19×26). 220 стр. Вѣсъ 21 л.

Покровскій, М. Н. Русская исторія. Томъ 1. Книга вторая М. 1910. Изд. т-ва Міръ (Знаменская, д. 13). Тип. В. В. Чичерина (Марьинскій уч. св. д.). 8° (19×28). 149—259+56+ +7 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 31 л. 5.000 экз.

Сборникъ Имп. русскаго историческаго общества. Т. I. 131-й. Переписка Императора Николая Павловича съ Великимъ Княземъ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ Т. I. (1825—29 гг.). Спб. 1910. Изд. Имп. рус. историч. общества (Загородный, 70). Тип. М. А. Александрова. (Надеждинская, 43) 4° (20×28) II+398 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 1.258 экз.

Смоленскій, С. В. Мусикійская грамматика Николая Дѣлецкаго. Труды Общ. любителей древней письменности CXXVIII. Спб. 1910. Изд. Общ. любит. древней письменности. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18×27). XII+175 стр. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 450 экз.

Бородкинъ, М. Двухсотлѣтіе взятія Выборга. Спб. 1910. Тип. Государственная. 8° (18×27). 28 стр. Съ рис. и картой. Складъ: маг. Новаго Времени. Вѣсъ 7 л. 1.000 экз.

Бородкинъ, М. Исторія Финляндіи. Время Петра Великаго. Къ двухсотлѣтію взятія Выборга. Спб. 1910. Тип. Государственная. 4° (21×29). XVIII+337 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 23 л. 1.000 экз.

Бѣлогорскій Свято-Николаевскій православно-миссіонерскій мужской общежительный монастырь (въ Осинскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи). М. 1910. Тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (15×23). 101 стр. Съ рис. Вѣсъ 8 л. 6.000 экз.

Владимірскій, Константинъ, прот. Лѣтопись соборной Христорождественской церкви и прихода заштатнаго города Починокъ, Нижегородской Епархіи. Н.-Новгородъ. 1910. Изд. 2-е доп. Тип. И. К. Владимірскаго. 8° (14×21). 140 стр. Вѣсъ 16 л. 200 экз.

Забѣлинъ, И. Е. Какъ жили въ старину русскіе Цари-Государи. Спб. 1910. Изд. общ. грамотности (Театральная ул., 5). Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ, 4). 8° (14×21). 48 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 5.000 экз.

Романовъ. Е. Извѣщенія Литовскаго Епархіальнаго Древнехранилища. № 1. 15-го февраля 1910 года. Вильна. 1910. Тип. Русскій починъ. 8° (15×23). 5 стр. Вѣсъ 1 л. 250 экз.

Семеновъ, Вл. Бой при Цусимѣ. Памяти „Суворова“. Спб. 1910. Изд. 3-е, испр. и доп. Тип. т-ва М. О. Вольфъ (В. О., 16 л., 5). 8° (13×19). 112 стр. Съ таб. Ц. 60 к. Вѣсъ 13 л. 3.000 экз.

Сивицкій, С. Н. Къ двухсотлѣтію русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ. 1710—1910 г. Историческій очеркъ Прибалтійскаго края. Сѣверная война въ предѣлахъ Прибалтійскаго края. Осада и взятіе Риги. Рига. 1910. Изд. Риж. педагог. об-ва. Тип. Шнакенбургъ (Конюшенная, 5). 8° (15×23). 47 стр. Съ портр.+1 карта. Складъ: кн. маг. А. Павлова (Б. Песочная, 32). Ц. 20 к. Вѣсъ 5 л. 2.000 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по **9** рублей.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ**.

